

Библиотека
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Серии
СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ТРУДЫ О ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БЕЛГРАДЕ

Серия
Сербская литература

Кн. 1: Сербская народная поэзия; Кн. 2: Сербская народная проза; Кн. 3: Сербская литература средних веков. Хрестоматия; Кн. 4 : Сербская поэзия XVIII и XIX вв. (от барокко до реализма); Кн. 5: Сербская поэзия XX и XXI вв; Кн. 6: Сербский рассказ: избранное; Кн. 7: Сербская драматическая литература XX века (избранное); Кн. 8: Сербская мемуарная проза и путевые заметки XVIII и XIX вв.; Кн. 9: Сербская мемуарная проза и путевые заметки XX и XXI вв.

Научный совет

академик Слободан Грубачич, председатель
академик Предраг Пипер
академик Над а Милошевич-Джорджевич
проф. д.ф.н. Злата Бойович
проф. д.ф.н. Весна Половина
проф. д.ф.н. Зоран Паунович

Редакционный совет

проф. д.ф.н. Александра Вранеш, главный редактор
проф. д.ф.н. Лиляна Маркович, ответственный редактор
к.ф.н. Вукосава Джапа-Иветич, ответственный секретарь
проф. д.ф.н. Йован Делич
проф. д.ф.н. Снежана Самарджия
проф. д.ф.н. Душан Иванич
проф. д.ф.н. Томислав Йованович
проф. д.ф.н. Александр Ерков
проф. д.ф.н. Михайло Пантич
доц. д.ф.н. Предраг Петрович

Рецензенты серий

проф. д.ф.н. Мария Стефанович
проф. д.ф.н. Дойчил Войводиц
проф. д.ф.н. Алла Шешкен
проф. д.ф.н. Лиляна Байич
доц. к.ф.н. Светлана Переволочанская

Библиотека **Язык и литература** издается под покровительством Президента Республики Сербии Томислава Николича, при поддержке Министерства культуры и информации Республики Сербии, Министерства иностранных дел Республики Сербии и АО “НИС Нови Сад”.

СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель
проф. д.ф.н. Томислав Йованович

Перевод с сербского
проф. д.ф.н. Иван Чарота

Белград, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Григорий диак Запись на Мирославлевом Евангелии	11
Святой Савва Служба святому Симеону	15
Святой Савва Письмо студеницкому игумену Спиридону	31
Стефан Первовенчаный Хиландарская грамота	35
Феодор Грамматик Записи в послесловии к Шестодневу	43
Феодосий Хиландарец Похвала святому Симеону и святому Савве	47
Силуан Стихи перед синаксарскими житиями	83
Инок Исаия Запись на переводе Псевдо-Дионисия Ареопагита	85
Патриарх Даниил III (Баньский, Младший) Слово о святом князе Лазаре	91
Монахиня Евфимия Скорбь по младенцу Углеше	117
Монахиня Евфимия Моление ко Господу Иисусу Христу	119

Монахиня Евфимия	
Похвала святому князю Лазарю	121
Стефан Лазаревич	
Слово любви	125
Стефан Лазаревич	
Надпись на Косовском мраморном столпе	131
Андоний Рафаил	
Слово о святом кнезе Лазаре	135
Елена Балшич	
Отписание боголюбное	157
Никон Иерусалимец	
Повесть об Иерусалимских церквях и пустынных местах	161
Смедеревский проповедник	
Надгробное слово деспоту Джурджу Бранковичу	167
Димитрий Кантакюзин	
Молитва Богородице	175
Патриарх Паисий	
Послание папе Урбану Восьмому	189
Ерофей Рачанин	
Путешествие ко граду Иерусалиму	195
Произведения на сербско-славянском языке	243
Григорий диак	
Запись на Мирославлевом Евангелии	245
Святой Савва	
Житие святого Симеона (Отрывок)	247
Святой Савва	
Служба святому Симеону	251

Стефан Первовенчанный	
Хиландарская грамота	259
Доментиан	
Житие святого Саввы (Отрывок)	265
Монахиня Евфимия	
Похвала святому князю Лазарю	267
Стефан Лазаревич	
Слово любви	269
Димитрий Кантакузин	
Молитва Богородице	271
Патриарх Паисий	
Послание папе Урбану Восьмому	283
Об авторе	287

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сербская литература средних веков принадлежит к восточно-православному кругу словесного художественного творчества. Опирающаяся на византийскую духовность и старославянскую языковую основу, она развивалась параллельно с другими славянскими литературами. Время от времени имела взаимопроникновения с болгарской и русской литературами. Изначальный фонд сербской литературы со всей определенностью не установлен, хотя есть основания утверждать, что первые произведения могли возникнуть еще в XI веке. Вполне определенно и полноценно она утвердилась благодаря произведениям святого Саввы в конце XII века. Языковые рамки, в которых создавалась сербская литература, предопределял сербско-славянский язык. И в первые десятилетия XVIII века, когда сербско-славянский язык уходит из употребления, заканчивается период «старой» сербской литературы. А на протяжении его получили развитие прозаические и поэтические жанры, закрепившиеся в литературе византийской. Наиболее значимые из них – житие, похвала, послание, слово, молитва, служба, путеписание, запись и надпись. В этом жанрах опробовали свою даровитость такие авторы, как святой Савва, Стефан Первовенчанный, Доментиан, Феодосий, Даниил Второй, Ученик Даниила Второго, Григорий Рашский, Силуан, Инок Исаия, Монахиня Евфимия, Даниила III, Григорий Цамблак, Стефан Лазаревич, Андоний Рафаил, Константин Философ, Елена Балшич, Никон Иерусалимец, Смедеревский проповедник, Димитрий Кантакузин, Константин Михайлович, Паисий, Арсений Црноевич, Ерофей Рачанин. Всех их объединяет подобная поэтика,

которая свойственна восточно-православным литературам. Возникновение самой значительной части древней сербской литературы связано с духовными центрами, из которых важнейшими были Святая Гора, Печская Патриархия, монастыри Студеница, Дечаны, Баньска, города Ново Брдо, Крушевац, Белград и Смедерево. Свой вклад в развитие сербской литературы внесли авторы «со стороны», которые писали на сербско-славянском языке и провели часть своей жизни или всю жизнь в Сербии; это Григорий Цамблак, Андоний Рафаил и Константин Философ. Известен и сербский писатель, монах Пахомий со Святой Горы, который творил в России. До настоящего времени нет совокупных изданий сербских средневековых писателей. Изучение их начато на протяжении XIX века в связи с развитием славистики и продолжено с переменной активностью в веке XX.

Основательные труды, посвященные истории древней сербской литературы, написали Милан Кашанин, Димитрий Богданович, Джордже Трифунович и Йован Деретич.

В этой *Хрестоматии* содержатся переводы произведений давних сербских писателей, которые для русского читателя должны бы дать частичное представление о творчестве лишь отдельных авторов. Прилагаются также и некоторые произведения в подлинном виде, на сербско-славянском языке, чтобы способствовать непосредственному знакомству с произведениями, которые написаны на языке, близкородственном русско-славянскому.

Григорий диак

ЗАПИСЬ НА МИРОСЛАВЛЕВОМ ЕВАНГЕЛИИ

Наряду с главным писцом, который в восьмидесятые годы XII века переписал большую часть основного текста Мирославлева Евангелия, заявил о себе и диак Григорий, красными чернилами начертавший заглавия и «заставивший», то есть украсивший, Евангелие. Дуктус Григория не имеет той красоты, какую придал буквам главный писец, оставшийся анонимным. В конце евангелистара Григорий оставил четыре кратких записи о своей работе. Они условно могут рассматриваться как одно целое. В данных записях излагаются сведения, драгоценные для понимания работы средневековых писцов и иллюстраторов.

Господи Боже мой, милосердный и многомилостивый, помилуй меня Своей милостью, Григория грешного, чтобы у господина в милости был. На Тебя уповаю.

Закончил с Божией помощью. Аминь.

Я писал аллилуйяры. Глигор.

Я, грешный Глигорие диак, недостойный называться диаком, заставил это Евангелие златом князю великославному Мирославу, сыну Завидину. А меня, господин, не забудь грешного, но сохрани меня себе, чтобы мне, господин, не жалеть, тебе работая, князю своему господину, что меня не хранишь грешного.

ЛИТЕРАТУРА:

Кульбакин, Ст. М. *Палеографска и језичка исијивања о Мирослављевом јеванђељу*. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1925. (Посебна издања. Српска краљевска академија, књ. 52. Философски и филолошки списи, књ. 13)

„Ликови јеванђелиста у Мирослављевом јеванђељу“. *Зборник за ликовне уметности и Мајнице српске* VIII (1972): 39-50.

Максимовић, Јованка. „Византијски елементи у иницијалима Мирослављевог јеванђеља“. *Зборник Народної музеја* VIII (1975): 383-393.

Максимовић, Јованка. „Жван Батиста. Марија Магдалена“. *Зборник за ликовне уметности и Мајнице српске* VI (1970): 3-11.

Максимовић, Јованка. „Студије о Мирослављевом јеванђељу. I. О западњачком карактеру минијатура“. *Зборник Народної музеја*. Београд IV (1964): 201-217.

Мирковић, Лазар. *Мирослављево јеванђеље*. Београд: Научна књига, 1950 (Посебна издања. Српска академија наука, књ 156. Археолошки институт, књ. 1).

Мирослављево јеванђеље. Предговор Љуб. Стојановић. Беч, 1897.

Мирослављево јеванђеље. Приредили Никола Родић, Гордана Јовановић. Критичко издање. Београд: САНУ, 1986. (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Српска академија наука и уметности, Институт за српскохрватски језик, I одељење, књ. 33).

Писах и ѿпишан: аутобиографске изјаве средњеј века. Приредила Радмила Маринковић. Београд: Нолит, 1996.

Примери из сѣаре српске књижевности. Од Григорија дијака до Гаврила Стефановића Веницловића. Саставио и приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Слово љубве, 1975.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Богомили и Мирослављево јеванђеље“. У *Књижевна збивања и стварање код Срба у средњем веку и у шурско доба*, 49-51. Нови Сад: Матица српска, 1987.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Прошлост Мирослављевог јеванђеља“. У *Књижевна збивања и стварање код Срба у средњем веку и у шурско доба*, 40-49. Нови Сад: Матица српска, 1987.

Радосављевић, Вера. *Мирослављево јеванђеље: Студија у вези са технологијом израде, станањем и заштитом*. Београд: Народна библиотека Србије, 1994.

Скакић-Симатовић, Бранка. „Неке истине о чувању Мирослављевог јеванђеља за време другог светског рата“. *Археолошки прилози* 3 (1981): 41-47.

Станковић, Радоман. „Мирослављево јеванђеље (1180-1191): Археолошка припрема за конзервацију“. *Археолошки прилози* 18 (1996): 29-46.

Стричевић, Ђорђе. „Мајстори минијатура Мирослављевог јеванђеља“. *Зборник радова Византолошкој институцији* 21, књ. 1 (1952): 181-200.

Торовић, Владимир. „Узајамне везе и утицаји код старих словенских записа“. *Гласник Српске краљевске академије* CLXXVI, Друго одељење, књ. 90 (1938): 101-170.

Pavlović, Milivoj. „Jedinstvo zapisa Gligorija dijaka“. *Slovo* (Zagreb) 15-16 (1965): 200-203.

Radojičić, Đorđe Sp. „Gligorije (Grigorije)“. *Enciklopedija Jugoslavije* 3, 476. Zagreb, 1958.

Святой Савва

СЛУЖБА СВЯТОМУ СИМЕОНУ

Эта *Служба* является первым произведением сербской церковной поэзии, в котором литургически прославляется святой Симеон как преподобный. Написана она по правилам византийской церковной поэзии с обильным использованием символики света. Первые тропари Савва составил, вероятно, еще в Хиландаре, а *Службу* полностью завершил в Студенице после переноса мощей Симеона, в 1207 году. Отдельные части Савва строил по образцу *Службы святому Симеону Столпнику*. Самый частый мотив, посредством которого святой Симеон связывается с земной жизнью, – его уход на Святую Гору. Этот факт, оформленный как поэтические картины, повторяется в нескольких тропарях, где сопрягается земное с небесным. Данная *Служба* стала примером и нередко образцом для сербских церковных поэтов в будущем. Старейший список *Службы* относится к середине XIII века и содержится в минее собрания Архива САНИ под номером 361, которая ранее принадлежала Милошу С. Милоевичу. Два более поздних списка хранятся в Софии. Один, датируемый 1607/8 годом, – в Народной библиотеке имени Климента и Мефодия, под номером 141, а другой, XVII века, – в Центральном Историко-археологическом музее, под номером 89. *Служба* переведена по списку из собрания Архива САНИ, номер 361.

Месяца февраля, тринадцатого дня,
преподобного отца нашего Симеона
нового Сербского

*Вечерня, на „Господи, воззвах“ из октоиха, шесть,
и поем стихиры гласа пятого, по два раза, подобно „Ра-
дуйся“*

Преподобный отче,
добрую обрел ты лестницу,
ею же взошел на высоту,
ею же обрел Илия колесницу огненную,
но он восходища другим не оставил,
а ты по смерти своей
в отечестве путь показал царствующим,
небесный человеке,
а земной ангеле,
светильник отечеству ты,
Симеоне блаженный,
моли о спасении душ наших!

Преподобный отче,
коль отечеству бы нужно было проповедовать,
то не переставал бы ты говорить,
болезнями и трудами и слезами своими
направлял к вере истинной стадо твое ты,
как дерево, напоенное учением твоим,
дивились ангелы,
поражались люди,
ужасались демоны
терпению твоему,
Симеоне блаженный,
моли о спасении!

Силою Святого Духа
Владыке своему уподобясь,
владения свои оставил ты,
взяв крест, последовал за Христом
и поселился на Горе Святой,
откуда, помощь приняв,
источает твоя гробница миро благодати,
радуя твоих сыновей,
перед тобою стоящих,
Симеоне блаженный,
моли о спасении душ наших!

*„Слава, и ныне“, богородичен. На стиховне в октоихе,
и святому, глас восьмой, подобен „О, преславно“*

Отче преподобный,
проходит мимо царство земное,
избрав богатство слов святых
и их изволив хранить,
оставив супругу и детей
и все земные красоты,
взойдя на Гору Святую,
с ангелами Богу служишь,
молишь Христу непрестанно
за творящих твою память!

„Слава“, глас шестый

Преподобный отче,
глас Евангелия Господня услышав,
богатство и славу царства никчемным сочтя,
и всем возгласил: возлюбите Бога
и обретете благодать вечную,
и почитая любовь Его,
и когда придет Он во славе,
обретете покой со всеми святыми!
Потому и мы все верно
на торжество его светлое сойдемся,
доброго пастыря светло воспоем песнями:
Радуйся, монахов похвало и утверждение,
моли Бога о нас, Симеоне блаженный,
чтобы сохранялось стадо твое невредимым!

*„Ныне“, богородичен
Утренняя, Канон, глас восьмой*

Песнь первая

Ирмос

По воде пройдя как по суху,
и из Египта и зла бежал.

Божественной любовью зажег ты душу,
угасил плотские похоти, отче,
невещественное житие на земле сотворив,
Симеоне блаженный!

Божественным сиянием засиял в сердцах наших,
творящих тебе светлую память,
стадо свое от напастей, преблаженный,
молитвами своими, Симеоне, избавил!

Иссушив тело свое на земле,
приняв крест, последовал за Христом,
жизни удостоился нестареющей на небесах,
отче преблаженный Симеоне!

Плотью из крови Твоей святой,
Боже Отче, Слово воплотилось
выше тварей, Дево Мария,
Его моли, чтобы плоти моей страсти угасил.

Песнь третья

Ирмос

Небесного круга Верхотворче,
Господи, Церкви создателю,
Ты меня утверди в любви Своей,
Пределе желаний, верных утверждение,
Единый Человеколюбче!

Церкви Божией делатель явился Христу
и на Святую Гору вселился,
отче преподобный,

потому, просияв добродетели блистанием,
Святое видишь, богоносный Симеоне!

Всецело возлюбив духовную жизнь,
вне мира и плоти пребывая, богоносче,
потому принял премудрости славу
и вечное, отче, приобщение.

Тело твоими болезнями, преподобный,
добродетелями зрелый процвел колос,
от него напояются любовью божественные
твои чада,
тебе божественную память творящие.

На тебе, Пречистая, всего причинник
из милосердия желая вселиться в человеческое
существо,
из-за непослушания изгнанное прежде,
тобою, Богородице, опять мы его обновили.

Седалан, глас восьмой
Подобен „Премудрость“

Царство земное оставив,
крест свой на плечо взяв
и весь предался Богу,
и на Святую Гору ушел,
Святого Духа став причасником.
Потому и чудотворец явился,
миро источает гробница мощей твоих,
богоносный Симеоне, моли Христа Бога,
дабы грехов прощение подал чтущим тебя!

Песнь четвертая

[Ирмос]

Услышал, Господи, промысла Твоего тайну,
уразумел дела Твои
и прославил Твое божество.

Потоками, отче Симеоне, слез своих
душевные страсти омыл ты,
божественно стал Духа покоищем, преблаженный.

Бдение стойкое, поклонение всегда спокойное
и любовь презрительную
исполнил верою, отче преблаженный Симеоне.

Благодать приняв, преблаженный,
как Божий угодник истинный,
источает мощей твоих гробница миро благодати.

Богородичен

Явилась, Чистая, храм славы Божией,
из тебя, от Отца прежде, родился Бог
без семени, нетленную Тебя сохранив, Чистая.

Песнь пятая

Ирмос

За что меня отринул от лица Твоего,
свет назаходимый ?
Покрыла меня тьма чужбины, убогого ,
но обрати меня к свету заповедей Твоих
пути мои направь!

Как многоплодная лоза
гроздь расцветает, отче Симеоне,
благоденствием божественным
покаяния вино изливает

и мглу страстей
от душ наших отгоняет
и сердца верных веселит

Напастями разными змея вражеская
поднялась на стадо твое,
но ее, отче, оружием Креста
и молитвой своей умертвил,
и мир от Бога отечеству своему вымолил,
богомудрый Симеоне!

Терпением и воздержанием, славный,
нападения вражьи одолел,
явился непоколебимым в напастях
и в скорбях и в бедах различных,
сохраняя нерушимо владения свои
благочестия своего мудростью,
отче Симеоне.

Мати Дево Богородице,
Божиим просвещенная Духом, Пречистая,
святые пророки святыми гласами проповедуют,
ибо в тебя Бог Слово над всеми словами
вселился из-за милосердия многого.

Песнь шестая

Ирмос

Молитву свою изолью Господу,
И Ему выскажу печаль мою,
ибо злом душа моя наполнилась
и жизнь моя к аду приблизилась.
Но молюся: как Иону
из погибели, Боже мой, подними меня!

Светило тебя имея,
непогрешимо ведущее путем живоносным,
обрели тебя, богоносче,
и к истине тобою ведомы были мы,
преблаженный Симеоне.

Ободряя, изволил божественно послать
свет спасения нам,
в ночи зла невежеством удерживаемым.
Показал всем, да будем сынами света и дня,
богомудрый Симеоне.

Божии таланты полученные не сокрыл в земле,
но, умножив их, принял от Бога благословение,
словами их украсил,
разумом их осветил,
и от них лучи яркие сияют,
отче преблаженный.

Отягощенного дремою обманной
подними меня своим заступничеством,
Матерь Божия,
не дай мне уснуть в греховой смерти,
предстателя да и наставника
своей жизни мы все имеем!

*Кондак, глас второй
Подобен „Течение“*

Иго Христово приняв, Симеоне,
и Его Крест взяв, последовал за Ним,
посажен в доме Господнем расцвел как финик,
как кедр ливанский умножил ты чад своих,
муж желаний духовных, ибо как чудотворец явился,
Христа Бога моли непрестанно о всех нас!

Икос

От божественной вышней премудрости
исполни ум мне нищему!
О, как воспою твое житие, отче,
или как смогу тебе слово принести?
Но ты мне подай крепость и знание,
слово и разум, чтобы тебе от твоего я принес,
от богатства блага благость твою,
ибо все это обрета и увенчав пречестную
главу свою,
полуил желаемое,
свети ик божественный явился,
просвещающий вселенную отчества твоего.
Поэтому и мрак греховный отогнав, святой,
свыше вымоли для меня благодать Духа,
ибо имеешь дерзновение ко Христу,
Христа Бога моли непрестанно о всех нас!

*Песнь седьмая**Ирмос*

Божьего сошествоия огненного
устыдился Вавилон давно,
из-за того люди в печи радостной ногою,
как во свете ликовали, поя:
Отцов наших Боже!

Дабы высшее царство принял и славу неизреченную,
законом покорился Владыке,
заблудшее поискал и нашел
и на плечо свое взяв, преблаженный,
как пастырь привел в ограду покаяния,
отче Симеоне!

С вышними силами, отче,
предстоя живому Богу
и Его славой украсившись,
зажегся, блаженный, огнем Духа,
кал сластей отмыв,
стал лампадой с запахом благоуханным
Господу благоприятно,
богоносный Симеоне!

Славу некрадомую, богатство неичерпаемое,
мудрый,
добродетели приняв, словами украсив,
познанием просветив ум,
из которого чудеса светлые посылаются,
отче блаженный,
верным слух воистину озаряют светло!

Единственная, Единого из Троицы
родила Ты во двух существах,
в лице едином видимом, Дево, Ему же поем мы:
Благословен Бог!

Песнь восьмая

Ирмос

Семикратно большею силою халдейский мучитель
жестоко распалил печь богочестивым.
Спасение видевши, Творцу Избавителю вопияли:
Дети, благословите!

Божественного света исполнен был, отче,
божественной славы явился покоищем,
из которого свет божественной молнии лучи
подаешь,
верных лица просвещая,

православной верою тьму еретическую прогоняя,
вопиали: Дети, благословите!

И жизнь, блаженный, проведя как второй Авраам,
и делом по кончине благодатью Божией
гробница мощей твоих изливает чудеса дивные,
верою просияв и с ангелами, славный, общаешься,
помя: Дети, благословите!

Просвети, богоносче,
от Троицы светом духовным
озаряя сердца верных,
тьму неверия прогнав,
церкви православной веру держа,
веру как панцирь,
крест как оружие,
любовь как щит,
как меч слово Божие, Симеоне,
помя: Дети, благословите!

Богородичен

Струя нам живая явилась,
Пресвятая Отроковице,
из коей, умершие, напившись,
жизнь обретаем, вопия:
Дети, благословите!

Песнь девятая

Удивились же небо и земля
и ужаснулись все края,
что Бог людям явился во плоти
и утроба Твоя пространнее небес,
потому Тебя, Богородице,
чиноначальства ангелов и людей величают!

Видеть удостоился, отче богоносный,
надеждой своей и любовью
то, что око не видит и ухо не слышит,
и на сердце человеку что не приходит,
прекрасен явился божественными красотами,
добродетелями, Симеоне блаженный,
прекрасному Владыке предстоишь,
о стаде своем не переставай молиться!

Ныне радостно церковь твоя
почитает жизнь твою
и приносит тебе радостное пение,
собрав духовных твоих чад,
радостно славящих тебя,
благоуханно, благодатно твоя гробница,
радует
твоих сынов, перед тобой стоящих,
поминающих, преподобный, ангельскую твою
жизнь,
дарованный тебе свет и славу,
преблаженный Симеоне!

Вопиет ти хвально твоя всечестная Великая лавра,
жителя тебя и строителя
и отечестволюбца имея, мудрый,
и, похваляя, поет непрестанно:
Молим тебя, богомудрый Симеоне,
о стаде своем прилежно помолись,
дабы от твоих трудов получали всегда
и сохранилось стадо твое невредимым!

Богородичен

Брака не искусивши, родила
бóльшая всех земных,
ибо Бога всей твари и Творца

в своей утробе вместила,
Ему помолись милостиво,
единством мира благоустроение
и тишину церквам чтобы послал
и чтобы сохранились мы от всякой беды и скорби!

Светилен. „Небо со звездами в круг“

С небес, со славовенчаниями
из рук Вседержителя,
памятью праздника твоего
отечество свое просветил,
святой Симеоне,
поющих тебе спаси!

Повторяя

*На „Хвалите Господа“ стихиры, глас восьмой,
„О, преславно“*

Преподобный отче,
храм святой явился
постом и молитвами,
которые принял Владыка твой,
а за милостыню нищим
правоверия наставник;
оттого тебе благодать дал
и святая гробница мощей твоих
миро благоуханное [источает],
отче Симеоне,
молись Христу непрестанно
о творящих память твою!

Преподобный отче,
любовь Божию приняв
на Гору Святую взошел,

как Моисей боговидец,
и Божией благодати насытился,
богомудрый,
радуясь устремился к подвигу,
Христу нашему,
и на небеса вознесен
и светильник нам на земле явился,
отче Симеоне,
не переставай, молись о стаде своем!

*„Слава Богу“ На стиховне в октоихе, и святому,
глас шестой*

Преподобный отче,
преходяще земное царство,
избрал ты богатство слов святых
и их изволил хранить,
оставил супругу и чад
и все земные красоты,
и на Гору Святую взойдя,
с ангелами Богу служишь,
отче Симеоне,
не переставай молиться Христу Богу
о творящих твою память!

ЛИТЕРАТУРА:

Костић, Драгутин. „Да ли се сачувало што од Савине Службе и Похвале св. Симеону?“. У *Зборник филолошких и лингвистичких студија посвећен Александру Белићу њоводом 25. јодишњице њејовој научној рада*, 158-164. Београд: С. Б. Цвијановић, 1921.

Милојевић, Милош С. „Правила св. Симеону српском“. *Гласник Српској ученој друштва XXXII* (1871): 155-163.

Немањић, Сава. „Служба светоме Симеону“. У *Србљак: Службе, канони, акаџисџи. Књига 1*, приредио Ђорђе Трифуновић, превео Димитрије Богдановић, 7-31. Београд: Српска књижевна задруга.

Радојичић, Ђорђе Сп. *О њрвој српској црквеној њесми – о Савиној служби Симеону Немањи*. Београд [б. г.].

Сава, свети. *Сабрана дела*, Приредила и превела Љиљана Јухас-Георгиевска. Београд: Народна књига, 2000, 2005.

Сава, свети. *Сабрана дела*. Приредио и превео Томислав Јовановић. Београд: Српска књижевна задруга, 1998. (Коло ХСІ, књига 602)

Сава, свети. *Сабрани сјиси*. Данашња језичка верзија Лазар Мирковић, Димитрије Богдановић, приредио Димитрије Богдановић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1986. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига друга).

Свети Сава. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2010. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 1)

Сјиси Св. Саве, књија I. Дела старих српских писаца. Издао их Владимир Ђоровић. Београд, Ср. Карловци: Српска краљевска академија, 1928.

Трифуновић, Ђорђе. „О настанку списка светог Саве у светлости неких агиолошких појединости“. *Богословље* XXXI, 1 (1987): 65-70.

Radojičić, Đorđe Sp. „Jedna pozajmica u najstarijoj srpskoj crkvenoj pesmi (u Službi Simeonu Nemanji)“. *Slovo* (Zagreb) 6-7 (1957): 231-235.

Святой Савва

ПИСЬМО СТУДЕНИЦКОМУ ИГУМЕНУ СПИРИДОНУ

Это *Письмо* является старейшим сохранившимся эпистолярным произведением древней сербской литературы. Савва послал его студеницкому игумену Спиридону во время одного из двух своих паломнических путешествий в Святую Землю, наивероятнее – второго. По всей видимости, данная структура возникла позднее в результате соединения двух Саввиных посланий игумену Спиридону. Содержащий в себе немало лирического, текст емко свидетельствует об отеческих чувствах Саввы по отношению к игумену Спиридону. Вещи, которые ему посылает – это крестик, пояс, ручничок и камешек, – имеют сакрально-защитное значение, так как их Савва полагал на гроб Христов. Хотя письмо составлено на сербско-славянском языке, черты языка народного выразительнее во второй половине его. Произведение находилось в единственном списке XV века в Отечнике монастыря Велика Ремета, но он в настоящее время неизвестен. К счастью, издание Джурю Даничића уберегло его текст от окончательной утраты.

Письмо, посланное святым Саввой игумену Лавры
Обители Пречистой и Святого Симеона Студеницы,
кир Спиридону, из святого града Иерусалима

Благодать вам и мир от Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа!

В Господе Боге превозлюбленный мой божественный
сыне, иеромонаше Спиридоне, игумене Великой лавры
святого Симеона, архимандрите!

Поскольку и я грешен, Спаса моего молю, чтобы
сохранен был душою и телом ты и все божественное стадо.

Если желаете узнать обо мне грешном, то милостью Божией и святой вашей молитвой здоровыми и радостными добрались мы до святого и божественного града.

Поклонились пресвятому и божественному Гробу и святым его местам. Прежде всего постарались, чтобы вас помянуть среди святых, поклонившись, а затем посетили святые места. Когда все это завершили мы, тогда постигла нас дорожное злоключение, и все мы разболелись и на Божие рассуждение оставили жизнь нашу и смерть нашу, и кто будет из нас жив к вам чтобы вернулся, а кого смерть призовет, молитва ваша пусть будет с ним.

А ты, человеке доброй души, владыко мой, знакомец мой, с кем вместе мы услаждались в обители Божией, чадо мое милое, Спиридон, моли Бога за нас, чтобы твоими молитвами я прощение грехов получил. Мир божественный тебе пусть будет, мир и обители твоей божественной, мир и всем кто трудится для обители святого Симеона, мир и всем игуменам общникам твоим, и поклоны им передаю через тебя, чадо мое. Мир Божий да изольется в сердца ваши, и благословляю того кто вас благословляет, а тех кто вам зло чинит, проклину, да не будет на них милосердия, ни на домах их, ни моя молитва, и да погибнут как безумный Арий!

А благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и приобщение Святого Духа да будет всегда со всеми вами, аминь!

Писал милостию Божией первый архиепископ всей земли Сербской, Савва грешный.

И вот что в этом месте приобрел, на благословение (пере)даю тебе крестик, чтобы ты его носил на память, и поясок, ибо его я полагал на Гроб. С этим крестиком чтобы ты творил молитву. Носи его всегда на шее, хотя и другую иконку имеешь, но его всегда носи. А пояском опояшись, чтобы он всегда был на чреслах твоих, ибо я его полагал на Гроб, крестик и поясок. И такую я молитву творил, что дал бы Бог, чтобы так всякий христианин

молился за меня. И (пере)даю тебе убрусец, который мне здесь подарили, а я его тебе дарю, дабы тебе был на благословение души и тела. И камешек, который я нашел, пусть тебе будет при многих нуждах, чтобы ты его носил при себе.

И молись за нас, служитель Христов, дабы нас Бог укрепил и сохранил, дабы мы снова к вам прибыли.

И если мне Бог даст еще немного сил, отправлюсь в Александрию к патриарху, чтобы поклониться святому Марку. А оттуда на Синайскую Гору, и когда вернусь, если буду жив и Бог даст, до весны буду у вас.

Остерегайся, чадо мое милое, чтобы не нарушить мой наказ. Ведь если человек и весь мир приобретет, а душе своей повредит, то какая польза? (Мф. 16, 26; Мк. 8, 36) Если священник грешен, а молитва его не грешна, то и узы его есть сила от вышней благодати. Ежели кто-то и соблазнится, ты не соблазняйся, ибо придет Господь и не задержится, и чтобы ты слышал этот голос: „Хорошо, добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господина твоего“ (Мф. 25, 21).

Савва, первый архиепископ.

ЛИТЕРАТУРА:

Јанковић, Ж. „Око Посланице игуману Спиридону“. *Гласник: Службени лист Српске православне цркве* LXXI, 9 (1990): 186-188.

Мандић, Светислав. „Време писања Посланице архиепископа Саве студеничком игуману Спиридону“. *Богословље* XXXI (XLV), 1 (1987): 55-64;

Писах и њојѝисах: ауѝобиоѝрафске изјаве средњеѝ века. Приредила Радмила Маринковић. Београд: Нолит, 1996.

Сава, свети. *Сабрана дела*. Приредио и превео Томислав Јовановић. Београд: Српска књижевна задруга, 1998. (Коло ХСІ, књига 602)

Сава, свети. *Сабрани сѝиси*. Данашња језичка верзија Лазар Мирковић, Димитрије Богдановић, приредио Димитрије Богдано-

вић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1986. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига друга).

Свѣтѣи Сава. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2010. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 1)

Сѣиси свѣтѣоѣ Саве и Сѣевана Првовенчаноѣ. Превео Лазар Мирковић. Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1939.

Daničić, Đuro. „Poslanica sv. Save arhiepiskopa srpskoga iz Jerusalema u Studenicu igumnu Spiridonu“. U *Starine Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti* IV, 230-231. Zagreb, 1872.

Стефан Первовенчанный

ХИЛАНДАРСКАЯ ГРАМОТА

Согласно новейшим исследованиям, произведение появилось в 1207/1208 гг. По отношению к грамоте предшествовавшей, основательской, с которой она в значительной степени соотносится, эта, так называемая Вторая хиландарская грамота, имеет особую часть, в которой аллегорически, очень поэтично говорится о том, как святой Симеон прибыл на Святую Гору и воспринял ее как райское селение. Всю аллгорию Стефан раскрывает. Значимым для понимания средневековой эстетики является то, что он вводит упоминания чувств, посредством которых воспринимаются райские красоты Святой Горы. Новейшие исследования показывают, что Стефан эту аренгу позаимствовал из Саввиного *Жития святоіо Симеона*, приспособив его для новых потребностей. Перевод осуществлен с соловьевской публикации *Грамоты*.

Когда изначально Бог сотворил небо и землю и человека на ней, благословил их и дал ему власть над всем своим творением, поставил одних царями, других князьями, а некоторых хозяевами, и каждому дал пасти стадо свое и оберегать его от всякого зла, какое бы с ним случилось. Поэтому, братие, Бог премилостивый утвердил Греков царями, а Угров королями и всякий народ отделив, и закон дал, и обычай установил и господарей над ними по обычаю и по закону, расставив Своей премудростью.

Поэтому по многой своей и неизмеримой милости и человеколюбию, даровал нашим прадедам и нашим дедам владеть этой Сербской землей и все, как Бог, делая к лучшему, не желая людям людской гибели, поставил господина моего отца великим жупаном, названного при святом крещении Стефаном Неманей.

И обновил он свою деловское наследство и еще лучше его утвердил с Божией помощью и своею мудростью, данной ему от Бога. И поднял пропадающую свою дедовину, и присовокупил от Приморской земли Зету с городами, а от Арбанасов Пилот, а от Греческой земли Лаб с Липляном, Дубочицу, Реки, Загрлату, Левче, Лепеницу, Белицу.

И с Божией помощью и своим трудом это все приобрел, и поспешением Божиим мир и тишину получила держава его отовсюду, господин мой святой, боговерный честной старец Симеон, стал заострять мысль свою и научать ум свой, и желать со тщанием и заботиться о душе своей, подвизаясь, чтобы в день страшного суда быть причисленным к тем, которые угодили Богу и чтобы обрести райское то и неизреченное селение каким-то образом, и более всего желал принять ангельский и апостольский образ. И подвизался, чтобы с поспешением следовать словам Владыки, изрекшего: „Возьмите иго Мое на себя и научитесь от меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (...); ибо иго Мое благо и бремя Мое легко“ (Мф. 11, 29-30). Потому и в Святом Писании говорится: „Любовь Божия в верных привязана“ (По I Ин. 4, 12); итак, этим определенно привязался.

Минуло много времени, и поскольку мы, дети его, вскормлены были до сытости, он стал воссылать мольбы премилостивому Владыке, чтобы его не лишил желания его, но, приклонив ухо Свое, его услышал.

Он мыслию был вознесен и желал: как бы стоит на высоком месте, в весеннюю пору, в день радостный, то есть солнечный, и видит издалека равный луг, прекрасный видом, красивый сотворением, а посреди его стоит дерево удивительное, округлое кроной, с густой листвою, преукрашенное цветами и полное плодов, приятный запах источая. А посреди дерева угнездилась птица слаткогласая, кроткая в сидении, тихая в пении, веселая в щебетании, выразительная в шептании, одна из мудрых птиц, любимое и милое его дитя, которое некогда мне было по

связи рождения братом, ныне нареченный Савва монах, который сидел на дереве, то есть на Святой Горе, немолчным голосом, высоким тоном, ясным звуком, меняя прелепые и прекрасные голоса и необычные песни поя. Тот голос вошел в уши прекрасного и дивного господина моего святого Симеона, честного старца. Этой птице и остальные, на нижних ветвях сидевшие, сладкому ее голосу своими голосами весело помогали.

Глядя же на это возлюбленное и милое свое чадо, которое отделилось и ушло еще ранее на святой тот луг, где и красивое дерево и предивные птицы, дивный муж этот помыслил про себя: „Пойду на прекрасный этот луг, а зайдя, на красоту дерева насмотрюсь и, близ его став, предивной той птицы краивого голоса наслушаюсь“.

Когда он это помыслил, Владыка его премилостивый не презрел его моления, из глубины сердца воздававшегося, но как милосердный трудоприимец и платовоздатель изрек неоскверненными устами Своими: „Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию“ (Мф. 9, 13; Мк. 2, 17). Когда же пришло надлежащее время, всю славу и честь мира сего за ничто счелл, а красоты жизни этой как дым ему стали. Христова любовь разрас-талась в нем и воспламеняла его сердце, ибо уготовал Ему храм и сосуд пречистый для Его Святого Духа.

Оставил он владения свои, которые были ему даны от Бога, и все свои многие, исключительные и различные богатства, ибо Христос Бог так изволил и Пресвятая Владычица Госпожа Богородица, которые насытили его неисповедимым святым желанием и сделали его общником неизреченного и честного ангельского и апостольского образа, малого и великого. Когда это совершилось, поскольку Христос неким провидением в ум его вложил и повел моего честного и блаженного старца святого Симеона, оставил он меня, во Христе дарованное ему чадо, на престоле своем и в от Христа дарованных ему владениях, меня, любимого своего сына, Стефана великого жупана

и севастократора, зятя Богом венчанного кир Алексия, царя греческого.

А он как подвижник и чадолюбивый и милый старец, господин мой святой Симеон, хотя я и не достоин называться его сыном, благословил меня более иных моих братьев, как благословил Исаак своего сына Иакова, всяким благословением. И стал меня научать, чтобы я поспешествовал всякому доброму делу в моей державе и чтобы был милосерден к христианам, которых он мне передал, и заповедал мне и о церквях заботиться и о монахах, которые в них служат и чтобы ни в каком нраве не был я укорен Владыкой всех и Господом.

После этого, по воле Владыки нашего Иисуса Христа, как сказано в Священном Писании: „Уклонитесь из своих мест рожденья, никакой пророк не принимается в своем отечестве“ (Пс^мк. 4, 24), но спасение получает с теми, кто живет Христа ради, ушел из державы своей и ушел от детей своих и супруги своей для того, чтобы добраться до того ранее описанного луга, и прекрасного дерева и слаткогласой птицы, и там спасение получить. И не оставил его Владыка и Господь наш Иисус Христос, ибо Он больше радуется одному кающемуся грешнику. Но, быстро идя с той Горы, сошел на равнину, то есть на Святую Гору, где, как он слышал, живут жизнью мирной и безмятежной на том лугу, и где правоверие хорошо укоренилось и светло сияет, как некое дерево, дивно стоящее, чьи ветви – освященные и богобоязненные и христоролюбивые черноризцы и весь освященный церковный причт. А среди них всех, как слаткогласая птица, Савва монах, милое утешение христоролюбивому старцу. Множественная же листва и прекрасные цветы – пророческие проповеди, то есть учение честных Евангелий и апостольские предания и заветы отеческие, а столь много плодов – это упование, корень веры, а благие упования – это плоды, в соответствии с тем прежде сказанным, и благоухание. Возжелал он этого, и воистину отдохнул у дерева, на котором пела

птица, меняя голоса. А по поводу этой перемены голосов, о боголюбивый господине мой, опишу пять твоих премудрых чувств: видение, слышание того дерева, обоняние, говорение, осязание птиц и воспарение и прочее.

Ибо ушел он из отечества своего на святой тот луг, то есть на Святую Гору, и нашел бывший монастырь под названием Милее, Введения Святой и Преславной Владычицы Богородицы, от которого и камня на камне уже не осталось, а был он разрушен совсем. И утрудил он старость свою, и меня, хотя я и не достоин называться сыном его, подвигнул обновить это место святое. И я, следуя заповеди Владыки, изрекшему в святом Евангелии три вещи: „Люби Господа Бога своего всею душою своею и ближнего своего как и самого себя“ (Мф. 22, 37, 39), третье же: „Почитай отца и мать“ (Мф. 19, 19), как наказал мне господин мой святой Симеон, исполнил его волю относительно церкви и других дел, к которым он меня понудил.

И вспоминая благочестивую жизнь славных моих родителей: и красоту, и правление народом, и славу и богатство, и нищелюбие, что вскоре Божию любовь к себе привлекло; и помышлял я про себя, чтобы меня удостоил Владыка мой Иисус Христос побыть здесь паломником у Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и чтобы светильником неугашенным быть в ее храме и у гроба честного и боговерного старца, господина моего святого Симеона монаха. Чтобы я, вместе с ним, удостоился быть ктиторм и служителем. И обновил я его молитвами его и дал монастырю села: Джурджевич, Петрович, Крушево, Книна, Рубач, Поток, Дрсник, Гребник, Гован, Залюг и гору Добре Доле и два виноградника и торговище Книнац, а в Зете половину Каменишта вместе с людьми. А потом придал Виден и Беличища с Горними Враничами до Градишта.

А после этого прошу вас, господи мои и братья, кому Бог дарует этот престол после меня и эти владения, что-

бы не обидели Святую Богородицу во всех этих правах, описанных здесь, и чтобы не было опровергнуто ни мое слово, ни дары. Ежели кто опровергнет и оскорбит обидит Святую Богородицу, пусть его Бог проклянет и обидит Святую Богородицу, пусть ему Она будет противницей перед Сыном Своим, день Страшного того Суда Христова. Если кто-то изменит слово мое, даже если и сам сделает нечто святыне, что значит и для души своей, да не будет ему подтверждено другими, которые будут после него владычествовать. Я, что-то делая, не опровергал дела и дары тех властителей, которые были прежде меня, но еще прилагал к тому и достаточно сделал, да будет для всех потребно, во веки веков, аминь.

Крест великого жупана Стефана, наместного властителя всей Сербской земли. Двадцать девятого сентября сотворилось это.

ЛИТЕРАТУРА:

Бубало, Ђорђе. „Када је велики жупан Стефан Немањић издао повељу манастиру Хиландару“. *Сѣтари српски архив* књ. 9 (2010): 233-241.

Витић, Зорица. „О двема преписивачким грешкама у најстаријим српскословенским књижевним текстовима“. У *Словенско средњовековно наслеђе. Зборник посвећен Ђорђу Трифуновићу*, уредици Зорица Витић, Томислав Јовановић, Ирена Шпадијер, 109-115. Београд: Чигоја штампа, 2002.

Маринковић, Радмила. „Почеци формирања српске биографске књижевности. Повеље о оснивању манастира Хиландара“. *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* XXXIX, 1-2 (1973): 3-19.

Писах и њојписах: аутобиографске изјаве средњег века. Приредила Радмила Маринковић. Београд: Нолит, 1996.

Радојчић, Светозар. „О чулима и чулности у српској књижевности с краја XII и из XIII века“. У *Одабрани чланци и сјудије 1933-1978*, 221-222. Београд: Издавачки завод „Југославија“; Матица српска: Нови Сад, 1982.

Радојчић, Светозар. „Хиландарска повеља Стефана Првовенчаног и мотив раја у српском минијатурном сликарству“. *Хиландарски зборник* књ. 1 (1966): 41-50.

Соловјев, Александар Васиљевич. „Хиландарска повеља великог жупана Стефана (Првовенчаног) из 1200-1202.“ *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* књ. 5, св. 1-2 (1925): 62-89.

Сйиси свейоїа Саве и Сйевана Првовенчаной. Превео Лазар Мирковић. Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1939.

Стара српска поезија, зајиси и најйиси, ареніе. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5)

Стефан Првовенчани. *Сабрани сйиси*. Данашња језичка верзија Љиљана Јухас-Георгијевска, Лазар Мирковић, Миливоје Башић. Приредила Љиљана Јухас-Георгијевска. Београд: Просвета. Српска књижевна задруга, 1988. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 3)

Стефан Првовенчани. *Сабрани сйиси*. Српскословенски текст приредио Томислав Јовановић. Превод, предговор и коментари Љиљана Јухас-Георгијевска. Београд: СКЗ, 1999.

Шпадијер, Ирена. *Свейоїорска баишйина. Манасйишр Хиландар и стара српска књижевност*. Београд: Чигоја штампа, 2014.

Феодор Грамматики

ЗАПИСИ В ПОСЛЕСЛОВИИ К ШЕСТОДНЕВУ

На Святой Горе, в пирге Преображения Спасителя, молчальнице монастыря Хиландар, переписывая *Шестоднев* болгарского экзарха Иоанна по заказу сербского писателя Доментиана, Феодор Грамматики в 1262/63 г. оставил две записи о несчастьях, которые там пережил. Как безбородый (спан) – а в то время по отношению к таким на Святой Горе происходили большие гонения, – Феодор вынужден был покинуть эту монашескую среду. Снова на Свету Гору привел его Доментиан. Из-за этого им довелось предстать перед протосом, старейшиной Святой Горы. Феодорово описание этих моментов впечатляюще свидетельствует о его значительных литературных способностях. Записи делались дважды: первый раз – когда пришлось покинуть Светую Гору, а второй – после того, как закончил переписывать *Шесто* Перевод дается по изданию Джорджа Трифуновича.

Первая запись

Слава тебе, Господи!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, изволением Спаса нашего Иисуса Христа и молитвами пречистой Его Матери и поспешением Святого Духа. Года 6771 (1262/63) при царствовании боговерного царя греческого кир Михаила Палеолога, царствующего над восточными и западными землями. А наш господин, внук святого Симеона, а первовенчанного короля кир Стефана младший сын среди своих братьев, наибольший и превеликий король кир Стефан Урош в своем отечестве самодержавно владел всеми сербскими землями и поморскими, при преосвященном архиепископе нашем Арсении и при блаженном

и преподобном отце нашем святогорском протосе кир Арсении. И тогда держал кормило Хиландарской лавры преподобный отец наш игумен кир Евстафий. И в дни тех святых написались эти книги на Святой Горе в пирге, в месте Преображения Спасителя, у сихастарии Святой Богородицы Хиландарской лавры, рукою грамматика Феодора, а повелением и трудом преподобного отца Доментиана иеромонаха, который тогда был духовником всего братства Хиландарской лавры. И как Господь знает, не ради имений мира сего, но милости ради Божией того света бесконечного и будущих ради благ, наслаждения и обретения нетленного, в коем есть нескончаемая радость в бесконечные века. Аминь.

И саяхъ знает, что с великим трудом и с большим страданием и с большой бедой, как Господь знает, и свою душу заложив, пришел я к этим книгам, так что после смерти моей, где их оставлю, чтобы они были мне на вечное поминовение. И кто окажется там, чтобы меня поминал, а его Бог да помянет в Царстве Небесном. Если же кто дерзнет взять ее с того места по какой бы то ни было причине, да будет проклят Богом и святой Богородицей, и святыми апостолами, и святыми пророками, и преподобными отцами и всеми святыми, которые в веках угодили Богу, да и от меня грешного то же проклятие да имеет.

А Господу нашему Иисусу Христу, царствующему в веках и на века, дающему начало и конец этим книгам, Ему да будет слава и власть и безначальность в бесконечные века. Аминь, аминь, аминь.

Вторая запись

Хвалу Тебе воздаю, Владыко, ибо в этих книгах начало для меня было, но мне дарован и конец. Благого Царя благая Мати, Пресвятая моя Владычице Богородице, Феодора, бескрайне много грешного, раба твоего худого и потопленного волнами мира сего суетного, который тру-

дился над этой книгой с любовью во славу и хвалу Сына Твоего, Господа нашего и Спаса Иисуса Христа, здесь же меня покрый и сохрани, отгоняя разные недуги душевные, как и телесные страсти, здесь же Сына же Твоего Христа сделай мне милостивым.

Эти же книги писались повелением и трудом святого и преподобного отца нашего богоумного иеромонаха Доментиана, который был тогда духовником Хиландарской лавры, истинного книголюбца, и если по правде говорить, великого боголюбца, которому да будет похвала на небесах от Самого Бога и от святых ангелов Его за божественную его любовь, которую он имеет ко вседоброму источнику милости и за свидетельство его святое, коим являются святые книги. Меня же, безбородым пришедшего на Святую Гору и проведенного здесь год, нашел этот христолюбивый отец мой и узнал от меня, что святые книги умею переписывать и в Господе мы посоветовались о том, если Господу угодно будет. А в те дни протос и Святогорцы подняли гонение на безбородых и изгнали многих со Святой Горы, и меня вместе с ними. И ушел я в град Солунь, и там провел полгода. Отец же мой блаженный, всегда горящий Духом Святым, не авил желания сердца своего и, прибыв, вывел меня из Солунского града и своим богоразумием привел меня опять на Святую Гору и имя Господне призвав, с Господом начали мы книги эти. И когда я исписал их до половины, завистник дьявол заполнил сердце некоему противнику моему и оклеветал меня перед протосом, который многих посланников послал к отцу моему из-за меня. И воистину, добрый отец и чадолюбец не хотел меня оставить одного, чтобы я не был озлоблен и наказание получил, как и другие.

И когда настал праздник Успения святой Богородицы, отец мой, взяв меня, пошел на собор святых отцов. И застали мы протоса очень гневного и резко настроенного тем неприятелем моим. Когда же протос спросил отца моего обо мне, много опечалился отец мой из-за меня. И Го-

сподь Бог был с отцом моим и не дал, чтобы его протос до конца опечалил. А я, стоя и глядя на печальное лицо отца моего, с большой жалостью, задрожал, ибо мне представлялось, отцы мои и братья, поверьте мне, что я ведь второй раз сюда прибыл и ждал, какое наказание будет определено. Однако милосердием Божиим и молитвами отца моего уберег меня Бог от всех наказаний, которые мне назначал протос. В конце концов мне было определено вновь удалиться со Святой Горы. И здесь меня отец мой не остави, а передал в метох хиландарский, и Господом ведомый и питвами отца моего питаемый, закончил я и другую половину. И отец мой своего благословения не лишил меня и весь мой труд исполнился. А отца моего Бог да не лишит Своей милости здесь и в бесконечные века. Аминь, аминь, аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Из ѿмине ѱојање. Сѿари срѣски ѱеснички зайиси. Саставио Ђорђе Трифуновић. Београд: Нолит, 1962.

Сѿара срѣска ѱоезија, зайиси и најѿйиси, аренѿе. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Сѿари срѣски зайиси и најѿйиси. Књ. 1. Скупио их и средило Љуб. Стојановић. Београд: Српска Краљевска Академија, 1902 (Зборник за историју, језик и књижевност српскога народа. Српска краљевска академија. Одељење 1, Споменици на српском језику, књ. 1).

Сѿари срѣски зайиси и најѿйиси. Приредио Милорад Павић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1986. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 19).

Трифуновић, Ђорђе. „Записи граматика Теодора Спана у Шестодневу Јована Егзарха“. Издање текста. У *Са свейоіорских извора*, Ђ. Трифуновић, 89-114. Београд: Службени лист СЦГ, 2004.

Феодосий Хиландарец

ПОХВАЛА СВЯТОМУ СИМЕОНУ И СВЯТОМУ САВВЕ

В жанре похвалы высказалось большинство писателей, представляющих древнюю сербскую литературу. До Феодосия святой Савва, Стефан Первовенчанный и Доментиан включали похвалы в свои жития. Как самостоятельное произведение она сохранилась только у Феодосия Хиландарца. Прославление святого Симеона и святого Саввы осуществлено в *Похвале* посредством богатства стилистических, риторических и языковых возможностей по узору наилучших произведений византийской литературы. В трехчастной композиции сначала отдельное слово посвящается святому Симеону, а затем – святому Савве, чтобы в продолжении обоих прославить. При постоянной опоре на Библию автор свои фразы время от времени составлял в манере „плетения словес“. Сам Феодосий это свое произведение называет *Похвалой, Словом и Похвальным словом*. Для перевода использован список монаха Марка, возникший в XIV веке в Хиландаре и находящийся в собрании Национальной библиотеки Сербии в Белграде с сигнатурой 17, на страницах 255а-283б, на основе нашего издания.

Похвала Феодосия монаха святым
и преподобным отцам нашим Симеону и Савве,
учителям сербским

Благослови, отче!

Пресветлая просвещенная память всечестным отцам воссияла нам сегодня, ибо пресветлым лучом озарившийся и светло нас просветивший, светел же есть и просветлен и достоин есть всякой почести и радости у Бога. Им ваши боголюбивые души, как возлюбленных чад отцов, к духовному веселию сейчас созвав, и как любимцев от-

цов в светлой этой церкви радостно принимая и любовью радуясь, прежде плотской духовную вам готовлю трапезу, исполнив эту похвалу святым, а с ними и тем самым святым отцам, наполнив ее радостью духовного веселия, наполнив ее сладостью божественных слов, ангельской пищей, ибо ангельской пищей Писание называет слова. Ими наслаждается душа, которая охраняется умом и, как тело пищей, словом подкрепляется бывает.

А Давид, вкусив сладость Божиих слов и удивившись им, сказал Богу: „Как сладки гортани моей слова Твои! меда устам моим. Повелениями Твоими я вразумлен; потому ненавижу всякий путь лжи!“ (Пс. 118 (119), 103-104).

Ибо когда в свое время люди получили плотскую трапезу до сытости, как пишется, но, встав после насыщения, забыли Бога, их насытившего, и начали плясать непристойно, тогда пали трупы их в пустыне (По: Пс. 77 (78), 28-31). А некие, питаясь от умной духовной трапезы и, сладостью насытившись и исполнившись смирения, многократно хлеб свой забывали съесть, а другие, немного попробовав, полностью отказались от нее, удовлетворяя потребности плодами деревьев и растущих трав и слаще, нежели от других трапез принимали ее, так что тем, кто от такой трапезы питается, нужно сказать: „Хлеб ангельский ел человек“ (Пс. 77 (78), 25).

Ибо его, истинный хлеб небесный и истинную сладость жизни, Бог мой Иисус претворил в манну и насладил им. И не были на благодать забывчивыми, не были неблагодарными, и не роптали на питающего, как предки, евские манну (По: Пс. 77 (78), 18), но с великой благодарностью Бога хвалили и, так насытившись, становились душою веселыми и сердцем окрепшими. Как и Он Сам, сущая истина, Христос Бог, когда ради нас искушаем был людьми, истинно поступая, искусителю и отцу лжи сказал: „Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих“ (Мф. 4, 4).

А слово Божие есть все, что о Боге сказано, и всем, что о Боге сказано, душа удивленная и сокрушенная поминает Бога и, убегая от зла, к Нему прибегает. Воспоминанием слов и в сердце молитвой научаясь, как бы приближается к Богу и соединяется с Ним. Уста Божии суть все, что о Богу говорится и научается. Ибо если говорится: „От недостойного к достойному словом тебя подниму, ибо ты - уста мои“, то нужно слова опытом жизненным подтвердить, дабы совершенным был тот, кто научает, а не хромал на одну ногу (По: 3 Цар. 18, 21). Ибо сказал „Начал Иисус проповедовать и говорить“ (Мф. 4, 17) и еще много об этом, а поскольку вы опытнее нас, я стыжусь далее мудрствовать.

Эту мудрую и духовную трапезу готовлю вам не среди конских скачек, где невозможно что-то хорошо услышать, и не на улицах, где скоморохи бесятся праздно, непристойными песнями оскверняя души собравшихся, так как грязными непристойными словами ум их оскверняется и смехом неприличным погубляется, а не развеселяется. Но и теми, которые часто неразумно собираются, палимые солнцем и задуваемы ветром и пылью, и которые до конца не поддаются мерзкому этому позорищу, из безумия их принимают за добро.

А в церкви Божией, в которой мы сейчас собрались, как на небесах, сугубо нужно выстоять, где молитвы и мольбы, благодарения и благохваления по-ангельски Богу приносить удостоились, где все святой красотой украшенное видим, где не видно запряженных повозок ни замены коней, где не слушаем оскорбительных слов скоморохов, которыми совесть свою оскверняли бы, а вместо всего этого святыми песнями и песнопениями духовными наслаждая души, радуемся. И сына громов громогласное, глас Божий слышим, как восклицает:

„В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть“ (Ин. 1, 1).

Опять же, Его слова и Бога Господа нашего Иисуса Христа, Который всех научает, звучат: „Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди“ (Ин. 14, 15); „Заповедь новую даю вам, да любите друг друга“ (Ин. 13, 34; 15, 12); „По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою“ (Ин. 13, 35); „любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас“ (Лк. 6, 27); „прощайте, и прощены будете; давайте и дастся вам“ (Лк. 6, 37-38); „Блаженны нищие духом; блаженны алчущие; блаженны кроткие; блаженны милостивые“ (Мф. 5, 3-6-5-7).

Безумные и недостойные наши сборы Он укоряет и осуждает, поскольку говорит: „Безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?“ (Лк. 12, 20). А также: „Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде? ... Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов“ (Мф. 22, 12-13).

Тех же, которые Его слушают, Он и как сродников принимает, и блаженными называет. Ибо когда Иисус научал, сказали Ему: „Отец Твой и Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя“ (Лк. 8, 20; Мф. 12, 47). А Он, на всех, кто сидел и слушал Его учение, указав Своей божественной рукой, сказал: „Вот Матерь моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать“ (Мф. 12, 49). И когда одна женщина из народа, удивленная, возвысила голос и, хваля Его, сказала: „Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие“ (Лк. 11, 27), то Он, проявляя равенство в любви, которой всех вместе с матерью охватывал, ответил: „Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его“ (Лк. 11, 28).

Видите, сколько благого мы, собранные в церкви Божией, удостоены слышать? А в ней так же, как те, которые с удовольствием слушают перегудницы, при чтении житий древних святых и исключительных мужей и вникая в

них, через наши уши приятно научаемся, и душою и сердцем сокрушаясь, умом восходим к Богу, дивясь их высокому смирению и страданиям Христа, терпению, болям, посту и страданиям в пустыне.

Ведь мы слушаем божественного Павла, как он говорит об их святых страданиях, принятых за Христа: „... Испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11, 36-38).

Вот это и еще более того о них слушая, какие великие дела и чудеса творили с Божиим именем, восхищаемся и укрепляемся, хваля Бога, а их самих, с их прекрасными обычаями и делами, хваля и ублажая, величаем, а тем самым заботимся и о тех, которые были отцами нашими.

Ибо некоторые из них, Богу творя изобильно добрые дела, мученической кровью венцами украсились.

А другие, уйдя из своих домов на высокие горы, возлюбили места пребывания диких зверей. Холоду и зною многовременно подверженные, страданиями и постом ежедневно мучимые до крови, в болезнях заканчивали.

Иные же праведностью и верой, милостью и милосердием по отношению к бедным и всем тем, что завещано в мире для спасения, Богу угождали, а потому истинно сокрушались.

И те, которые по Евангелию совершенству юноши подражали, все свое убогим, Богу раздавали и свое оставляли: одни – богатство, а другие – царство, и все презрев, крестоносно этим научены, пошли за Христом и сугубыми дарами и почестями от Негао обогатились.

А некоторые еще с юности, с чистотой и непорочностью, чистотою девства и жизнью в пустыне стали избранными. Затем апостольских и многих иных даров

в мире удостоившись, светом жизни стали и учением к Богу привели тех, которых просветили .

К этим славленным святым и по отношению к Богу незаурядным мужам относятся и эти святые отцы наши, коих мы в заглавии *Слова* упомянули: преподобный Симеон, то есть, и всеосвященный Савва, коих ныне прославляем. А их воистину следует этим славить и достойно величать, ибо и они, как нам подобные люди, были тленны, однако более нас Бога возлюбили. Царство и все лишнее мирское как не имеющее ценности презрели и усердно за Ним пошли, и дабы Ему угодить, усердно поспешили. И за любовь к Богу Бог также возлюбил их, и возвеличил и прославил их, ибо говорил: „...Я прослаблю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены“ (1 Цар. (1 Сам.) 2, 30).

А тем, кого Бог возвеличил и прославил, кто замолчит похвалу, ее скрывая? Так что уместно и нам и воистину достойно их славить и хвалить. А наша похва не от тех, кто ищет корысти, а еще более творит нам спасение, ибо похвала праведным от Господа, и венец славы и хвалы, вечная радость на головах их, ибо Ему угодили (По: Притчи 10, 7-6), Поэтому для нашего научения и как полезная и установлена, чтобы достоинства прежнего времени мужей, угодивших Богу, а тем были и удостоены Богом, сохранили писанием будущему роду; да не будут скрыты глубиной забвения добродетели добрых, но будут еще яснее разумно словами показаны; подобно этому открывать, чтобы не утаилась польза для тех, кто слушает, ибо известно, что слово о добродетелях многих умилит и, будто неким жезлом, соревнованием душу ранит, определенно ее обновит и обратит к жизни тех, которые в Боге жили.

Но поскольку мы от начала не были при всех подвигах преподобного отца нашего Симеона и вследствие большого расстояния лет, не можем постичь, чтобы рассказать все, что происходило в его земной жизни, но как,

прочитавши, поняли, по житию его, которое есть пребогатая ризница или дар отчий, что нам, детям его, в книгах оставлен.

Ибо слышим, что это был муж, о котором Давид в начале книг своих, прежде нас похваливши его, сказал: „Блажен муж, который не ходит на совет нечестивих и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его и о законе Его он размышляет он день и ночь“ (Пс. 1, 1-2).

Муж с[мелый] по благородству и богатству,
муж в битвах незаурядный и до конца ратному делу обученный,

муж величественный в силе и более всех иных вызывавший страх у противников,

муж набожностью и верой, гостеприимством и милосердием к нищим весьма красен,

муж силой и богатством изобильнее Авраама и Иова, и во всякой благосостоянии во Боге богат,

муж до[стоинный], который милостив повседневно и разумел бедных и убогих весьма много,

муж славный по непорочности и праведности,

муж, говорим, по жажде духовной упорнее всех, муж во всем угодный Богу!

Как по высоте достоинства был самодержавен, праведностью и верой просиял, а землю народа своего православием ко Христу осветил, ереси отогнал и церкви воздвиг, как затем стал смиренным, царство и красоты мира оставил, и которому многие служили, как светел и возвышен, в смир[енности] совершен, крестоносно пустыни достиг, странствованием и постом до конца жизни пожил, как это всем нам известно.

Какой теплотой земной явился, и с каким покаянием и вдохновением, смирением и любовью, и в тайнах сердца, воздыханиями к Богу прожил, это знает лишь Бог, испытующий сердца и утробы (Иер. 11, 20) А я о том не умею говорить, ибо вижу мужа, величие которого и Бог про-

славил, так что и я восхищаюсь. И считаю, что ничем не был одарен так, как смирением, сокрушенностью сердца и любовью к Богу.

При всем этом, если мы и не сможем все высказать, ибо (это) превосходит наше Слово, о земной жизни его, о благодеяниях и милосердии к бедным, или о сокрушенном постничестве в пустыни, и восторгу к Богу, нынешние нас события оповещают. Ибо добрые дела, которые прежде были в его жизни, сейчас являются из мертвых костей, изливающих животочное миро, о чем вы многие слышали, а некоторые знаете, поскольку видели.

Помимо нашего запоздалого повествования следует выразить заверение вашим боголюбивым душам относительно силы в подражании добродетелям преподобного отца нашего. Ибо и меньшие дела великих, для слабых, не хочу говорить – ленивых, велики. И ежели кто из людей, которых Бог возвеличил, осудит свою леность или немощь, и унижится и осудит себя, и это полезно.

Так разве нынешнее почитание на земле, не говоря уже о том на небесах, преподобного отца нашего Симеона не удивит и не увлечет ревностные и боголюбивые души? Не подвигнет ли силой на похвалу и на ревность? Почему же нет, коль он достиг такой смиренности и любви к Богу и удостоился от Него таких почестей, что миро источают не только его святые мощи, но и святой лик с его изображением, написанный на стене и созданный во славу ему для Бога, испускает миро из твердого камня и сухой извести, и это отныне будет видно, когда ему снова будем воздавать великую и умом непостижимую славу и почести.

Убеждая нас понять, что душа, ищущая Господа, нашла Его. И если кто-то ради Него добро чинит, это не останется скрытым от Его всевидящих очей, и за добро воздается добром, как это можете видеть в чудесах отца нашего.

Итак, что мы на это скажем? Какими достойными почестями его одарим, его, которого Бог прославил перед

ангелами на небесах и перед людьми на земле? Неужели не удивимся дивному мужу, небесному человеку и земному ангелу? Неужели не прославим его, сказав с Давидом: „Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его“ (Пс. 111 (112), 1-2)? Неужели не прославим его, говоря: „В вечной памяти будет праведник“ (Пс. 111 (112), 6)? Неужели не поклонимся ему, прося, чтобы молился за нас, и с верой и любовью в поминовение его служа, не скажем: „Сколь добр Бог к праведным сердцем и не унижает смиренных духом?“ Неужели подобно апостолам не скажем: „Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым“ (Евр. 6, 10)

Вчера он был раздающим хлеб свой и принимающим нищих, кормящим их, а ныне принят в селения Авраама и радуется с ним.

Вчера Христа ради странствовал, а ныне с Ним царствует, радуясь.

Вчера пред нами со смирением приклонял голову, а ныне мы мироточивый гроб его целуем, кланяясь.

Вчера нас он телесно утешал, а ныне в церкви духовно радуется.

Вчера нам вино любви черпал, а ныне миром святых мощей своих помазывая, освящает.

Видите ли, скольких благ от Бога удостоиваются те, кто Ему угодил, и сколько добра нам в животу и по смерти делают праведники, как и это от преподобного отца нашего Симеона, а то, что о нем в *Совместном слове*, пусть подождет на свой черед.

А сейчас придем его сыну по телу, а отцу по Духу Святому, айдем и его как исключительный плод доброго дерева, да еще больше за добрый плод и дерево похвалим и прославим. Ко всеблаженному и всеосвященному Савве, говорю.

Ибо и он, хотя природно, однако не обычно рожден, а молитвой испрошен и Богом дан родителям, и от юно-

сти, как ангел, чистотой сияя, явился, будучи всякой чистотой наделен и украшен.

Все красоты мира и отца властителя оставил ради Христа и стал воспитанником пустыи: чадо послушания, росток тихования, ветвь воздержания, вет благочестия, плод смирения, любовью и милостью усовершенный. Всеми благами от природы стал изобилен, от учителя Христа удостоился достойно быть учителем, который и землю народа своего, подобно апостолам, в свой удел принял, и Священному Писанию ее научил, и верою просветил, и избранных к Богу привел.

Страдания его, и путешествия, и усилия многие ради возведения монастырей в пустыне и на чужой земле, као и на земле отечества своего, чтобы ее украсить церквями, верой право^{}ной просветить, чтобы их святыми и обычаями христоименованных людей узаконить, монастырями и монашескими обителями и уставами ее украсить.

Да и странствования его по всем странам, не одним путешествием, но и двумя, по пределам Иерусалима и Синая, Египта, как и Ливии, вплоть до великого Вавилона, где посещал святые места и поклонялся им, и со святыми и преподобными отцами разговаривал о духовных делах, и от всех молитву и благословение получал. И, как трудолюбивая пчела с различных цветов, из житий тех отцов пустынных, которые несравнимо слаще меда, духовные соты создавал, то есть полагал на сердце свое для восхождения.

Милостыню многую раздавая, и Слово делом сеял, как апостол. Святые мощи искал и выкупал. И если что-нибудь честное и святое в чужих странах находил, и это выкупал и собирал и приносил в свое отечество, что все доньше его молитвами сохранено и в целости осталось, красотой и святостью украшая святые и божественные церкви в его отечестве.

А все те путешествия и приобретения, труды и мучения кто может исчислить и описать?

Те, кто любит мир сей и самолюбивые, и те, кто восславляет обильную пищу и лень, прославляют тех, которые имеют богатства. Однако в нем я ничего от этого не нахожу, ибо его считаю не самолюбивым, а каким-то гневным и немилосердным, который стал неприятелем своему телу. Ежели нужно похвалить, то я бы его и за слабости его похвалил.

Даже тот, кто с юности и до конца старости в трудах проводит свою жизнь, никак не смог бы его описать, за апостольские мучения украшающие не похвалив. Ведь на нем все апостольское исполнилось, кроме того, что он не иудей из народа наказуемого. И те многие путешествия в Боге, во время которых несчастья на реках, несчастья от разбойников, несчастья в пустыне, несчастья в морских бурях, в страданиях и подвигах, в голоде и жажде, в холоде и нагоде.

Забота обо всех церквях в его отечестве, печали и многие страдания от братьев самодержцев и по плоти сродников, которых он некогда при раздорах примирял, стоя перед ними, защищал их, посредовал, уговаривал, как некто безтелесный парил над ними и чтобы в любви остались укрепил их. Даже когда его неоднократно печалили и когда не слушались, он не отступал, но, как второй Моисей или Самуил, все затруднения и противодействия сносил неустоимо, но и принимая хулы от них, молился.

Кто сейчас перед готовым из-за малого не отступит? А этот, все обретший, не уставал, а все тяготы как легкие переносил, во имя будущего забывал прошлое.

Ежели кто из вас хвалит и чудотворцев, пусть похвалит и этого, и пусть поглядит на его чудеса! Со вниманием разумно рассмотрев, увидишь, что они не обычны, в воистину дивны и чудны, удивишься и восхитишься, и, как Исаия о твари Творца, прославляя их, скажешь:

„Господи Боже мой, прославляю Тебя и воспеваю име Твое, ибо Ты си дивные дела творил через святых Твоих!“

Ибо и он, как мой Иисус словом, расслабленного молитвой поднял, и как Илия в давние времена, огонь с небес молитвой низвел, и как тот Ахава, так этот царя неприятельского, Угурина, удивив, отвратил от безбожия и, как тот, ревнуя о Боге, бесстыдных священников и мерзких еретиков, также из-за распри о Боге, хотя их не заколол мечом, как тот, но их, как волков раздражил и отогнал от стада, чтобы, как они Израиль за Ваалом, народ его от Бога в ересь не преобразили (По: 3 Цар. (1 Цар.) 18, 23-30.40). А многих учением о Боге из волков в ягнят обратил. И умершего брата, уже приготовленного к погребению, молитвой оживил, и ангела, прежде только ангельским, украсил монашеским образом, сказав, чтобы душа к Богу обратилась, а затем повелел, чтобы снова возвратилась.

Тогда видевшие и ныне слушающие о воистину удивительном чуде, как безплотные и небесные силы земного и плотского послушались. Ведь он малой бумагой и чернилами повелел, чтобы из гроба его отца потекло миро. И во гробе и на заходе мертв, мертвый живого послушался. И светлое послушание умершего отца, которое он еще как живой по отношению к сыну для спасения имел, когда во гроб лег, больше бы я сказал – на небесах обитая, это показывает.

И великую пучину переплывая, и на море сильными ветрами свирепо взволнованном и волнами корабли разбивающем, Божиим именем и оружием креста запрещал, и успокаивались ветры и море, и наставала тишина. А корабль с учениками и с путешественниками, которые плыли с ним, нашел спасение от смертного потопления, и удивленные, они сказали: „Велик Бог, отче, и слово Его свято на устах твоих!“ – ибо прежде о прежнего времени святых мы слышали от тебя, а ныне нового дивного святого очи наши видели.

Чем достойно воздадим твоей святости, коль ты нас от гроба в море силой своих крепких молитв Богу ныне избавил? Да ты сделал, что и бездна, бездна милости Го-

спода, в болезни ему послужила, что ему большая рыба-на, когда он лежал на корабле, волной была брошена на грудь. И это есть великое чудо, которым святые прославляются по чудесам неизреченного Бога. Как это волна, по природе – вода, что разливается, словно некий послушный слуга, услужливо поднявшись и будто руками дароносно в руки святому рыбу подала, не залив корабль, возвратилась.

И после своей смерти, горбуна, который задом еле ползал, он, гробом исправив, поднял и полностью здоровым ходящим сделал.

И другие чудеса он творил при жизни и после смерти, но мы многие обойдем, ибо их следует не перечислять все подряд, а рассказать по годам.

А что если величие и дивность разумных и боголюбивых душ кто-то не осмыслил, или не таковы вера и дерзновение по отношению к Богу тех великих и избранных мужей, которых мы за чудеса восхваляем? Не явление ли это божественной силы, да и самого моего Христа, такие божественные чудеса, когда с небес божеством не отступил и ради меня и всех людей телесно по земле ходил? Он, Который и ученикам тогда сказал, а также и всем сейчас говорит: „Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...“ (Ин. 14, 12).

И когда по Его проклятию усохла смоковница, удивленным ученикам, прославлявшим Его власть и говорившим: „Как это тотчас засохла смоковница?“ (Мф. 21, 20), Иисус в ответ сказал: „Истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если вы яко и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, будет; и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите“ (Мф. 21, 21).

Значит, и мы, христоименованными людьми, если заповеди Его соблюдаем, являемся учениками Христовыми. И вся власть знамений и силы, которая дана ученикам, будет и нам дана, чтобы ею пользовались.

„Се, даю вам, – сказал Он, – власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью“ (Лк. 10, 19), а также: „Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; ... будут брать змей...; возложат на больных руки, и они будут здоровы“ (Мк. 16, 17-18).

И не научил ли многих из святых после апостолов, как апостолы многих иных, и силу, и знамения, и чудеса, као и апостолы, во имя Божие творить, и укреплены были прежде страдания за Христа?

Ведь известно, что многие слепые прозрели, прокаженные очистились, расслабленные поднялись, горбатые распрямились, что болезни отогнали от людей, больных исцелили, мертвых оживили, зверей укротили, пламя угасили, свинец раскаленный охладили, гадюк растерзали, змеев умертвили, смертоносными напитками напоены были и не повредились, озера иссушили, по водам не замочившись ходили, морем повелевали, ветры останавливали; некоторые град, некоторые дождь, а некоторые огонь – каждый по своему прошению с небес молитвой призывал; находясь на земле, останавливали солнце, двигавшееся по небу; а некоторые повелевали, чтобы горы поднимались и ввергались в море, а затем снова возвращались на свое место; бесов прогоняли в непреодолимые горы, пропасти и в леса непроходимые, будто за вратами, их затворяя.

Как прежде них Бог мой Иисус легионы свиней предал пучинам на уничтожение, Его именем и верой также они все это творили. Их величие не может во весь мир поместиться, ни исказить.

И разве не велики и постижимы, не страшны и удивительны? Разве не превосходят ум и могут ли быть выражены по возвышенности? Не удивляют ли сердце и не упоют ли душу и к Богу, именем Которого этого достигают, от земли не возносят? И разве не славны и дивны те, которые к Нему с верой все творят? Разве не выше ли они людей славленных и блаженных, бывших достойны-

ми поминовения и прославления? Чтобы их еще большей надеждой обрадовать, Господь им сказал: „Однако же тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах“ (Лк. 10, 20).

С этими святыми, великими и дивными мужами, через столь великие чудеса, мы рассматриваем и осмысливаем этого мужа, которого ныне прославляем, святого и всеблаженного, говорю, первосвятителя нашего и равноапостольного учителя, отца нашего Савву. С ними общником и великим он был, ибо ничем не уступал по сравнению с подвизавшимися в пустыне, послушниками и постниками, а также преподобными и молчальниками. Разве и среди святых не просиял он по-апостольски?

Ведь чистотою и постом, трудами и смиренностью, учительством и дивными чудесами, молитвой и милосердием к нищим, странствованием и путешествиями, и всеми добротетелями Богу во всем исключительно угодил. Среднее превосходил, а совершенного достигал, и ни в чем от других не отставал.

Ибо он это, как и древние святые, верой и молитвой во имя Божие совершал. Ибо „все возможно верующему“ (Мк. 9, 23), – сказал Господь; однако не только обычная вера, но и дела, ее поддерживающие, а смирением и еще более любовью все исполняется и оживляется. Ибо „вера без дел мертва“ (Иак. 2, 20), – сказал апостол, так что не подвижничество – и молиться, и надеяться, что некто моление примет, ежели нет дел, подкрепляющих веру. „Покажи мне, – сказано, – веру твою без дел твоих“ (Иак. 2, 18), а также: „Если имею ... и всю веру, так что могу и горы переставлять ... и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы“ (I Кор. 13, 2-3). Да и молитву невозможно совершать по-иному, чем нас научал Иисус Христос, Бог наш и Спаситель, когда говорил: „И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши“ (Мк. 11, 25).

Итак, мы это отдельно о каждом святом отце нашем сказали, ибо не были они хуже ни жизнью, ни делами, ни добродетелями, ни чем бы то ни было по отношению к прежним святым. Из-за величия и чудес и славы обоим совместно вновь спешим восхвалить их.

Но удивлен я и не знаю, как их восхвалить! Ибо как бы я мог по достоинству восхвалить тех, которые по промыслу Божию призваны, тех, которых Бог прежде познал и определил, чтобы стали первенцами в благочестии среди многой братии нашей, и служителями Нового Завета, Евангелия Сына Его, и с Ним стали общниками во славе Его. Ибо „кого Он предопределил, тех и призвал, – говорит апостол, – а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил“ (Рим. 8, 30).

Так что же о них скажу я, когда их Бог оправдал и прославил (По: Рим. 8, 31)? Ибо хорошо и нам с Богом прославить их и как достойных величать. Да кто бы не возвеличил избранных Божиих? Тех, кого Бог оправдал и прославил, кто бы не похвалил?

Поскольку они более чем достойно в Боге прожили, мы не способны достойно восхвалить их, как неискусные в похвальных словах, не хотели их касаться. Однако, надеясь на ваши молитвы, и к этому мы приступили. А если наше плетение словес хоть мало удостоит похвалы святых отцов, не подумайте, что это измышление моего ума, это от них самих, от трудов во Боге и творения добрых дел. Их похвалы им и приносим.

А *Похвалу* святым присовокупляем к похвале Бога, Который их укрепил, с помощью Которого святые дивные дела творили и творят, к Божиему милосердию и великому удивлению Его доброте, которую Он имеет с любовью к людям, исполняющим Его волю, а все на пользу и служение слушающим. Проповедуем о святых, так что всеми благами, повествованиями и делами, увлеченные добром в добрых, будем добро похвалены всеблагим Богом за все и навсегда.

Да придем к самим себе, отцы и братья, все мы, насладившиеся благодатью отцов, и ныне наслаждаемая, и снова будем наслаждаться!

Придем все, и восхвалим всем всех, кто был, и прославим всех, кто нас прославил!

Придем же, и радостно приступим к прославлению, и примем его с любовью!

Все усердно щедрыми да будем! И никто из нас входящих да не явится с опустошающей леностью, ибо мы вдвойне от отцов получаем и вдвойне благом обогащаемся! Душевно, говорю, и телесно молитвами их обогатимся.

Да принесет каждый из нас по своей возможности, любимые дары отцов, то, чего они от нас ожидают! Имею в виду, не золота и серебра, не жемчугов светлых, не камней сияющих, ибо это они и в земной жизни презрели и как обманные мечтания отвергли, а ныне, будучи со Христом на небесах, вообще о них и не помышляют. Принесем же то, что им, как и самому Христу угодно, и тем, которые слушают и служат исполнению и вниманию Того, кто заповедует, и тех, которые не в пении и молитвах неленостно пребывали.

Тот, кто у власти, видя их богоподобное исключительное смирение и презрение к почестям, не будет высокомерно править. Другой, обратив внимание на их исключительную жизнь в пустыне, обретет смирение души укором себе. И если от их возвышенного пути за Богом отстают, и слабы по силе, пусть двинутся за ними, а не останавливаются из отчаяния, что это недостижимо, обленившись до оцепенения, ибо и крепким и подвижническим душам едва достижимы их смиренность и труды во Боге.

Иные имеют удивление от высоты чудес, которыми их Бог прославил и удивил и которыми Бог в них, по смирности их жизни, прославился.

Все, кто ныне имеет веру, а не двоедушие относительно сказанного о них, по заслугам их, праздниколюб-

но все ныне псаломски скажем: „Приидите, возрадуемся Господу“, в поминование отцов! Из разнообразной и исключительной их жизни для Бога, как из разнообразных и благоуханных цветов, венцы *Похвалы* сплетя, увенчаем их! И оглашением части их добродетелей, составим хор прославления, произнося:

Радуйся, Симеоне преподобный и мироточивый,
благочестия богонасажденное древо
при духовных водах напоенное,
давший плод свой, Савву,
еще во время земной жизни
делателя Христу,
цвет, что изначально чистотою младости,
сияя светлее лилии, явился,
и сладкое благоухание святости души,
приятнее всех благоуханий!
Ибо и лист твой, отче,
не отпадет, говорю,
сыны твоих сыновей,
твоими святыми и Богу благоприятными молитвами
вплоть до ныне набожно у нас царствуют!

Радуйся, его сыне,
Савво, отче святой, молитвы чадо,
пустыни плод,
от юности чистотою ангеле,
хотя из стремления к чистоте и непорочности
по плоти чад не пожелал иметь,
но Божиим Духом многих ты Богу родил,
не жене, значит,
а Богу постарался угодить!

Радуйся, Симеоне преподобный,
премудрый купец по Евангелию,
который прекрасные жемчуга,

веру, надежду, любовь
с милосердием имел
и потому, все свое нищим раздав,
единственный драгоценный и бесценный бисер,
божеством Христа, поискав, нашел,
за преходящее, отче, непреходящее купив,
и непостоянное вечным заменив!

Радуйся, Савво, отче богомудрый,
равноапостольный учитель наш,
благовестниче Евангелия,
проповедниче Христов божественных святых тайн,
коиими как первосвященник научил освящаться!

Радуйся, Симеоне, преподобный отче,
ибо истинный глас Евангелия услышав
и крест свой на плечо взяв,
и ни о чем на земле не заботясь,
пошел за Христом учащим!

Радуйся, Савво, святого отца отче,
который тебя по плоти рождая,
для Бога Духом породил,
наставниче мучительного пути,
и во младости учитель старца,
коего ты молитвами своими Христу
по смерти учинил мироточивым!

Радуйся, Симеоне преподобный,
духовный сыне сына,
которого по плоти родил ты,
послушник и ученик в старости,
юноша для старейшины
и в пустыне служитель, отшельниче!
Смирение твое, отче, поражает мой ум,
при жизни и по смерти во гробе,

послушание твое сыну твоему
ужасает мне срце,
странствование обоих печалит мне душу,
ваша любовь к Богу многих превосходит!

Радуйтесь, отцы добрые,
Истинного благочестия нам святые корни,
основы святой божественной веры,
необоримой, на Христе - камне нерушимом!

Радуйтесь, всечестные отцы,
Христу, жизни подлинного винограда,
плодоносной и подлинной лозе,
на стеблях чад своих,
изобилуя гроздьями зрелыми,
истинную веру приносящие!

Радуйтесь, преподобные отцы,
преподобностью
и справедливостью украшенные,
и христоименованных людей своих
законом и верой православия
и добрыми обычаями украсившие,
церквей святых красотою возведением
короля нашего венчанием!

Радуйтесь, богоблаженные отцы,
единомишленники во Боге,
единодуш^е и единодеятельные,
носящие в двух телах одну душу!

Радуйтесь, двоица святых,
наши объяснители святого
и единосущного божества,
нераздельной и животворящей Троицы
и объявители отеческого Божиего провидения,

ради нашего спасения
от Пречистой Богородицы
и Приснодевы Марии,
от Слова Его и Бога,
Святым Духом воплощенного Христа!

Радуйтесь оба,
как сообщники святые
и истинные Божии делатели,
удвоенно
трудами многими
землю народа своего вспахавшие,
и умноженные семена благочестия, веры
в ней Словом посеявшие,
плод спасенных принесли!

О, всеблаженные и в любви неопиcуемые и незаменимые для нас добрые отцы, как возмочь о вас поведать? Восхитили вы людей, ужаснули бесов, ангелов обрадовали богоугодной смирeнностью и в пустыне исключительной своей жизнью! Как и которые труды и мучения ваши исчислить? А сколько мы вам благодарности должны, хотя не удастся по заслугам! Ибо всегда вас славим, из рода в род почитаем, во веки благодать за вас имеем. Ибо до вас пребывали мы во тьме невежества, а с вами к свету богопознания вознеслись!

Ибо вами освободились мы
от мрачных от ов и ересей,
и верно во Святой Троице крестясь,
трисятельным светом
божества просветились!
И удостоились стать
и называться сынами Божиими,
и христоименованным народом избранным,
и царским священством, и народом святым,

а не погаными, как прежде!
Вами безбожные служения
у нас истреблены были,
и враг диавол,
прежде среди нас славимый,
ныне силою креста оказался
посрамлен и унижен
и попран нами!

Через Вас богописанные скрижали
Божиего Нового Завета,
Евангелие Сына Его уразумели,
и Его, пришедшего во плоти, приняли,
и дал Он нам власть быть чадами Божиими,
веруя во имя Его (Ин. 1, 12),
водою и Духом вами рожденные!

Вы, как два светила,
на мысленном своде небесном явились,
от мысленного востока
востоком Христа взошедши,
и на западе истины непознания,
тьмой ереси землю народа своего помраченную
светом Слова озарив, просветили!

Вы, как две реки,
из мысленного эдема вытекающие,
народу своем показали,
и от нечистот ловом прежде очищая,
и таинством крещения омывая,
из источника жизни ребра Божия напоая,
верой и надеждой возрождения радуя,
из преходящей в будущую жизнь приготовили его!

Вы, подобно небу живому, явились,
украшенному не звездами, а добродетелями

и больше их украшенные сияя,
и не молча, а словами
яснее славу Божию
и этого Творца все творение объясняя,
и из несущества в существо все приведя,
собою вы нам представились!

Вас как умные источники славим,
ибо струи жизни не из жил каменных,
а из сердец ваших,
слова Христа Слова в себе имея
и ими в зловерии засохший
благочестием народ свой напоив,
освежили, жажду греховную прогнав!

Ваш храм Пресвятой Троицей достойно называем,
ибо собою, живыми людьми,
церкви Богу воздвигли!

Вас как воистину умных делателей славим,
ибо на земле щедро сея милосердие,
и душевную ниву слезами напоая,
а ныне обильно пожиная,
с радостью на небесах принимаете снопы свои!

Вдвойне и втройне при жизни
постнически, апостольски вы подвизались
и во всем Богу достойно угодили!
Какими похвалами удостоились мы
прославить вас?
Какими красотами славить,
дабы удостоиться?
Духовных как невидимых не знаем,
а чувственные, если говорим:
„Ризницы пребогатые и жемчуга безценные
в сердцах ваших для вас мы обрели,

драгоценнее камнней сапфира и смарагда
в душах наших расцвели вы “,
да что они в сравнении с вашей благодатью для нас,
или в сравнении с истинной нашей любовью к вам!

Солнцелико просияли вы своими подвигами,
И, как лучами светлыми,
жизнью и делами
и словами нас просветили!

Благодаря вам ночи ереси избежав,
сынами света и дня быть мы удостоились
и как наследники спасительных почестей записались!
По вашему научению и само Царство Небесное
покаянием надеемся обрести!

Радуйтесь, отцы, и веселитесь,
ибо за нас многая награда
на небесах от сказавшего:
„Кто сотворит и научит,
тот великим наречется
в Царстве Небесном“! (Мф. 5, 19)

Итак, Вы прежде сами творили
и других по себе Словом научили,
делами слова подтверждая,
пример показали людям,
как мерзость земную отбросить!

Воистину великие дела совершили вы,
и добру научили,
и от Бога великими стали,
и в веках быть удостоились!

И к чему эти похвалы хвальные
Для тех, кто Богом похвален

и в Царстве Его,
к которому многие стремятся,
великими назваться Им подтверждены,
да и мы еще да скажем:
дойдет до вас, и более того,
и на вас исполнится слово,
сказанное ап[остол]ам:
„Вы – свет мира...
город, стоящий на вершине горы“ (Мф. 5, 14),
добродетелей вы не сокрыли,
не под сосудом, чтобы только себе,
но на высоте,
чтобы всех просветить,
подсвечником для свечи жизнь и слово имеющие
(По: Мф. 5, 15)

Богом поставлены были вы!

Вы больше Тита, ранее пришедшего в Далмацию, а затем вы появились. Апостолами безупречными называем вас, деяния апостолов на вас сошлись, ибо вы, как они, Евангелие среди нас проповедовали. Исторгли вы прелесть как сорняк, прогнали ереси как волков, разорили жер[ельники] их как мерзости, цер[кви], как небеса, в выси воздвигли, собр[али] православием народ как стадо, архиереев привели как пастырей, корни грехов[ных] к терн, искоренили и виноград благочестия насадили, ереси высекли, как кусты, и пшеницу, слово благочестия, посеяли, сжали, собрали и сохраненные плоды принесли Христу и ныне еще приносите. Слышали вы и слушались Христа, Который учил и говорил: „И всякий, кто оставит дома ... или отца, или мать... ради имени Моего...“ (Мф. 19, 29).

Славу царства, красоту мира и красоты видимые вы как призраки презрели. Отечество и род оставили, свое бросили, в пустыню [у]гнали, постнически в ней искушались, послушанием украсились, смирением воз-

высились, странствованием удостоились, слезами и молитвами украсились, в любви к милосердию многих превзошли, милостынями и милосердием к нищим весьма обогатились, при жизни и по смерти чудесами дивными примерно прославились!

И почему из великого множества ваших [дел] только это мы стараемся перечислить, и не можем в частности их похвалить, не можем добрые дела ваши повсюду и у нас должным образом описать? Ибо многие ваши добрые дела в тайности и невидимы были, видимы лишь самому Всеведущему, испытателю скрытого и тайного. Ибо если и видимые к нам прибегнут в помощь, великое их множество – разных возрастов и разных лиц, как мирских, так и священных, властителей и подчиненных, отшельников и пустынников, нищих и убогих – все, многим множеством ваших добрых дела насытившихся и ныне насыщающихся. Если некто из них что-то от вас принял и ныне от вас принимает, пусть нас известит и, вместе с нами ныне собравшись, вас за это прославит; вас, которые для нас научили архиереев священствовать (посвящать), царей короновали, церкви украсили собранными монахами, вас, которые властвующих от несправедливости обуздали, в войске грабеж предотвратили, богатых научили отдавать, убогим помогли, слепым были поводырями, старости почесть, хромых жезл, странных примцы, нищих помощники.

Собных утешителей, юношества учителей, вдовиц и сирот заступников – отцов да прославим, обесправленных помощников, униженных защитников и избавителей, душевно и телесно больных, восходных целителей, рабов освободителей, плененных искупителей и освободителей, голодных кормильцев, оголевших покровителей, брачно непорочных и девственных, пустынников и отшельников питателей и сопостников, всех обычаев украсителей и законов узаконителей – все, значит, вас с нами да восхвалят.

И ныне на небесах в свете
Духом Святой Троицы
с ними поселенные веселитесь,
но и в сердца наши верой вы вписаны.

На ваши святые иконы глядя,
гордимся и как живым радуемся,
гробы ваши светлые и чудотворные,
кланяясь, с любовью лобызаем,
ибо отшельническими телами вашими освятившиеся
исцелением обогатились!

Память вашу честно и свято славим ,
в этом участвуя, освящаемся.
Сугуба слава ваша на небе
пред ангелами и пред людьми на земле!

И обоим вместе да скажем:
честна и славна жизнь ваша
была прежде на земле!
А наичестнее, воистину, и преславнее,
и выше всякого блаженства на земле,
ныне и во веки память ваша!

О сколь удивили вы, какой славы удостоились! Пре-
богато прославил вас Христос, всех благ Податель. Та-
ковы вам почести, о преподобные отцы, как награды за
труды ради Божией веры и церкви Его. Таковы сторицей
награды за заботу о бедных и оставление земного. Тако-
вы дары от Бога за вашу смиренность и презрение славы,
странствования и в пустыне жительство. Они ныне у нас
видимы, говорим мы, и в них мы веру обретаем, и они
вам для того будущего, желанного и бесконечного века
уготованы. Как Павел говорит: „не видел того глаз, не
слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что
приготовил Бог любящим Его“ (1. Кор. 2, 9).

Стараемся похвалами венцы славы вам сплести, хотя и не удостоились достойно по достоинству вашего достоинства. Немощными будучи, призвали мы на помощь Давида и его сына, и с ними вам говорим:

„Радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить“ (Пс. 32, 1) Честна пред Господом смерть ваша, ибо Его в жизни своей прославили вы, послушавшись заповедей Его.

Для вечной памяти есть ваше поминовение, ибо творили вы дела добродетели, достойные памяти, и правда ваша, как достойная, во веки живет!

„А праведники живут во веки, награда их – в Господе, и попечение о них – от Всевышнего“ (Прем. 5, 15-16).

„Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзее“ (Притч. 10, 7), ибо дела праведных – это жизнь, а нечестивых – грехи.

„А праведник, если и рановременно умрет, будет в покое“ (Прем. 4, 7), и память о праведнике есть радость для тех, кто боится Господа.

„Поминовение праведника с похвалами, а похвала праведнику есть радость для людей“ (По: Притч. 10, 7). Бессмертие есть память о нем, как Господь ведает, ибо угодна была Господу душа его (По: Прем. 4, 14).

Что такое видимые красоты? Какие дары, какие сияния и почести царские могут так возрадовать боголюбивые души, как похвала праведников, среди которых и эти святые отцы наши, такие же и одинаковые в восприятии, чье поминовение ныне всех нас радует и веселит?

Где ныне сильные и богатые, которые безчестно на земле жили? Где Нерон и Диоклетиан? Где Максимиан и другие мучители? Разве есть им вечная память, разве они за добрые дела во веки живут? Не ясно ли, что с шумом беззакония их вскоре исчезла память о них, а приобретенное и роскошества с отцом их дьяволом в огне гасимом? Ведь для благочестивых говорим:

Где цари и хозяева мира? Где правители и военачальники? Где тираны и властелины и многие иные, обильной пищей питавшиеся всегда в спокойствии, без покаяния всю свою жизнь в лени и нечистоте печально истратили? И нимало Бога не востребовали, ни сирым не угодили, чтобы Ему усердными быть. Также и в окончательной старости не пожелали смиловаться, ни злой природы покаянием отречься, но, думая, что они бессмертны, мучали, насыщая сердца свои, как в день жертвоприношений. Не вспоминали об осуждении и воздаянии в то время, когда Бог будет сидеть на суде, когда каждый узрит свои явные и тайные дела, когда Сам Тот Праведный Судья и Бог всех общими справедливыми мерками мерить и судить. Малый с большим, царь с воином, властитель с слугою, отец с сыном, поколения и народы – и все по делам примут воздаяния, либо плохое, либо хорошее, по заслугам в своей жизни.

Стыжусь говорить, что и среди самих нас, монахов, живущих не в беспомощности, а в царящем беспорядке и лени к добродетелям, не имея нимало смелости к добру, а отказавшись от зла. И тот кого считаем, что держится прямо, идя по беспутью, оказывается, что он падает больше других. И те, кого многие славил и светом мира называли, как слепые по невниманию в пропасть падали, ибо помышляли, что они благочестивы либо монахи, но отошли от благочестивых и монашеских дел и поэтому далеко от них остались.

Ибо благочестие есть благочестие, и так называется по благим делам, которыми Бог прославляется. Так сказано: „Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного“ (Мф. 5, 16). А добрые дела таковы: благодарение Богу и молитва от чистого сердца, отдавание своего хлеба голодным, посещение сирот и вдовиц в скорби, и неоскверненным себя сохранение от всего мира, и смирение, и ко всему любовь Божия нелицемерная. И по возможно-

сти пост и покаяние всегда повторять, а не подобно неверным, которые, не имея надежды на воскресение, тонут в еде и питии.

Где же такие, будь то миряне или монахи? Неужели нас некто из таких поминовением своим возвеселит или сделает радостными, или житием насладит, или чудесами удивит, или миром омиришет? Этим ли мы говорим: поминовение с похвалами? Или: угодна была Господу душа их? Или: вечна и бессмертна память их? Нет, конечно!

А им, подобно как Сарданапалу, скажем надгробно: „То имею, что съел и выпил, и с любовью прекрасно пожил, а теперь все то же осталось, а я прах“, и как об Иове сказано: „А человек умирает и распадается; отошел и где он?“ (Иов. 14, 10) Если бы кто-то из них и воскрес, и снова появился, непременно был бы на огне мучен. Любое небытие лучше такого бытия, можно даже сказать, что если он так мучился, то лучше бы и не родился, на свет мира сего не выходил, не появлялся, и вновь жизнь не увидел и горько не мучился.

Ведь сказано: „И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения“ (Ин. 5, 29).

О, сколько радости и несказанного веселья, но и сколько страха и невыразимого трепета, для праведных и грешных, каждому по делам его, эти слова Господа Бога моего предвещают! Поэтому Он угодивших Ему всегда удостаивает прославления, и их как вечно живых еще больше восславит, ибо они и после смерти существуют, не будучи умершими. Ибо у Бога живы все для Бога жившие. И потому они всегда живы и не могут умереть после смерти в памяти добрых дел.

Из-за них и мы, о братья, прогоним от душ наших всякую злую похоть, ненасытность, прожорливость и всякую непристойность, уповая на вечные блага. Возненавидим безчестную жизнь и укор смерти тех, которые безчестно жили и живут!

Для них, по неразумности, чрево – бог! О таких Павел сказал: „А сластолюбивая заживо умерла“ (I Тим. 5, 6); это неприятели креста Христова, по немилосердности обретшие сердце, железное и безмилостное к нищим, закрывшие уши свои, чтобы не слышать и не смиростивиться, хотя бы к ближайшим и единокровным по крещению!

О немилосердность! О бесчеловечность их! Написанное: „Благотворящий бедному дает взаймы Богу“ (Притч. 19, 17) их не убедило, чтобы стали лучше по отношению к таким.

Ибо как для других, так и для них значимо сказанное: „Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь“ (Рим. 12, 19; Евр. 10, 30; Втор. 32, 35). Да и Давид говорит: „Бог и Господь воздает, Бог воздает и не колеблется“ (Пс. Рим. 12, 19)ю И Наум: „Господь есть Бог ревнитель и мститель; мститель сподь и страшен в гнев“ (Наум 1, 2).

Ибо если велика милость Бога, то велика и Его укоризна. И Он не обращает внимания на личности, а каждого судит по делам, так как из-за немилосердности к нищим не любит (Бог их и сурово по-евангельски отвергает (По: Кол. 3, 25).

Ибо нигде нет такого долготерпеливого, кроткого и человеколюбивого судии, как Бог. И мы не слышали, что Бог за какие бы то ни было грехи так же, как за такую немилосердность столь неограниченно мстил, с гневом и яростью им говоря: „Идите од меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его“ (Мф. 25, 41), ибо не смиривались вы над нищим и помилованы не будете. Потому мы верим сказанному: „Ибо суд без милости не оказавшему милости“ (Иак. 2, 13).

И насколько в силах, мы должны бежать от немилосердных нравов тех, кто скарденностью ограничен и ленив для добрых дел. А будем брать пример с многохвальных святых мужей, а в ряду их и со святых отцов наших, как благих и благочестиво по отношению к Богу живших, желая во веки с ними быть и жить! Ибо постами и молитва-

ми, милостью, а по силам и милосердием к нищим поставимся и мы, как они, угодить Богу!

Прежде всех жертв и постов и молитв, принесем Ему эту у нас испрашиваемую милость к нищим, и ничто нам так, као милость, не поможет, ибо сказано: „милость превозносит над судом“ (Иак. 2, 13), и тем будем мир и любовь иметь. Научаясь послушанию и смиренностью украшенные, отвергая злую зависть и гордость, кои нас от Бога далеко уводят, по-апостольски скажем: „Один одному с почтением чем больше делая, всегда молимся, Духом пылаем, Господу служим“ (По: Иак. 2, 26), дабы, всеми благами здесь обогащенные, готовы были ждать блаженную награду.

В день Явления Господа нашего Иисуса Христа, когда придет Он судить всю землю и платить каждому по делам, когда придет Он со святыми Своими прославиться и дивен будет для всех веровавших в Него и заповеди Его исполнявших, тогда Сам Судия и Бог наш Иисус Христос радостно нас примет, и услышим от Него тот сладкий и желанный для нас голос:

„Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира!“ (Мф. 25, 34). Да это в конце, когда мы наново будем приготовлены со святыми отцами нашими, если названными благами здесь к этому подготовимся.

А ныне память их прославим, любовью его наполняя, и молитвенно, как всегда, так и ныне, поклоняясь, скажем:

О пречестная и дивная, святая и единоклубная двоице, преподобная, преблаженная, богоносная, богомудрая! Равноапостолы и чудотворцы, пастыри и учителя, достохвальные и достославные отцы, Бога упование и спасение наше, Симеоне и Савво! От ничтожного ума малое это *Похвальное слово*, которое будто дары в руках держа, тебе приносим! Хотя оно и не украшено светом знаний и от оскверненного сердца и от нечистых уст, и не достойно вашего достоинства, не презрите, не отвергните, ибо мы

знаем, что не достойно превеликой вашей чести и достоинства от Бога.

Но и этих чад своих как родных примите, хотя бы из любви к молчанию и из милосердия отеческого! Не из-за грубости слов, но от сердец, которые превосходят слабости и любовь душ, слушая, помилуйте, наши мольбы и молитве, пусть и недостойные, поскольку нечисты страстями и , что богоугодно. Но, как отцы это от нас принимая и удостоив, Христу Царю и Богу всех принесите, мир и спасение нам вымолив у Него.

Знаем, что вы стыдитесь множества беззаконий наших, ибо отцы стыдятся бесчестия детей. Но пусть неисчислимое множество грехов их не ограничит вашего дерзновения к Богу. Грехи наши поделены между нами и потому вам ничто не запрещено. Ибо вашего прощения за нас Бог ожидает, и вашими молитвами украшается, как царь своих верных и любимых, чьи молитвы исполняет.

Вы нам первые показали Его, долготерпеливого и неспешного на гнев, и ожидающего преображения, и принимающего покаяние, и скорого на милость. Приидите ныне смело к Нему и, получив наше обещание, что мы зло прекратим, умиловьте Его, чтобы отложил гнев и отбросил ярость, и дал нам время преображения!

Испросите милость, поручитесь за нас покаянием нашим и исполняя дело, с которым мы к вам обратились, и как истинные нам явитесь! Помогите нам покаянием спастись!

И као отечестволюбцы, землю нашу, неприятелями не покус ную, в мире сохраните! От глада, смерти, бед, греха душеубийства и межусобных войн избавьте, и весь христоименитый народ свой от уничтожения погаными спасите молитвами ко Христу, как щитом, чтобы когда-либо сыны беззакония, укрепившись и действуя в гордыне, похваляясь, не сказали: „Где же Христос Бог их?“ (По: Пс. 79 (80), 10) А церкви ваши, которые вы для Господа воздвигли, неприступными для еретического прославления до конца сохраните!

Своей ветви род утвердите, чтобы среди нас благочестиво царствовал, и вымолите для него победу над вражескими народами; духовное стадо ваше, которое в святой своей ограде в пустыне собрали вы для Господа, от мысленных волков и от кровожадных людей сохраните нерассеянным и нерасхищенным, ни душой ни телом закланным, как пастыри добрые защитите его, да и меня сред них, хотя и с моими скверными делами, в коросте и лишаях.

Но чтобы нездоровье предотвратить, отцы милосердные, раны мои исцелите! Коль я из непослушности и своеволия охромел и отстал от стада, не презрите меня, не оставьте, чтобы до конца был добычей волков, но на плечи, беря пример с Бога, возьмите меня и в вашу ограду спасения внесите меня! И молитвами раны мои исцелив, к здоровым своим овцам приведите меня, дабы мы, ныне сохраненные, для тех, которые нас охраняют, заповеди ваши совместно сохранили!

И, вами хранимые, все сохранимся, и когда отсюда будем преставлены туда, где вы теперь в вечных селениях, вы нас примите! И если даже малую часть вашего пространства получим, хорошо знаем, что не ошибемся в надежде на то, чего ожидаем и этого удостоимся вашими молитвами, которых, кланяясь, просим!

Самому Иисусу Христу, Царю и Богу нашему, и с Ним вместе Отцу и Святому Духу, слава и безначальность, сила и могущество, ныне и всегда и во веки веков, аминь!

ЛИТЕРАТУРА:

Јовановић, Томислав. „Похвала светоме Симеону и светоме Сави Теодосија Хиландарца”. *Књижевна историја* V, 20 (1973): 703-778;

Розановъ, С. П. „Θεοδοσιевская редакция жития Саввы Сербскаго“. *Извѣстия отдѣлення русскаго языка и словесности Императорской Академии наукъ* XVI, кн. 1 (1911): 185-209.

Теодосије. *Службе, канони и Похвала*. Приредила Биљана Јовановић-Стипчевић, данашња језичка верзија Димитрије Богдановић, Биљана Јовановић-Стипчевић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1988. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 5, свеска 2).

Jagić, Vatroslav. „Kritički dodaci tekstu Života svetoga Simeona i svetoga Save“. *Starine JAZU* (Zagreb) V (1873): 19.

Novaković, S. „Teodosija mniha Hilandarca pohvala svetome Simeonu i Savi“. *Starine JAZU* (Zagreb) XI (1879): 164-180.

Силуан

СТИХИ ПЕРЕД СИНАКСАРСКИМИ ЖИТИЯМИ

Об этом писателе XIV века известно мало. Его имя узнано из последнего стиха перед синаксарским житием святого Саввы. В его стихах наличествует аллитерация, посредством которой выделяется согласный звук *с*. Помимо этих сочинений известны также его эпистолы. Стихи мы перевели по списку *Србляка* 1525 года, находящемуся в собрании Национальной библиотеки в Белграде, номер 18, в издании Любицы Штавлинин-Джорджевич.

Стихи перед синаксарским житием святого Симеона

Слову Саввы последовав, Симеоне,
славу Слова ты унаследовал светло там,
мирскую власть чудесно презрев, славный,
мироточивость вышеславно принял.

Стихи перед синаксарским житием святого Саввы

От славы бежав, славу нашел, Савво,
Там, откуда слава явился роду.
Рода свет вере свету презрев,
стога светило всему роду.
Ума в та почести высоту сверг,
и зато ума выше доброту постиг.
Слово славы Савве сплете Силуан.

ЛИТЕРАТУРА:

Из наше књижевности феудалној доба. Избор, редакција, превод и коментари Драгољуб Павловић и Радмила Маринковић. Предговор Драгољуб Павловић. Друго допуњено издање. Сарајево: „Свјетлост“, 1959. [Треће и четврто издање: Београд: Просвета, 1975. Библиотека Просвета, књига 102]

Јакобсон, Роман. „Структура двеју српскохрватских песама“. *Зборник за филологију и лингвистику Мајице српске IV-V (1961-1962):* 131-135.

Примери из старе српске књижевности. Од Григорија дијака до Гаврила Стефановића Веницковића. Саставио и приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Слово љубве 1975.

Стара српска поезија, записи и наћици, ареније. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Трифуновић, Ђорђе. *Крајак њрејед јујословенских књижевности средњега века.* Београд: Филолошки факултет, 1976 [четврто издање 1994]

Ђоровић, Владимир. „Силуан и Данило II, српски писци XIV-XV века“. *Глас Српске краљевске академије CXXXVI (1929):* 15-22.

Шести њисаца XIV века. Григорије Раишки, Јаков Серски, Силуан, Њејознаћи Свејтојорац, Монах Јефрем, Марко Пећки. Избор, данашња језичка верзија и редакција Димитрије Богдановић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1986. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 7)

Штављанин-Ђорђевић, Љубица, Мирослава Гроздановић-Пајић и Луција Цернић. *Ојис ћирилских рукојиса Народне библиотеке Србије, ѡм II.* Београд: Народна библиотека Србије, 1986.

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Инок Исаия

ЗАПИСЬ НА ПЕРЕВОДЕ ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

В *Житии инокa Исаии* неизвестного Святогорца содержится достаточно сведений об этом авторитетном сербском духовнике XIV века. Как монах, Исаия жил (подвизался) сначала в монастыре святого Иоакима Сарандапорского под горой Осогова, а затем перешел на Святую Гору в монастырь Хиландар. Князь Лазарь привлекал его, как авторитетного святогорца, к участию в переговорах относительно примирения Сербской и Греческой Церквей в 1375 году. Будучи отличным знатоком греческого языка, он занимался переводом весьма сложных произведений Псевдо-Дионисия Ареопагита. По собственному свидетельству, которое он оставил в записи на конце перевода, эту работу он начал в добрые времена, а завершил в „наихудшие из всех лихих времен“, которые настали после Марицкой битвы. Запись переведена со списка конца XV века, из собрания Музея Румянцева, сейчас – Государственной библиотеки в Москве, номер 93, на основании издания Бони Ангелова.

Запись о Марицкой битве

Поскольку многие во многие времена и годы и в различных местах находились в славянском нашем народе переводчики божественных сочинений со многопремудрого и художественного и весьма драгоценного эллинского языка на наш язык, чьи имена не только людям известны, но, более того, и в книги живых Богом записаны, после них и спустя годы и по воспитанию и по свойству умности эллинского языка, и более по добрым делам, и в вечер солнечного дня, на закате седьмого, да скажу, века и

окончания моей жизни, и мне довелось научиться немного греческому языку, настолько, что могу разумеать драгоценность его и трудность перевода с него на наш язык. Ибо греческий язык, во-первых, от Бога прежде способен и распространен был, а во-вторых, со временем и разными любителями мудрости усовершенствован был. А наш славянский язык от Бога добро сотворен был, ибо все, что сотворил Бог, весьма добро есть, но тот, кто лишен любви в учении честолюбивых слов, не удостоится искусности мужей. И хоть сколько бы, значит, научился от него, не хотел коснуться вещей через себя, то есть переводить с греческого языка на наш, по сказанному: выше себя не ищи и глубже себя не испытывай, боясь и того, как пострадали и в Ветхом и в Новом заветах те, кто дерзал свободно, посмел касаться божественного.

Но, все же, божественным этим мужем, то есть преосвященным митрополитом богоспасаемого града Сера, кир Феодосием пречестным, принужден был к переводу. И было достойно, думаю, повиноваться без размышления такому мужу, который от ангелов, по великому Дионисию, посвящение принял. Ибо этот, значит, воистину Божий человек, как никто иной, жизнь имел, так что его приятно слушать, а спасительно и полезно подражать ему. Он не только язык в научении имел полезный для слушателей, но и жизнь весьма полезную для подражателей. А прежде всего я должен правду сказать: насколько язык несравненный он имел когда говорил, настолько и жизнь недостижимую когда трудился, ибо всюду и всегда, по апостолу, тем, что оставлял после себя, он к делам и взглядам, располагающимся впереди, устремлялся. И такой имел свет честолюбия и любви к учению и мудрости заодно с милосерием, что среди многих не было иных таких. И так этот блаженный это и немало иного делал и к угождению Богу прилагал и многих этими своими делами научал.

А я же не дерзал и, тем паче, на силу своего слова и ума не полагался, нет, но к этому, как сказал, принужден

был, и на его богоумолительные и святые молитвы уповая, начал и перевел святого Дионисия Ареопагита при помощи и эксоде или откупе этого святого для меня владыки и заступника. И иное прежде этого перевел, а после этого сколько дает всемилостивый Бог святыми Его молитвами. Боюсь сказать, что я перевел святого Дионисия. Если его и перевел, считая недостижимой, большой высоту богословия и исключительную премудрость святого, топь моих грехов хорошо знал.

А книгу эту святого Дионисия, говорю, в добрые времена, значит, начал, когда божественные церкви и Святая Гора, раю подобные, расцветали, как некий сад возле источника, всегда напоенный, а завершил ее в наихудшие из всех лихих времен, когда разгневали Бога христиане западных стран. И поднял деспот Углеша все сербское и греческое войско и брата своего Вукашина короля и других многих вельмож, где-то до шестидесяти тысяч отборного войска. И пошли в Македонию на изгнание Турок, не рассудив, что гневу Божиему никто не может противостоять. Их, значит, не прогнали, но сами ими побиты были, и там кости их пали, и непогребенными остались, и весьма великое множество одних от острия меча смерть приняло, а другие в рабство уведены были, а некоторые из них, бежав, пришли. И такое несчастье и лихо лютое залило города и страны западные, какого ни уши не слышали, ни глаза не видели.

После гибели мужа этого храброго, деспота Углеши, рассыпались Измаильтяне и полетели по своей земле, как птицы по воздуху, и некоторых христиан мечами посекали, других в рабство увели, остальных смерть преждевременная пожала, а которые смерти избежали, от голода пострадали, ибо такой голод был по всем странам, какого не было от сотворения мира, да и потом, Христе милостивый, [не дай] чтобы был. А кого голод не погубил, их попущением Божиим волки ночью и днем ели, нападая. Увы, печальная картина была видна! Осталась земля безо

всех благ, пуста: и без людей, и скота и иных плодов. Ибо не было ни князя, ни вождя, ни наставника у народа, ни избавителя, ни спасителя, но все исполнилось страхом измаильтянским, и сердца храбрые геройских мужей в женские сердца наислабейшие превратились, ибо в то время, думаю, и сербских господ седьмому роду конец пришел. И воистину тогда живые величали ранее умерших. И поверьте мне, не я, невежественный во всем, но и тот премудрый среди Эллинов Ливаний не мог бы писанием отразить несчастье, которое охватило христиан западных стран.

А тех, кто будет переписывать и читать эту книгу, прошу, милостивы и без осуждения будьте к немощности и недостатку моего ума, ибо и вы сами люди и подлежите людскому, что вам требуется милость от Бога и прощение от людей, так что и меня прощения своего удостоьте, испрашивая у Бога прощения грехов из-за бездн моего несчастья.

И имя меж иноков меня убогого если хочешь узнать, начало тому есть восьмое число, середина двести и первое, а конец десяткой с единицей завершается [ИСАИА]. А тогда шел год шесть тысяч восемь сотен семьдесят девятый [1371], индикт девятый. Богу, давшему и изволившему, чтобы это было начато и завершено, слава, честь и поклонение в бесконечные века. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Ангелов, Боню Ст. *Из старата българска, руска и сръбска литература*, II. София: Българска академија на науките, 1967.

Дучић, Нићифор. „Старине хиландарске“. *Гласник Српској ученој друштва* 56 (1884): 63-71.

Мошин, В. „Житіе старца Исаіи Русскаго монастыря на Афоне“. У *Сборник Русскаго общества въ Королевствѣ Югославіи*. Том 3, 125-167. Бѣлград: Русскаго Археологическо Общество, 1940.

Станчев, К. „Ареопагитският корпус в превода на Исаяя Серски. Археографски бележки“. *Археографски прилози* 3 (1981): 145-152.

Стара српска поезија, зајиси и најијиси, ареніе. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Трифунковић, Ђорђе. „Естетичка расправа Псеудо-Дионисија Ареопагита у преводу инока Исaiје“. *Зборник за ликовне уметности* 18 (1982): 153-169.

Трифунковић, Ђорђе. „Зборници са делима Псеудо-Дионисија Ареопагита у преводу инока Исaiје“. *Cyrrilomethodianum* (Thessalonique) V (1981): 166-171.

Трифунковић, Ђорђе. *Крајак прејед јујословенских књижевности средњега века*. Београд: Филолошки факултет, 1976. [четврто издање 1994].

Трифунковић, Ђорђе. *Писац и преводилац инок Исaiја*. Крушевац: Багдала 1980.

Purković, Miodrag A. „Der Vater des Starez Isaías“. *Byzantinische Zeitschrift* (München) XLIV, 1-2 (1951): 461-462.

Radojičić, Đorđe. „U dobra vremena počeh, a svrših u najgora od svih zlih vremena“. Inok Isaija. *Delo* V, 12 (1958): 1593-1597.

Патриарх Даниил III (Баньский, Младший)

СЛОВО О СВЯТОМ КНЯЗЕ ЛАЗАРЕ

Это свое *Слово* Даниил написал вскоре после переноса Лазарева тела из Приштины в Раваницу, под конец 1392 или в начале 1393 года. Наряду с достаточно подробными сведениями о жизни и мученичестве Лазаря, произведение содержит и развитый эпизод, в который последовательно риторически вставлена похвала. Хотя и являлся очевидцем переноса Лазаревых мощей, Даниил свое присутствие нигде не выделяет. Произведение переведено на основании списка XVI века в рукописи библиотеки Патриархии, номер 68, по изданию Владимира Чоровича.

Слово о блаженном и приснопоминаемом князе Лазаре,
и о православных, коих с ним убили нечестивые Турки,
и частью о воспоминании о его жизни, и о мученичестве
его и о переносе мощей

Благослови, отче!

Все, значит, мученические подвиги прославлены и чудесно мученичество праведных на все страны. Усталого путника охлаждают придорожные сени и принимают изнемогших от утраты сил в пути, как это и с нами, пока мы в этой жизни ходим некими путями. А пути этого [князя Лазаря] это великое мученичество. И даровал он нам повсюду м^увенные сени, не столько, чтобы охладились мы от жизненных, но и от душевных трудов. Ибо молитвенная сень напитками слаще меда – дивными повестями святых мужей, успокаивает. И те, кто на многонепечальному пути ходили, нашли покой на раз^ных постелях.

Ибо если грешным войдешь в сень покаяния, Господь тебя введет в вечные сени. Если обременен будешь богатством и заботами сего мира, сразу с тебя апостол бремя сбросит, говоря: „Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него“ (1 Тим. 6, 7) И если придешь подавленный бедами, стань на молитву, как будто встаешь с мягкой постели. Для каждого Христос – отличный гостеприимец и делатель становится для каждого в спасении, так как заботится о человеческой жизни, как своего дома хозяин Он есть [человечьего] дома, каждому отдает честь по подвигу, ибо Сам сказал: „Ибо Я прославлю прославляющих Меня“ (1 Цар. 2, 30) и „если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною“ (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34). Поэтому многие иноки и миряне пошли за Ним и поныне за Ним следуют. Их жизнь на небесах. Вспоминая их, мы свои чувства весьма услаждаем. Представленные вам мучения (страдания) бль и смерть за Христа одного из них, немалыми чудесами вас исполнят.

Потому вас подведу к воспоминаниям и страданиям триблаженного и великого князя Лазаря. Ибо если многие и великие повести едва могут подвигнуть на исправление жизни, нам предоставляется слово на пользу ради прочтения, а не ради похвалы этому мужу, потому что блаженный исполняется небесным и ангельскими похвалами. Зачем бы я желал еще похвалу от нас нечистых, имеющих страстям подверженные и слово, и ум? Так чтобы блаженному не было большей досады, если бы я осмелился на это, то просто о нем начинаю повесть.

Итак, этот блаженный муж был сыном благородных и благочестивых родителей. И в День божественного крещения святого и праведного Лазаря, друга Христова, родители ему дали то же имя. Затем в добром родительском воспитании он возрастал и мужал. Поспешествованный Духом Святым шел к добродетелям. Когда достиг должного возраста, был отдан тогда правившему царю Стефану

в служение. Из-за кротости и благого нрава, и его добродетелей и храбрости царь ему предоставил достоинство и поставил его первым во дворце своем. Затем по наказу царя соединил его с подругой, царской родственницей, дочерью некоего вельможи. И она была рода светлого и славного, и особого и царского корня, из племени святого Симеона, первого господаря Сербов. И стал [Лазарь] отцом сыновей и дочерей. Это, значит, досюда.

Мы должны усердно двинуться и попросить, а потому и, как подобает, Бога на помощь себе призовем, ибо побег нужно искать от корня, дабы могли мы достоверно о нем говорить. Об этом, значит, вышеназванном храбром муже предстоит нам Слово.

Был он из великих и славных, происходивших от властителей сербских и поморских земель, великих и благочестивых, то есть королей и царей, которые тогда прежде всего владели всеми сербскими и греческими и поморскими землями. Великий и сильный царь Стефан, то есть первый и последний [царь], которому отечество оказалось малым, в благочестии и храбром мужестве прожил.

Этого же, ранеепомянутого князя Лазаря родителем был великий слуга царев Прибац, великому этому царю Стефану ближайший по усердию и любви, по телесному возрасту и доброму нраву, так что казалось, будто они одно, или, лучше сказать, по узам любви были как бы одна душа в двух телах.

А великий князь Лазарь с детства для многих являлся украшен всякими добродетелями, благого нрава, велеумен, кроток, мужествен, во всем храбрость показывавший. Видя то, что юноша всеми исключительными достоинствами всех превосходит, великий царь Стефан восхищался и удивлялся, помышляя очень, что с юношей будет. И провидел Богом данным разумом своим. А тот день ото дня в добродетелях продвигался, любовь к любви ему прилагая. Однажды, целому собранию, сановникам и вельможам, сидевшим вокруг него, царь сказал:

„Да будет вам известно, сильные и достойные, что этот юноша для нас кем-то великим будет и правителем сербских земель“.

Так, как близкого сына своего принимая, не отделял его от царских людей. И часто его добрым обычаям научал, и близ себя, как душу с телом, держал. Затем обручил его с близкой, как дочь, сродницей, которая происходит от их корня, дочерью великого князя Вратка, и украсил его высоким чином вельможным. И земли ему довольно выделил и богатством и почетом одарил, и во всем, о чем можно помыслить, поспособствовал ему.

Поэтому, любимые, посмотрите и послушайте это, ибо слово о добродетелях способно многим понравиться, и к ревности души управить, и к лучшей жизни повернуть, и полезное нечто самим принести и благой пользой обогатиться. Это, вот, столько.

А великий князь Лазарь видел себя самодержцем сербских земель, и как некогда после великого Моисея Иисус Навин стал наследником и начальником еврейского народа, так и этот после великих и благочестивых королей и царей, назвался наследником и властителем всех Сербов. Так Бог изволил, и он насколько чинами по службе продвигался, настолько же возрастал в добродетелях и всех добрых обычаях. Он, значит, основательно проявлял себя в благочестии, богобоязненности, нищелюбии, преукрашен мужеством, храбрым оказался во всем, справедливостью и верой украшен, милостью и милосердием к сиротам наклонен. Храмы божественные воздвигал повсюду, горы и холмы были наполнены новособранными монашескими общинами, которые и всякой безмятежностью к Богу приобщались. Наиболее пришло на поприще подвига тех, которые в общежительности непрестанно в молитвах и бдениях всенощных пребывали, как и в постоянном прославлении Бога. Для них он многократно был попечителем и кормильцем. Частыми и горячими молитвами о его питались и ободрялись. День

ото дня обогащались добрыми плодами. Этот муж так выделялся. Неоскудевающий щедродатель, длинные руки свои протянув, никогда монастырь на Святой Горе Афонской, пребывавший в неизбежных нуждах, не оставлял без даров и изобильной поддержки. Если бы я в повести начал описывать каждое достоинство этого мужа, время бы затянулось, а нужно нам еще больше поспешать и Слово привести.

Он от основания построил монастырь, названный Раваница, а прекрасную церковь водвиг во имя Вознесения Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Кто сразу опишет столь прекрасный и предивный вид этого монастыря? Божественную церковь прекрасным мрамором украшены, а серебром и золотом божественные иконы написаны. Не только иконы, но и стены золотом он расписал. Башни скрепил плотными прочными стенами и всякими ограждениями, каких нигде не было. А о трапезной и иных кельях всего монастыря, структуре и созданных красотах невозможно и рассказать.

Не умолчу, чтобы не описать трудолюбивый духовный венец этих братств будущим подвижникам, которые отбросили свою волю, как постыдную одежду, включились в борьбу общежителства, ничего своего не имея, кроме тела и, его скудным рубищем покрывая, с Давидом говоря: „Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!“ (Пс. 132, 1). Такой союз братства и любви и усердия наблюдается, как будто одна душа была во всех телах. Так жил в изобилии и возрастал в духовных делах и вышеупомянутый монастырь. А насчет его обеспечения и доходах и всего, что для неизбежных потреб к добру, преизобилие и преумножено, осмеливаюсь сказать, что нигде такого не было. Здесь не только одаривался сирий и убогий, славный и неславный, но богато и обильно все вместе. К каждому относились ласково и милосердно, так что прославился он и в дальних землях за добро и исключительную жизнь и щедрое одаривание.

Такими красотами, такими украшениями сияла Сербская земля. Но зависть и это не оставила, что бы было и по апостолу. Бездну великую сосудов твоих, Христе, кто измерит? О, глубины богатства и премудрости и разума Божиего! Сколь неиспытаны сосуды Его и непостижимы пути Его! Кто же исследует всю глубину Божией премудрости? Ежели и то, что он пострадал, принимается так, как и все другие блага от Бога – что мученик, как золото, испытывается, тогда радостным уйдет в вечные обители и исполнит свои добрые намерения. Дьявол, ненавидящий добро, неистовствующий, отпавший добровольно без принуждения от Создателя своего, обернулся в зависть к людям, которые божественного образа удостоены и богоразумом просвещены, и против них повел борьбу, дабы погубить тех, кто благочестиво всестарательно живет во Христе, повел и вооружил и ангелов, говоривших: „Вот, рука его на всех, и рука всех пусть будет на нем!“

Так и начальник Измаильтян, званный Мурат, повел на не ожидавших того борьбу, чтобы показать себя храбрым в сражении, примером отваги, чтобы увенчать себя достойнопобедным венцом. Потому он принадлежит к достоинству отпавших, а этот (Лазарь) исполнен ангельским, то есть благим достоинством и славой. А тот Мурат, которого ранее мы упомянули, восстал и воевал и захватил все греческие земли. И все подчинил, немало восточных земель, как и тех, что находятся к западу. И многих царей и самодержцев победил и под свою руку покорил. И впавши в безчестие и гордыню, впал в болезнь самонадеянности, воображая, что он – Александр Македонский, и как тот некогда все восточное и персидские и индийские страны захватил и покорил, или как персидский царь Ксеркс, двинулся на Элладу с безчисленной силой, и море возмутил, и Афинян вынудил к известному и безумному, по морю пешком, а по материку кораблями поход свой исполнил.

Так и тот устремился, как свирепый лев, с великой силой и превосходством, собрав все войска восточных и западных стран. Когда собрал безчисленное и неописуемое множество и народы многие к себе на помощь призвал, приблизился к сербским землям. А благочестивый и славный князь Лазарь, узнав о свирепом нашествии того (врага) гордого и надменного, прежде всего Бога из глубины сердца на помощь себе призвал:

„Боже, – сказал, – законопреступники восстали на меня, и собором сильным затребовали душу мою, и ненавистью несправедливой возненавидели нас, и мечи извлекли и натянули луки свои, пострелять и заколоть и умертвить нас, а ты, Господи, не остави нас, но нам помоги! И да войдет меч их в сердца их, и луки их да поломаются, да разумеют, что Ты – Бог, Единственный Творец преславных чудес“.

Тогда послал за благородными своими, вельможами и воеводами, и ратниками, большими и малыми. Призвав их к себе, сказал им об этом безчисленном иноплеменном нашествии. После того как настала тишина, тихими и ласковыми словам всем вместе, чтобы слышали, изрек:

„Вы, о друзья и братья, вельможи и благородные, ратники, воеводы, большие да и малые, сами вы свидетели и очевидцы, сколько нам благ Бог в жизни этой даровал, и ничего прекрасного и милого на свете этом, славы и богатства и всего, что людям надобно, не лишил нас, но еще весьма умножил, то если для нас что-то неприятно и пребольно будет, да не будем мы Богу неблагодарны и неблагодарны
за это,

но если и меч, если и раны, если и множество
смертей случится нам,
приятно за Христа и благочестие отечества
нашего да примем.

Лучше для нас смерть в подвиге,
нежели жизнь с позором,
лучше нам в бою от меча кончину принять,
нежели спины врагам нашим показать.
Много прожили мы на свете,
постараемся тогда вскорости
подвиг мученический выдержать.
Дабы жить вечно на небесах,
назовемся воинами Христовыми,
как мученики за благочестие,
дабы вписаны были в книги жизни.
Не пощадим тела наши в борьбе,
дабы от Подвигоположника светлые венцы принять.
Лучшие рождают славу,
а трудности посредствуют смирению.

Высказав своим и иное, вооружил их так словами,
приготовил многих мучеников на подвиг. А славные и
мужественные и благородные, которых дала и взрастила
Сербская земля как прекрасные ростки и отборные кедр
ливанские, вот как дорогому и премилому своему власти-
телю отвечали:

„Мы, властитель наш,
с тех пор как общей природой
от отца и матери рождены были,
Бога и тебя узнали.
Бог нас поднял, а ты воспитал,
как чад вскормил и как сыновей миловал,
и как братьев возлюбил и как друзей почитал.
Славы и богатств и всех красот мира,
которые благополучие составляют,

мы общниками и обладателями были,
а также и веселья и радости вместе с делами ратными,
да и наслаждения пищей и богатыми трапезами.
А любовь и почести, все обильно од тебя приняли,
дабы сто[] за тебя и за благочестие[] за отечество
умереть.

Не пощадим себя,
Зная, что должны после этого уйти
и с прахом перемешаться.
Умрем, дабы всегда живым быть,
принесем Богу себя, живую жертву,
не как прежде краткотекущим
и обманным угощением для наслаждения нашего,
но в подвиге крови своей.
Не пощадим жизней наших
дабы живописным примером[] после этого другим
быть,

не боимся опасности, которая нас найдет,
ни устремлений нечестивых врагов,
напавших на нас.
Если же о страхе и утратах будем думать,
не удостоимся благ,
если бы мы о неких суетных прегрешениях
помышляли,
ничего бы из честных подвигов не осуществилось.
Мы с Измаильтянами бороться должны,
если и меч голову, и копье ребра, и смерть жизнь
отнимут,
мы с неприятелями бороться должны.
Мы, о содруги и совоины,
перенимаем укор воинов, некогда бывших рядом
с Христом,

чтобы Христом мы прославились.
Мы одной природы человеческой,
Склонной к страстям,
и один гроб пусть нам будет,

и одно поле тела наши с костями пусть примет,
чтобы нас эдемские светлые селения приняли“.

Так они один перед другим изъяснялись, предусмотрительно, как богатства перед грабителями. И так все вместе причастились святых и божественных пречистых таин.

„Боже, – говорили, – в руки Твои души наши предаем!“

Так удостоился благочестивый и благоверный князь Лазарь пречестных и божественных святых таин. И, оза-ришись Духом Святым и весь вне мира и себя будучи, разнежился душою. Подобно Иеремии, горько плакал он ночью, и слезы его на ланитах его были. И он, огорчившись в себе, пал на лице свое и одинаковым с землей стал, землею будучи и помышляя о своем возвращении снова в землю. Стенанием из глубины сердца и сокрушенною душою, с горячим покаянием, горькими слезами плача и рыдая, так Богу молился:

„Владыко Иисусе Христе,
превечный Царю и незлобивый Господи,
прими меня, падающего на колени
и много согрешившего!
Тебе единому согрешил
и лукавое перед Тобою сотворил.
Прославь на мне грешном милость Свою
и покажи доброты Своей силу.
Я – Твое создание,
и Тебе привержен от утробы матери моей.
И Ты помощник мне крепкий.
Не вступи в суд со слугою Своим.
Знаю, что явно представишь грехи мои пред Собою
и на словах разберешься со мною,
что это такое со мною.
Господи, согрешил перед небом и перед Тобою,
и не достоин посмотреть на высоту славы Твоей.

Разгневал я Тебя и раздражил и согрешил весьма,
более числа безчисленных звезд и песка морского,
но на Твое безмерное милосердие уповаю
и на множество Твоего милосердия взираю.
И прошу Твоего хотя бы наименьшего милосердия,
прими мое грешное покаяние
и прости мне все, в чем Тебе согрешил.
Кланяюсь, как некогда Манасия,
который Тебе много согрешил,
и как разбойник и блудница и мытарь.
Прими мое рыдание и слезы,
как некогда Иезекии,
угодника Твоего, плакавшего,
когда ему исполнилось пятнадцать лет жизни.
Так же и кланяюсь и молю,
Всемиловитый Преподобный Царю,
чтобы меня от уз с веком этим нынешним
от жизни Ты разрешил
и чтобы в подвиге, осуществленном кровью своею,
в Тебе я скончался, Христе Боже мой,
и мученических страданий венцом славы Твоей
увенчаться удостоился,
для чего мне, Всеблагий Господи мой,
нет часа более подходящего, чем этот, принять .
А нынешнее время это труда и подвига
в малом этом и смертном и временном должно
завершиться.
Блага те в Царствии Твоем непреходящи
и в бессмертной жизни
будущему веку сохранил Ты
для тех, кто с Тобой будет соцарствовать
и прославляться.
И меня недостойного из превеликой милости Твоей
не лиши, Владыко Господи,
но меня удостой благ Своих“.

Видишь ли, душе моя, искренний ум, ибо прекрасно был он уверен в Божием промысле. Не просил Владыку непрестанно о будущем, что многие из людей делают. Но как те, которые к Богу всегда обращаются и на Него все-го себя полагают, от лютых телесных бед разрешения там ищут, ибо знают ясно, каково есть человеческое, если будут с собою нести то, что передала жизнь, а ведь немощь противна человеческой природе даже тогда, когда бы не было ничего иного кроме видимого телесной внешности.

Так и он, доброе время найдя, что лучше его не было, в молитве к Богу прибег. Ибо ежели некто с пристойной природой и постоянным разумом и исключительной жизнью к молитве Богу с покаянием и со смирением от всей души приступает, то готовым является услышать Его, как через пророка Исаию говорит: „Придите – и рассудим, – говорит Господь. – Если будут грехи ваши как багряное – как снег убелю; если будут красны, как пурпур – как вóлну убелю“ (Ис. 1, 18) А песнопевец Давид об этом сообщает: „Блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты! Блажен человек, которому Господь не вменит греха“ (Пс. 31 (32), 1-2). А никого нет без греха, хотя бы и один день од рождения был он в жизни, кроме Единственного, пришедшего грешников спасти. А если Бог истребит согрешения и со здравием ему красоту дарует и как сонаследника его к Себе примет, то Божией воле кто воспротивится? Бог прощает. Кто осудит? Бог дает и обогащает. Кто обнажить сможет? Судия помогает. А кто обвинитель? Ежели с высокомерием и унижением говорят против праведного, пусть устыдятся.

Видите ли, возлюбленные, как он осмотрительностью своей и по делам добрым и милосердием Божиим надежду на спасение обрел? Ибо добрые дела существуют для упования, награды и венца, то есть во Христа вера. Смотри, чтобы промысление Божие в нынешней жизни получить, и познанием ее ты удивишь мысли многих. А, к тому же, все блага в будущем веке, как великий Павел ска-

зал: „Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его“ (1 Кор. 2, 9), ведь Господь нашей любви желает и все делает для нас, что бы имели смелость по отношению к Нему. И когда нас видят, как мы сами усердно к Нему прибегаем, тогда к нам еще больше поворачивается, как пророк сказал: „Ведь Бог приближающийся это я сам, а не Бог вдалеке“. Он всегда близко, ибо милость Божия на каждого излита, и кому нужна, со всем усердием и поспешением ее удостоивается, а к тому же всем помилование нужно, и того, кто творит дела, достойные милости, его милует достойно той милости. Потому и Моисею говорил: „И кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею“ (Исх. 33, 19).

А этого посвятив на царство, посвятил его и туда, где мечи обнажились, а в сражении взаимном как на лобном месте оказались. Явилось пролитие крови, и как река она потекла, а тела их как снопы разбросанные лежали. Тогда воистину посечены они были, как стволы древ финиковых, как отборные кедры ливанские, как побеги благородные, как лилии полевые благоуханные. И возвел их на гору наследия Своего. А благочестивые порубленные и закланные как живая жертва и оживленная приносились. Как из небытия в бытие всестрадально убиенные переселялись. Ибо пострадали не только благочестивые, но страдали и нечестивые. Вместе были честный с нечестивым, но ему мучения засчитывались в примерность и испытание, а нечестивому – в раны и терзание. Оттого они в царство безконечное, и он в радость невыразимую, а те во тьму наибольшую. Так эти благочестием укреплялись, богоразумием утверждались, крещением просвещались, правдой освещались, всякой добродетелью украшались, а те безчестием и безумием и умерщвлением и всяким злом управлялись. „Память праведника пребудет благословенна, а имя нечестивых омерзет“ (Притч 10, 7), ибо дела праведника – это жизнь, а плоды безверно грехи.

Поэтому мы никак не смеем умолчать об этих исключительных мужах, достойных похвалы, которые мужеской храбростью в битве удостоились почести, исполнившись всею славою и похвалами. О них думаем, составляя *Слово*, ибо от этих подвигов и борений, почести от победы исторгнув, устремились к мученичества венцу и победы достигли и получили ее, и на небесах и на земле прославились. Поэтому обходя упоминания о чудесах, заслужены и словами быть похвалены, ибо хорошо, что награда будет и слава им словами будет вознесена, а дела их сами по себе будут славные, и те, кто будут подражать им, прославятся, ибо слава прославляет освящение хваленых, а кто слушает о добродетелях, пусть встанут на подвиги, равные их подвигу, и к благочестивой жизни поднимутся и в мужестве подвижникам помогают.

Опять *Слово* да вернется к битве. Когда обе стороны изнемогли и битва прекратилась и неисчислимое множество одних и других погибло, имею в виду Сербов и противников их, и по Косову полю лежали, вышепомянутый Мурат мечом получил рану в сердце и напрасно душу свою испустил.

А в победе прославленный и ревнитель любви Божией, новый мученик князь Лазарь, по шее мечом был посечен, блаженную кончину приняв. Его тело, взяв из ближнего града называемого Приштина, перенесли в Божию церковь Вознесения Христова, где его христиане честно погребли. Приидем же ныне к прославленному и приснопоминаемому, блаженному и новому Христову мученику князю Лазарю, дабы его похвальными и сугубыми венцами прославить; и к его сожительнице, ибо хорошо и праведно и достойно есть, да и ее похвалим, чтобы пучиною забвения не были покрыты прекрасные блага. Чтобы еще яснее и разумно слова высказали, что полезное узаконивается и подобное тому открывается и насколько возможно подвигается, а не бесплодность и леность, о тех ж, кто не может постичь из-за расслабленности, не стоит беспокоиться.

А она была от славных и первых, то есть происходила от корня святого Немани, была дочерью славного и мудрого великого князя Вратка, по имени и по делам Милица, ни в чем не отставая от благой природы супруга своего и благими достоинствами украшена, славна, мужеумна, лостива, милосердна, смиренна и всяким добрым свойством исполнена. Родилось у них два сына, славный Стефан и Вук, и пять дочерей. А о них у нас слово впереди пойдет.

Когда минул год и честное тело провело в граде Приштине хранимое в объятиях земли, мы стали свидетелями той благодати, о которой молва пошла как исполнении воли Всеведущего, ибо от доброго дерева сладкий плод узнается. Тогда, значит, мудрый Стефан с братом своим Вуком, к госпоже и матери своей приступив, благочестивое прошение и мольбу изложили так:

„О мати, недобро и не в порядке, а от Бога и от людей зазорно, что господин и отец наш вне приготовленного ему покоища лежит, а он же сам от оснований воздвиг пречестной монастырь и твердо завещал, чтобы его честные мощи в нем положили“.

А благочестивая княгиня, мать их, словам мудрым удивившись, да еще и растрогавшись, словом и делом споспешествовала. И сразу послала по всеосвященный лик и богоносный сабор, то есть по митрополитов, как и епископов и честных игуменов и благородных, чтобы перенесли святые и честные мощи доброго победного и нового мученика князя Лазара и отнесли их в его задушбину, которую он сам приготовил, в вечное его пристанище, как это выше написано.

А затем взята была царская багряница и все, что для изымания из земных недр и для достойного приготовления честного тела. И когда святые службы окончились в помяновение его, всего в целости и сохранности в ковчег положили.

Возвратившись на свой путь, хотели бы мы коснуться хваления этого. Если же хоть несколько и духовно

наше плетение, к тому мы располагались, но это не моего ума замысел, а их благих дел действие. Похвалы для них к ним приносим, чтобы всеми добрыми повествованиями для всех и всегда они похвалились. А наше слово о нем.

Тогда в мужестве храбрый и славный и благочестивый Вук был зятем этого великого князя Лазаря, женатыи на первой дочери его Марии. Происходя от славных и великих, он был от Неманиного племени, сын Бранка севастократора, а внук Младена. Выделив и ему достаточно земли, прежде всего ему приобщили большие города при разделе владений. На встречу честных мощей он вышел с супругой своей и со всеми благородными своими. Великий плач и рыдание учинив и достаточно там проведши, возвратился. И в град Брвеник прибыли и там именовали в новую женскую обитель ближний монастырь, который его сестра и сыновья его сестры от оснований воздвигли. И прекрасную божественную церковь построили во имя Входа Всепрославленной Владычицы в Святыню святынь. И там святые и честные мощи его положили, чтобы почивали, где родная сестра его с сыновьями своими, то есть пресладким Стефаном и Лазарем, положены были.

Стих: О мати, Феодосии прими сыновей и брата с другой матерью, землей!

Стих: Души ваши приняты в руки Божии со праведными.

Затем были подняты честные мощи и понесены на определенное место. А благочестивая и славная княгиня Милица с любимыми сыновьями своими и со всеми благородными навстречу вышла и когда была совсем близ мощей новомученика, на них пала и обняла их. И в обмерлости была, как полумертвая. И как-то воспрянув, као из сна глубокого, с причитанием сильным плача возопила,

„Увы мне, что со мною было?

Внезапно жестокий меч прошел сквозь душу мою.

Это ли подобное как Иереми, что меня постигло?

Слышите, как вздыхаю, как печалюсь,
и нет мне утешителя.
Девицы мои и юноши мои ушли в рабство.
Осиротил меня меч, как смерть в доме,
и все враги мои дознались о бедах моих
и возрадовались.

Это ли приняла я безнадежно?
Это ли я встретила под достоинством
и лишилась супружества
и милого моего любимого господина князя,
со светлыми и мужественными и храбрыми
воинами?

Заплачьте со мной, поля и долины,
этим телам соучастниками вы были!
Зарыдайте и затужите, матери любимые дети,
жёны в победе прославленных мужей,
сродники возлюбленные мои, тогда!“
А красноречивый и прославленный мужественный
князь Лазарь ей так будто ответил:

„Не надо однако быть заплаканной,
Не надо однако печальной из-за меня быть,
Не надо быть очень радостной и благодарной,
я ведь с более сильным вел битву и победил
и смертной раной утихомирил его,
что не силен он, показал.
Лучше мне была похвальная смерть,
Нежели в позоре жизнь.
Хоть и в челюсть и в голову от меча
из-за благочестия пострадал я,
но мужественным явился
и к мученикам причислился.
Видел я битвы внизу,
а удостоился горних почестей.
Видел мечи,
а помышлял о горних венцах.
Ожидал смерть,

а о бессмертии помышлял.
Подвига преодоления достаточно мне было для
утешения.
Не надо поэтому в такую тпечаль ввергать себя
из-за меня,
а останься в скорби непоколебимой
и великодушной,
и поскольку так внешне выглядят вещи,
ты познаешь пределы природы.
А так как ты погрузилась в печаль,
то забыла законы природы.
Привыкни говорить:
Праведен Ты, Господи,
и праведна судьба Твоя.
Как изволится Господу,
так и будет.
Не считай за кару Божию судьбину,
но если и внутри будешь печальна,
великодушность покажи,
ибо для того является промыслительно сила Божия,
с которой все храбро сносят предстоящее,
ибо если кто в малом сохраняется как человек,
увенчивается светло как боголюбивый“.
Ответ. А ему благоразумная говорит:
„Не могу, господарь мой,
не плакать и не рыдать,
ибо законы природы разделяются,
и великие боли пламень зажигают,
и душу мою опаляют
и утробу мою терзают“.

А все, кто это слышал, криками, голошениями и воплями непрерывными всю местность ту заполнили. И множество благородного народа причитало и отовсюду раздавались плач и рыдания неутешные. От боли и воздыханий сердца будто львы когтями из глубины утробу

вырывали. Сыновья отца звали, слуги властителя. Все вместе страдали и сострадалиествовали. Переносили это как юродивые.

Затем священное собрание священных мужей, митрополиты и епископы с честными игуменами и со всеми благородными, совместно малые с большими, преобратили скорбь в радость и в благодарение и пение. Со псалмами и песнопениями честное и святое тело понесли и занесли в монастырь, который он сам от оснований создал.

А честные священники и все общежительное братство отовсюду стекались ему навстречу. С ярко горящими свечами и благоуханными лампадами выходили, и надгробные песни пели, и как некое Богом дарованное им сокровище с несказанной радостью приняли, и в пречестной церкви Вознесения Господня на светлом и честном месте честную раку устроили, и с великой почестью славно и честно положили, а псалмами и песнопениями непрестанно славили Бога.

Великое празднование в помяние его совершили, а все священное собрание преподобных иноков и благородных одарили. И когда сирот достаточно одарили, каждый ушел в свой дом, благодаря Бога, а наиболее за то, что принял освящение. А нужно, о возлюбленные, чтобы это мы не обходили молчанием, чтобы не оставалось непомынутым бывшее прежде пока пройдет немалое количество лет. Чтобы, замолчав, оскорбили мы мужественное страдание и великодушное терпение тех, кто явил себя крепким душою в подвигах. А испытания сил, которые их к нам привели и которые до этого, как мы сказали, постигли Сербскую землю, были тяжело переносимы, ибо всюду двинулся и мощным напором прорывался. только Измаильтяне, но и из угорских земель со многими хозяевама неисчислимыми силами двинулись и ее запустению и рабству безграничному и разорению предали. И виделось, как одних уводят, других нещадно мучают, некоторых мечом рассекают, а множество кровь проливает.

Здесь навилу была скорбь, беда, плач и рыдание всюду неутешное, подобно тому, как Иеремия плакал и горевал по Иерусалиму, а многочисленные враги били его по голове, оскорбляя. И отнята у дочерей Сиона вся красота. Князи его ходили в силе перед лицом скорбящего.

Когда благочестивая княгиня с сыном своим Стефаном увидела это, себя и Сербскую землю, которая без надежды вдовствовала и отовсюду была под ударами наступающего врага, и что в пришедшей беде и скорби нет помощника и утешителя, тогда отодвинула женскую немощность и приняла мужское попечение. И что сделала? Собрав все свое помышление, его из глубины сердца неутешным стенанием с болью души к Богу обратила и Его на помощь призвала, а также и Его Всесвятую мать, которая всех скорбящих и убогих и вдовиц добрая помощница, ибо Она больше всех для воздыхающих от боли души, сердцем сокрушенных, из глубины его стенающих, слезы проливающих. Бог устремляющих к Нему помыслы свои быстрее любой стрелы легко делает терпимыми к тому, что вводит нас в скорби, ведь Он заступник бедных и несчастных услышите. Видя достаточность испытания наказанием, Господь не желает надолго оставлять христиан, которым враг чинил неправду и боями их пугал, ведь Он близко от всех, кто Его призывает. Немошным силу дает, если уповают на Него, и даже если поднявшиеся на битву вражеской отвагой сме побеждены бывают, а иные сами по себе као некоей мей зажженные межусобную брань затеяв, бросаються в бегство, а некоторые миром и любовб. привлеченные вместо неприятелей и противников дру, себе создают и иные. И можно было видеть, как будто из двух одно получается. Так Сербская страна, уже не как вся, которая за краткое время оказалась в запустении и разорении, опять к прежней своей красоте поднялась и всенародным населением украшалась и уможалась. Богу так угодно было.

А затем, когда славный Стефан достиг возраста совершенного мужа, вышнему Богу угодно было, чтобы ему скипетр родителя был вручен, а всеосвященного патриарха молитвой положенный в ложа благословлен и отеческим чином украшен, именовавшись как великий князь Стефан. Самодержцем и властителем Сербов он назвался. И все благородные поклонились, ответив на это „Многая лета“ и „Будет, будет“. Когда после этого великого празднование и угощение для всех вместе было, радовались и веселились и за все, что совершилось, Бога благодарили.

Возлюбленные братья, послушайте мое слово со вниманием, а в нем я буду говорить всем в поучение о несчастьях, которые надвигаются на нас. Жизнь наша, значит, полна жестокостей и подвигов, и каждому благочестивому и праведному человеку подобает все, что с ним случается, переносить с усердием и великодушностью и Бога благодарить, ибо Он с великой и мужественной душой, которая в самом том мученичестве и страдальческом возвышении и учении. Если кто сможет превозмочь всякое несчастье, которое постигнет его, или скорбь, или утрату, будет иметь сильную и непоколебимую душу. Поэтому такие божественные слова, позаимствованные у святых, на пользу всем я привел. А в них славный богоотец Давид, познавший несчастья, говорит о праведниках: „Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь“. Так и великий Павел вопиет, говоря: „Радуюсь в страданиях моих за вас“, и опять же, не только это, но и: „Хвалимся и скорбями, ибо нам даны от Господа“. Недостаточно только веровать в Него, нужно за Него и страдать, ибо воистину благодать великая удостоиться в чем-то пострадать за Христа, потому что от первой раны прославляемся, а тогда от почести из-за ран и от предстоящих венцов. От ран почести бывают, а не от почестей раны начало берут и причину. Видите ли, как благий Владыка Господь наш тем, кто к Нему вседушно в различных подвигах

приступает и единую веру и усердие и жизнь в подвиге проявляют, великих даров и почестей стаивает из-за безграничности своего милосердия и венцов также уготованных и наград будущих не менее раздаст. Так значит, и мы должны хвалимого удостоиться, ибо за благочестие вседушно с усердием и верой горячей подвигу предался и кровью своей венчался. Поэтому усердно придем и, с любовью приняв, радостны в прославлении и щедры будем. Мужа этого, храбрости венец благовенчанный, похвалами украсим, ибо муж этот во всяком благочестии о Боге изобилует: муж славен в благородности и в богатстве, муж удивителен набожностью и верой, муж похвален достоинством и справедливостью, милостив, добр, кроток, муж высокого чина, честен в мужестве, в победах. Поэтому честью и венцами мученическими удостоив его, ибо творил дела доблести, достойные поминания и правда его в веках существовать будет. Праведники во веки живут и награда им есть в Господе. И служение от Вышнего и похвала праведнику есть радость людям.

А с ним честолюбиво похвалим и единомысленно поднявшихся, благочестия избранных воинов, умноженное множество богоизбранных полков, начала мужества, терпеливой мудростью природы победивших напавшего врага, который против них двинулся и повернул их полки, и как победоносцы явившихся, в конце своего подвига кровью своей обогатившихся, и мучительным старанием душевную одежду убеливших и ею еще лучше как жертву непорочную и снисходительную себя Христу принесших и мученическим венцом увенчавшихся. И что имею о том далее сказать? Что имею выразить? Разве не удивили? Разве не растрогали? Разве не возвысили, разрывая душу и вызывая слезы? Если бы кто и тверже алмаза и камня безчувственную душу имел, разве бы и такой на рыдание и плач не обернулся?

Эти храбрые и предивные, и в воинстве исключительные и в бою сильные названные мужи,

они во младости нежного возраста цветовидной великолепностью цвели и сладковидно глаза наполняли,

они, как ростки прекрасные, красивые и яркие тела-ми показывали внутренний свет духовный и всем удивительными казались,

они отважные мужественностью, миловидные, прекрасные, необыкновенные и мудрые,

они благородные, сильные, великаны, вельможи, храбрые, добропобедные, благоразумные, предивные, в возрасте совершенном и сиятельном, прекрасном и пресветлом.

Разве все это не по отношению и к одному за всех, если кто-то в поминовении укажет прекрасные особенности их и исключительность, и храбрость, и геройские дела с великим и благоверным и предивным и храбрым господарем их князем Лазарем? Разве не это слез и рыдания достойно? Как в земном царстве единокровные и единокровные и единомысленные следовали добровольно за своим господарем, так и при окончании блаженной жизни своей согласно и единодушно смерть они приняли и мученическим венцом в крови подвига своего увенчались, и в Царстве Небесном блаженную и непреходящую жизнь унаследовали и светом Блаженной и Живоначальной Святой Троицы просветились, Которой мы и создания и поклонники.

Так и мы, возлюбленные, помолимся и поспешим, дабы как их увенчал [Господь] орудием милости Своей, так и мы орудием правды приняли венец благодати, даром Божиим были ограждены, разумея остальные великие благие дары и прежде всего угождали Богу подвизаясь, ибо это есть оружие наше и слава и утверждение и все блага, бы мы с терпением встали на предстоящий нам под на невидимых и видимых противостоящих врагов. Наша борьба не в крови и телесно, а против воздушного множества поднебесных властей зла. Поэтому да не расслабляемся никогда, не появляемся нагие и невоо-

руженные добрыми делами, ибо это оружие есть совесть чистая и ум твердый и непорочность похвальная, и веру как оружие избранное и срце небоязненное обретем. Такого оружия удостоимся, ибо нужно, чтобы не воин безоружный виден был, а оружие, направленное на невидимых врагов. Тогда оружие откладывается. Когда зрелище рассеивается, оно рассеивается во всем красивом. Пока душа не расстанется с телом, ясно, что мы в этой жизни. Нужно подвизаться, понимая, что всякое тело – трава, и всякая слава людская – как цвет растения. Когда трава усыхает, и цвет опадает. Поэтому всякую злую похоть да отгоняем надеждой на вечные блага, как и ненасытность и шутовство и всякую непристойность из душ наших, и все с усердием и добрыми делами дароносны будем, чтобы никто нас обремененными леностью не застал. А терпеливостью и благодарностью во время испытаний беды и скорби да покажем себя непоколебимыми и неизменными в помыслах, и будем слова благодарности всегда Богу направлять и к жертве духовной сами себя готовить. „Славящих меня Я прославлю, – сказал Господь, – и любящих меня Я возлюблю“ (Ин. 14, 21).

Помимо этого, наряду с иными добродетелями да приемем покаяние, которое есть корень благочестия и начало всего благого. Покаянием, значит, возлюбленные, и мы умолим Бога, чтобы истребил врагов, и варваров попрали и неприятеля поднимающегося сокрушил. Пусть противники и неисчислимы множеством, ано наш поборник могущественнее и их. Поэтому, когда кто прилежно прибегает к покаянию, пусть много молит Бога, ибо Бог знает для нас определять различные причины одоления противника.

Будем и мы, возлюбленные, друзьями не в нужде, а в лубви и до зимы подготовимся к зиме, чтобы во время зимы весну застать. Поэтому, попросим, умолим мольбами и прошением, преклоним колени перед Пречистой Богоматерью, перед святыми апостолами, перед пророками, мучениками, преподобными и вместе всеми Богу угодив-

шими, ибо Бог всемогущ и милостив через всякое слово, больше всякой жертвы, больше всякого помысла, врагов посрамить, и над нашей страной смиловаться, и властителей укрепить, и в православии утвердить, и в благочестии поддерживать, и в любви усовершенствовать, и в вере сохранить, и в мире добром воспитать, и Своею славой просветить, и нас от множества грехов избавить и вечных благ удостоить.

Хвалим и благословляем Господа всегда, ибо Он есть слава в бесконечные веки. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Грицкат, Ирена. „О неким стилским фигурама у похвалама кнезу Лазару“. У *О кнезу Лазару: научни скуј у Крушевицу, 1971*, уредници Иван Божић, Војислав Ј. Ђурић, 271-276. Београд: Филозофски факултет, Одељење за историју уметности; Крушевац: Народни музеј, 1975.

Јухас-Георгиевска, Љиљана. „Повесно слово о кнезу Лазару“. *Даница* год. 7 (2000): 165-183.

Костић, Драгутин. „Старост народног епског песништва нашег“. *Јужнословенски филолој* XII (1933): 26-27.

Матић, Светозар. „Два прилога о Даниловом Слову о кнезу Лазару“. *Зборник Мајинце српске за књижевност и језик* XV, 1 (1967): 5-15.

Матић, Светозар. „Трећи прилог о Даниловом Слову“. *Зборник Мајинце српске за књижевност и језик* XVI, 1 (1968): 5-14.

Михаљчић, Раде. „Изворна вредност кулtnих списа о кнезу Лазару“. *Књижевна историја* XI, 44 (1979): 581-591.

Новаковић, Стојан. „Косовски мученик I“. *Хришћански весник* I (1879): 388-395.

Руvaraц, Иларион. „Повесна слова о кнезу Лазару, деспоту Стефану Бранковићу и кнезу Стефану Штиљановићу“. *Лейојис Мајинце српске* 117, 1874 (1975): 108-116.

Стара српска књижевност. Студија и избор Ђорђе Трифуновић. Београд: Југославија, 1967. (Библиотека Књижевност у школи, књига 1)

Стара српска књижевност. *Хрестоматија*. Приредило и превео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет; Крагујевац: Нова светлост, 2000.

Трифуновић, Ђорђе. „Косовско страдање и небеско царство“. У *О кнезу Лазару: научни скупи у Крушевцу, 1971*, уредници Иван Божић, Војислав Ј. Ђурић, 255-263. Београд: Филозофски факултет, Одељење за историју уметности; Крушевац: Народни музеј, 1975.

Трифуновић, Ђорђе. „Смрт и лепота у српским средњовековним списима о кнезу Лазару и косовском боју“. У *Манастир Раваница: сјоменица о шестстој годишњици*, 135-142. Београд: Издање манастира Раванице, 1981.

Трифуновић, Ђорђе. *Крајњак ирејлед јујословенских књижевности средњега века*. Београд: Филолошки факултет, 1976 [четврто издање 1994].

Трифуновић, Ђорђе. *Српски средњовековни списи о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Ђоровић, Владимир. „Силуан и Данило II, српски писци XIV-XV века“. *Глас Српске краљевске академије* CXXXVI (1929): 83-103.

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Монахиня Евфимия

СКОРБЬ ПО МЛАДЕНЦУ УГЛЕШЕ

Произведение возникло между 1368 и 1371 годами; оно выгравировано на тыльной стороне двойной серебряной иконки, которую сын Елены (имя Евфимии в миру) Углеша Деспотович получил в дар од Серского митрополита Феодосия. Вполне возможно, что иконку отнес в Хиландар деспот Углеша, отец младенца Углеша, когда перед уходом на Марицкую битву посетил Святую Гору. Иконка и сейчас хранится в Хиландаре. В *Скорби по младенцу Углеше* преобладают тона личной боли матери из-за рано упокоившегося чада. Лирическое исходно, произведение до конца доведено простым стилистическим способом. Перевод нами осуществлен по изданию Джорджа Трифуновича (Монахиња Јефимија, *Књижевни радови*).

Малы иконы, однако велик дар, имеющие и пресвятой лик Владыки и Пречистой Богоматери, которые большой и святой муж даровал юному младенцу Углеше Деспотовичу, которого и неоскверненным совсем юным представил в вечные обители, а тело его предано гробу, который обрели праотцы из-за грехов.

Удостой, Владыко Христе, и Ты, о Пречистая Богомати, и меня несчастную всегда заботиться об исходе души моей, что увидела я на родивших меня на младенце, которого родила, о коем печаль непрестанно горит в сердце моем, природой материнской побеждаемая.

ЛИТЕРАТУРА:

Богдановић, Димитрије. „Слово похвално кнезу Лазару“. *Савременик* 37 (1973): 265-274.

Јефимија, монахиња. *Књижевни радови*. Приредио Ђорђе Трифуновић. Крушевац: Багдала, 1983.

Мирковић, Лазар. *Монахиња Јефимија*. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1922.

Радојичић, Ђорђе Сп. „О једном хиландарском натпису из друге половине XIV века“. *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* XXI, 1-2 (1955): 123-124.

Радојичић, Ђорђе Сп. „О младом младенцу Угљеши Деспотовићу“. *Летопис Матице српске* 387, 3 (1961): 269-270.

Списи о Косову. Монахиња Јефимија, кнез Лазар, кнегиња Милица, Вук Бранковић, Непознати раванички монаси, Давид, Јелена Балшић, Андоније Рафаил Епактит, деспот Стефан Лазаревић, Најстарији српски записи о Косову. Приредила Милица Ђрковић. Преводи на савремени књижевни језик Ђорђе Сп. Радојичић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1993. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 13).

Стара српска књижевност. Студија и избор Ђорђе Трифуновић. Београд: Југославија, 1967. (Библиотека Књижевност у школи, књига 1).

Стара српска поезија, записи и наћици, арение. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Трифунровић, Ђорђе. „Обичај у запису монахиње Јефимије.“ *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор* XXXII, 1-2 (1966): 88-90.

Трифунровић, Ђорђе. *Крајак ирејед југословенских књижевности средњега века*. Београд: Филолошки факултет, 1976 [четврто издање 1994].

Трифунровић, Ђорђе. *Средњовековни списи о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Монахиня Евфимия

МОЛЕНИЕ КО ГОСПОДУ ИИСУСУ ХРИСТУ

Вышитое, чтобы служило как завеса для царских врат в манастире Хиландар, *Моление* создавалось в 1398/99 году, что и обозначено в конце произведения. На завесе вышит лик Иисуса Христа с Василием Великим и Иоанном Златоустом по одну и другую стороны, а над их головами по ангелу. Между этими фигурами, на нижней части завесы, вышит текст *Моления*. Произведение возникло на основе молитв перед причащением Симеона Нового Богослова и Симеона Метафраста. Завеса сейчас хранится в ризнице монастыря Хиландар. *Моление* переведено по изданию Джорджа Трифуновича (Монахиња Јефимија, *Књижевни радови*).

От оскверненных уст, од мерзкого сердца, от нечистого языка, от души оскверненной прими моление, о Христе мой, и не отвергни меня, рабу Свою, ни возмущением Своим, Владыко, не посрами в час исхода моего, ни гневом Своим не казни меня в день Пришествия Своего, ибо прежде суда Твоего, Господи, осуждена я совестью моей, и не будет у меня никакой надежды спасения, ежели Твое милосердие не победит множество беззаконий моих.

Поэтому Тебя молю, незлобивый Господи, чтобы не отверг это малое приношение, которое приношу святому храму Пречистой Твоей Матери и надежды моей, Богородицы Хиландарской, ведь принял Ты веру вдовицы, принесшей две цветы, Господи. Так и я это принесла, недостойная раба твоя, о Владычице, Евфимия монахиня, а некогда деспотица, дочь господина моего кесаря Воихны, который лежит здесь.

И приложися эта завеса храму Пресвятой Богородицы Хиландарской года 6907 (1398/99), индикта восьмого.

И кто унесет ее из храма Пресвятой Богородицы Хиландарской, да будет одлучен от Единосушной Троице и да будет ему обвинительницей Пречистая Богоматерь Хиландарская в День страшного испытания. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Јефимија, монахиња. *Књижевни радови*. Приредио Ђорђе Трифуновић. Крушевац: Багдала, 1983.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Малоје приношеније Јефимије монахиње“. *Летопис Матице српске* 387, 1 (1961): 51-57.

Сјиси о Косову. Монахиња Јефимија, кнез Лазар, кнегиња Милица, Вук Бранковић, Непознати раванички монаси, Давид, Јелена Балшић, Андоније Рафаил Епактит, деспот Стефан Лазаревић, Најстарији српски записи о Косову. Приредила Милица Грковић. Преводи на савремени књижевни језик Ђорђе Сп. Радојичић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1993. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 13).

Стара српска књижевност. Студија и избор Ђорђе Трифуновић. Београд: Југославија, 1967. (Библиотека Књижевност у школи, књига 1).

Стара српска поезија, зајиси и најйиси, аренје. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Трифунвић, Ђорђе. *Крајак љрејлед јујословенских књижевности средњега века*. Београд: Филолошки факултет, 1976 [четврто издање 1994].

Трифунвић, Ђорђе. *Српски средњовековни сјиси о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Монахиня Евфимия

ПОХВАЛА СВЯТОМУ КНЯЗЮ ЛАЗАРЮ

Похвала возникла в 1402 году, в то время, когда Лазаревы сыновья Стефан и Вук сражались на стороне Турок против Татар в Ангорской битве. Произведение свое Евфимия вешала, чтобы оно служило как покров на раку с мощами князя Лазаря, и подарила его монастырю Раваница. Покров вплоть до Второй мировой войны находился при раке князя Лазаря. В то время как тело Лазаря теперь снова пребывает в его задушбине, в Раванице, Евфимиин покров с *Похвалой* – в Церковном музее Белграда. Во времена тяжкие для Сербии Евфимия в *Похвале* обращается к князю Лазарю за помощью его детям и народу. С немногими стилистическими средствами она создала простое и сильное произведение, что, собственно, и определяет ее стиль. *Похвалу* мы перевели по изданию Джорджа Трифуновича (Монахиња Јефимија, *Књижевни радови*).

В красотах мира сего воспитался ты от юности, о новый мученик, князь Лазарь, и сильная рука Господня среди господ земных сильным и славным показала тебя.

Правил ты землю отечества твоего и всеми благами радовал порученных тебе христиан, и с мужественным сердцем и с желанием благочестия вышел ты на змия и врага божественных церквей, рассудив, что нестерпимо для сердца твоего смотреть, как христиане отечества твоего будут одолены Измаильтянами, и чтобы этого избежать, ты оставил временную высоту земного господства и обагрился кровью своею и соединился с воинством Небесного Царя.

И так два желания своих ты исполнил: и змия убил, и мучений венец принял от Бога.

И теперь не предавай забвению возлюбленных чад твоих, которых сирыми оставил с переходом своим, ибо оставшись без тебя с тех пор как ты в небесных радостях вечных, многие несчастья и страдания постигли возлюбленных чад твоих, и во многих мучениях они жизнь проводят, ибо находятся под властью Измаильтян.

И всем нам нужна твоя помощь. Потому просим тебя, чтобы молился всех Владыке за возлюбленных чад твоих и за всех служащих им с любовью и верою.

Многими несчастьями подавлены возлюбленные твои чада, поскольку и те, которые едят хлеб их, подняли на них мятеж большой и твои блага забвению предали, о мучениче!

Да ты, хотя и перешел из это жизни, страдания и мучения чад своих знаешь, и как мученик имеешь дерзновение перед Господом, приклони колени перед Владыкой, тебя венчавшим, и моли, чтобы твои возлюбленные чада пребыли богоугодно во благах многолетней жизни! Моли, чтобы православная вера христианская неоскудно сохранялась в отечестве твоём! Молись Победителю Богу, чтобы подал победу возлюбленным твоим чадам, князю Стефану и Вуку, против невидимых и видимых врагов, ибо если примем помощь с Богом, тебе будем похвалу и благодарность воздавать!

Собери собор своих собеседников, святых мучеников и со всеми помолись Богу, тебя прославившему, извести Георгия, побуди Димитрия, убеди Феодора, возьми Меркурия и Прокопия и не обойди сорок мучеников севастийских, в мученичестве которых воюют чада твои возлюбленные, князь Стефан и Вук. Моли, чтобы им дана была от Бога помощь! Приди нам на помощь, где бы ты ни был!

На мои малые приношения посмотри и ко многим их причисли, ибо не принесла тебе похвалу как достойно, а по силе малого моего разума. Потому и малой награды жду.

Но ты, о милый мой господине и святой мучениче, не был так малодарящим в преходящем и кратковечном, тем более в непреходящем и великом, полученном от Бога, ведь меня телесно странную со стороны питал ты изобильно, а теперь сугубо тебя молю, чтобы меня наплатил и утишил бурю лютую души и тела моего.

Евфимия усердно приносит это тебе, святой.

ЛИТЕРАТУРА:

Из наше књижевности феудалној доба. Избор, редакција, превод и коментари Драгољуб Павловић и Радмила Маринковић. Предговор Драгољуб Павловић. 2. допуњено издање. Сарајево: Свјетлост, 1959 [Треће и четврто издање: Београд: Просвета, 1975. Библиотека Просвета, књига 102]

Из сѣаре срѣске књижевности. Превео и саставио Миливоје М. Башић. 4. исправљено и нешто допуњено, издање. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1931.

Јефимија, монахиња. *Књижевни радови.* Приредио Ђорђе Трифуновић. Крушевац: Багдала, 1983.

Мирковић, Лазар. *Црквени уметнички вез.* Београд: Музеј Српске Православне Цркве, 1940.

Примери из сѣаре срѣске књижевности. Од Григорија дијака до Гаврила Сѣефановића Венцловића. Саставио и приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Слово љубве, 1975.

Сѣиси о Косову. Монахиња Јефимија, кнез Лазар, кнегиња Милица, Вук Бранковић, Непознати раванички монаси, Давид, Јелена Балшић, Андоније Рафаил Епактит, деспот Стефан Лазаревић, Најстарији српски записи о Косову. Приредила Милица Ђрковић. Преводи на савремени књижевни језик Ђорђе Сп. Радојичић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1993. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 13)

Сѣара срѣска књижевност. Студија и избор Ђорђе Трифуновић. Београд: Југославија, 1967. (Библиотека Књижевност у школи, књига 1).

Сѣара срѣска ђоезија, зајиси и најѣиси, аренѣ. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Стојановић, Добрила. *Умјетнички вез у Србији од XIV до XIX века*. Београд: Музеј примењених уметности, 1959.

Трифунровић, Ђорђе. *Крајњак њреїлед јуїословенских књижевностїи средњегїа века*. Београд: Филолошки факултет, 1976 [четврто издање 1994]

Трифунровић, Ђорђе. *Срїски средњовековни сїиси о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Стефан Лазаревич

СЛОВО ЛЮБВИ

Это лирическое послание написано в 1409 году и было предназначено для особы, очень близкой автору. Считается, что, вероятнее всего, это мог быть Стефанов брат Вук, с которым он был в раздоре. Произведение сохранилось в форме образца для послания, ибо на месте, где должно стоять имя того, кому оно отправляется, написано „имя рекши“. В нем деспот Стефан призывает неизвестную нам особу к примирению, вплетая при этом известные библейские мотивы – такие, как недружелюбие братьев Каина и Авеля, Аарона и Моисея. Название *Слово любви* открывается в акростихе, который составляют начальные буквы всех абзацев. Послание мы перевели по списку четвертого или пятого десятилетия XV века из сборника Музея Сербской Православной Церкви в Белграде, номер 159, в издании Джорджа Трифуновича (Деспот Стефан Лазаревич, *Књижевни радови*).

Краегранесы этого: Слово любви

1

Стефан деспот
наимилейшему и наилюбезнейшему
и от сердца моего неотделимому
и много, сугубо желанному,
и в мудрости обильному,
царства моего искреннему
(имя рекши)
о Господе любезное приветствие,
а вместе и милости нашей
неоскудное дарование.

2

Лето и весну Господь создал,
как это и певец говорит,
а в них и красоты многие:
птицам быстрое и веселия полное перелетание,
и гор вершины,
и лугов просторы,
и полей широты,
и воздуха нежного
дивными некими голосами оглашение,
и земное дароношение
од цветов благоуханных, и травonoшение,
да и самой людской природы
обновление и резвость
кто достойно бы выразил?

3

Однако все это
и иные дивные дела Божии,
которые и проницательный ум
созерцать не успевает,
любовь превосходит,
и это не удивительно,
так как Бог любовью именуется,
как сказал Иоанн Громов .

4

Всякая ложь места в любви не имеет,
ибо Каин, чуждый любви, сказал Авелю:
„Выйдем в поле!“

5

Острое как-то и скоротечное
дело љубави,
всякую добродетль превзойти может.

6

Лепо ее Давид описывает:
„Как елей, – говорит, – на голове,
стекающий на бороду Ааронову,
как роса Ермонская
сходящая на Горы Сионские“.

7

Юноши и девы
для любви подходящие,
любовь возлюбите,
но правильно и незазорно,
чтобы как-то юношество
и девство не повредить,
чем природа наша
к божественной приобщается,
чтобы божественное не вознегодовало.
„Не оскробляйте, – сказал апостол, –
Святого Духа Божия,
Которым вы запечатлены
в день искупления“.

8

Были мы вместе
и один другому близки
и телом и духом,
но то ли горы, то ли реки

разделили нас.
Давид же говорил:
„Горы Гелвуйские,
да не сойдет ни роса, ни дождь на вас“, –
ибо Саула и Ионафана не уберегли.
О, беззлобие Давидово,
слушайте, цари, слушайте!
Саула ли оплакиваешь, найденный?
Ведь сказал Бог: „Нашел, Давида,
мужа по сердцу Мне“.

9

Ветры пусть дуют на реки
и те пусть пересохнут,
как для Моисея море,
как для Иисуса судьи
киота ради Иордан.

10

И чтобы опять собрались мы,
опять увиделись,
опять с любовью соединились
в том Самом Христе Боге нашем,
Коему слава со Отцем
и со Святым Духом
в бесконечные веки,
Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Богдановић, Димитрије. „О Слову љубве деспота Стефана Лазаревића“. *Православна мисао* 12, 1-2 (1969): 93-102.

Даничић, Ђуро. „Шта е писао високиј Стефанъ“. *Гласникъ Друштва србске словесности* XI (1859): 166-170.

Из старе српске књижевности. Превео и саставио Миливоје М. Башић. 4. исправљено и нешто допуњено издање. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1931.

Јуџословенска књижевност. Примери сѝила и језика, I. Саставио Милош Савковић. Београд: Задруга професорског друштва, 1939.

Костић, Драгутин. „Песма о љубави деспота Стевана Лазаревића“. *Време* (6-9. јануар 1931). Прештампано у: *Сџара књижевности*. Приредио Ђорђе Трифуновић, 417-419. Београд: Нолит, 1965.

Маринковић, Радмила. „О генези Слова љубве или деспотов канцонијер“. У *Ресавска школа и десићџи Стефан Лазаревић, Дани српског духовног преображења, књига 1*, главни уредник Мирослав Пантић, 23-46. Деспотовац: Народна библиотека „Ресавска школа“, 1994. Прештампано у: Маринковић, Радмила. *Светјородна јосиода српска. Истјраживања српске књижевности средњег века*. 271-290. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије, 1998.

Настасијевић, Момчило. „Слово љубави Деспота Стефана Лазаревића”. *Хришћанска мисао* 2 (1936): 49-50. Прештампано у: Настасијевић, Момчило. *Седам лирских крујова*. 147-150. Београд, 1962.

Писах и њојѝписах: ауѝобиоѝрафске изјаве средњеѝ века. Приредила Радмила Маринковић. Београд: Нолит, 1996.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Постанак „Слова љубве“ деспота Стефана Лазаревића“. *Књижевне новине* (8. фебруар 1963). Прештампано у: Радојичић, Ђорђе Сп. *Творци и дела старије српске књижевности*. 211-214. Титоград, 1963. Такође и у: *Стара књижевност*. Приредио Ђорђе Трифуновић, 414-416. Београд: Нолит, 1965.

Радојичић, Ђорђе Сп. „У тамним облацима ка сунчаним најсветлијим зрацима. Књижевна стремљења деспота Стефана Лазаревића“. *Летопис Мајнице српске* 377 (1956): 583-601.

Радојичић, Ђорђе Сп. *Старо српско писништво IX-XVIII века*. Крушевац: Багдала, 1966. [Друго издање 1988];

Стара српска поезија, зајиси и најйиси, аренје. Приредео Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5)

Стефан Лазаревић, деспот српски. *Књижевни радови*. Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Српска књижевна задруга, 1979.

Стефан Лазаревић, деспот српски. *Слова и највииси*. Избор и предговор Миодраг Павловић. Текстове приредио Димитрије Богдановић. Београд: Слово љубве, 1979.

Трифуновић, Ђорђе. „Момчило Настасијевић као преводилац *Слова љубве*”. *Браничево* (Пожаревац) XII, 3-4 (1966): 30-36.

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Стефан Лазаревич

НАДПИСЬ НА КОСОВСКОМ МРАМОРНОМ СТОЛПЕ

Возникшая, вероятнее всего, между 1402 и 1404 годами, эта надпись – судя по большинству стилистических особенностей – принадлежит деспоту Стефану. Она выписана была на мраморном столпе, который, по всей вероятности, деспот Стефан поставил на месте Косовской битвы. Замысел был таким, что столп обращается к проходящим со словами, которые на нем выписаны, что как образец известно еще с античных времен. Столп со временем был разрушен, но слова, изначально выбитые на нем, сохранены в списке. На шестисотлетие Косовской битвы столп снова воздигнут и на нем выписаны слова давнишней надписи на сербско-славянском языке и в переносе на современный сербский язык. Мы надпись перевели по изданию Джорджа Трифуновича (Деспот Стефан Лазаревич, *Књижевни радови*).

Эти слова написаны были на мраморном столпе
на Косове

Человече, по сербской земле ступающий, будь ты пришелец или здешний, да кем бы и каким бы ты ни был, когда придешь на поле это, называемое Косовым, то повсюду на нем увидишь множество костей мертвых, а с ними и каменное существо, меня крестообразного поставленно-го, увидишь, что я просто стою среди них. Так не пройди мимо, не упusti из виду меня как нечто тщетное, преходящее, а прошу тебя, подойди, приблизься ко мне, о возлюбленный, и рассмотри слова, которые я тебе передаю, и тогда ты поймешь, из-за чего, как и зачем я стою здесь, ибо говорю я тебе правду не меньше, чем человек живой, и обо всем расскажу по сути, что произошло.

Здесь когда-то был великий самодержец, чудо земное и корень сербский, которого звали Лазарь, князь великий, благочестия непоколебимый столп, богопознания пучина и мудрости глубина, пламенный разум и странников защитник, кормилец голодных и обездоленных милостивый покровитель, скорбящих помилование и утешитель, любящий все, что Христу угодно, ибо с Ним был по своей воле и со всей своей неисчислимой ратью, сколько оказалось под рукой его.

Это были мужи добрые, мужи храбрые, мужи настоящие по словам и делам – как звезды яркие сияющие, как земля, цветами украшенная, в золото одетые, драгоценными камнями украшенные, на множестве коней отборных золотоседланных, и вседивные и прекрасные всадники. Как некий добрый пастырь и предводитель всеблагородных и славных, он мудро привел агнцев духовных, дабы во Христе нашли благу кончину и мучений венец приняли и стали сообщниками небесной славы.

И так в согласии неисчислимое множество вместе с великим добрым и господином, с душою храброй и верой накрепчайшей, будто бы во дворец прекрасный на пиршество многопахучее, устремились на врага, и самого змея попрали, умертвили зверя хищного и большого противника, гада ненасытного всепожирающего, то есть Мурата и сына его, порождение аспиды и гадюки, щенка льва и василиска, а с ними и немало других. О, судьба чудес Божиих! Схвачен был отважный мученик руками беззаконными агарянскими, и конец мучения достойно принял, и мучеником Христовым стал великий князь Лазарь. Не кто иной, о возлюбленный, зарубил его, как своею рукой убийца тот, сын Муратов.

И все то, о чем здесь сказано, произошло в год 6897 (1389), индикта двенадцатого, пятнадцатого дня месяца июня, во вторник, а час был шестой или седьмой, не знаю – Бог знает.

ЛИТЕРАТУРА:

Јерковић, Вера. „Натпис на мраморном стубу на Косову. Основне одлике правописа и језика“. У *Зборник историје књижевности*, Књ. 10, уредник Војислав Ђурић, 137-146. Београд: Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, 1976.

Мирковић, Лазар. „Шта значи мраморни стуб подигнут на месту Косовске битке и шта каже натпис на овом стубу“. *Зборник Мајице српске за књижевност и језик IX-X* (1962): 11-12.

Писах и потписих: аутобиографске изјаве средњег века. Приредила Радмила Маринковић. Београд: Нолит, 1996.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Световна похвала кнезу Лазару и косовским јунацима“. *Јужнословенски филолоџ XX* (1954): 127-142.

Стара српска поезија, записи и натписи, аренге. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Стефан Лазаревић, деспот српски. *Књижевни радови*. Приредио Ђорђе Трифуновић, Српска књижевна задруга, Београд 1979.

Стефан Лазаревић, деспот српски. *Слова и натписи*. Избор и предговор Миодраг Павловић. Текстове приредио Димитрије Богдановић. Београд: Слово љубве, 1979.

Стратимировић, Ђорђе. „Ступ на Косову“. *Бранково коло* (Сремски Карловци) 20, (1914): 213-214.

Трифуновић, Ђорђе. „’Одушевљен’ у натпису на косовском стубу“. *Прилози за КЈИФ XXX* (1964): 274-276.

Трифуновић, Ђорђе. *Српски средњовековни сјиси о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Ernst, J. „Stefan Lazarević“. *Delo* 33, 8-9 (1987): 258-271.

Андоний Рафаил

СЛОВО О СВЯТОМ КНЯЗЕ ЛАЗАРЕ

В конце хронологией обусловленного ряда из десяти писателей, посвятивших свои произведения Косовской битве и мученичеству князя Лазаря, находится Андоний Рафаил. При своем имени он оставил атрибут „епактит“, что позволяет его определять как „ино-странца“, а не «с Лепанта», как ранее считалось. Точно неизвестно, был ли он Византийцем, который проживал и творил в Сербии, или происходил из сербской среды. Известен своим *Словом о святом князе Лазаре*, которое написано в 1419/20 году на сербско-славянском языке. Как уже замечено, произведение представляет собой вершинный образец стиля „плетения словес“ в древней сербской литературе. Обилием сложных слов, из коих некоторые только у него появляются, новыми сопряжениями слов, необычными риторическими решениями и структурами предложений, которые по своей разветвленности в известной мере напоминают Доментиановы синтаксические изыски, Андоний обращен к лучшим традициям древних сербских писателей, стремившихся найти как можно более глубокое и содержательное выражение. В его произведении заметны импульсы исихазма, которые как раз во время деспота Стефана Лазаревича проникли со Святой Горы и в сербскую духовную среду, найдя в ней благодатную почву. При составлении *Слова* Андоний использовал некоторые сюжетные элементы, имеющиеся в сходных произведениях Даниила III и Неизвестного Раваничанина. Сохранились четыре списка этого произведения. *Слово* переводится по списку, который в 1642/43 году сделал иеромонах Антоний в скиту Святой Анны на Святой Горе – теперь в собрании монастыря Хиландар, номер 509, в издании Джорджа Трифуновича (*Слово о свейом кнезу Лазару*).

Пища духовная, похвальное состязание слов
высоковозвышенному среди мучеников, новому князю
Лазарю, и о переносе мощей его (15 июня)

Благослови, отче!

Ныне, праздниколоубцы, открыл нам Владыка свыше духовное око божественного слова, которое наподобие всегдажизненного действия около благочестия и как единовластник смысла, будет наблюдать к просвещению ума славой Божией, ума, из сердца мыслью в действие посланного. И из этой неплодности, как из сухого камня, Господь рукописанием поднял нововыросшее чудо, нового Авраама, малый некий элемент, поднятый епактитом мира из последнего рода, а подобным чином и Слово распространить, страстотерпца украсить далеко известным прославлением, ибо славнолепно и угодно славная церковь ныне божественную память своего невестоукрасителя прославляет с нами, из-за нее поднявшихся на подвиг, по закону правды радостно достигая и действием веры на небо поспешая, славя вне видимого исход. И оттого, по словам кроткого Царя и пророка, правда Его пребывает вовек (Пс. 110, 3; 111, 9; 2 Кор. 9, 9), ибо сугубо принял свыше – красоту царства и венец красоты из руки Господней, как любитель мудрости ясно утверждающий проповедование народу и память мученику несет соборствуя.

Поскольку же и живописцы с расстояния лучше изображение делают, то так и мученика в соответствии с природой достоинств, возникших внизу, на расстоянии, в сладострастиях природы, который сразу новосоставным действием разума, как к олимпийской, родил в нашем роде подвига венец достижением мужества, усердно поворачивает мысль и вскоре, деснопроходя круг подвига, в дело произведя, ясно, как в горнем испытании, кровью ку-

пил исключительное, прекрасное место высокопрестольное, куда вошел разбойник и святой Павел приобщился. В нем ныне природа рода спасенных гласом радования нераздельно соборствует.

А сколько ныне членов хора на светлом праздновании нового Лазаря, который по божественному закону себя приобщил, небесную жизнь духом в теле проявить желает. Посмотрите своими верными очами к разуму той жизни, достойной просветления, и наподобие живописного действия, как возможется от мысленного разума к чувственному гласу грубосплетенное Слово о нем. Воистину, вот благой мученик, который от природы горних скипетроносцев, а не наша трудолюбивость, поскольку свойство слова держится на немощной силе и неприятно себя ценить по писанию разума. И великий страх меня охватывает при начинании того, что в высшей силе и я немощен сам решиться, ибо я ничего не стою в любом благом деле, которое выше меня. Ужасаюсь коснуться, ибо меня сомнение охватывает, чтобы как-то подобно и я не пострадал, как тот Оза, который был возле ковчега [заветного], о котором некогда говорил Соломон. Того, что выше тебя, не ищи и о том, что глубже тебя, не спрашивай, а думай о том, что тебе заповедано.

И потому, значит, ныне поспешения нашего исправление к Владыке возносим, дабы как-то и нас достигая, утвердилась мысль, которая из небесного обиталища Духом доброплодным оживотворит в нас круг добродетелей, ибо для доброго начала у человека без небесной помощи нет и окончания, да и небесная благодать не сойдет на того, кто не прилежен. А прилежание наше есть в послушании, которое на нас возложено, чтобы светлое поминовение праведному с похвалой любителей праздника полезно произнесем и от никчемного ума своего, будто медницу, Слово выкуем, по примеру вдовиц в Евангелии. Новую ризу для киота мученику постараемся принести. И хотя вниз пали мы по воле жизни, но вопреки этому и в

виде блудницы обнимем ноги святого. Недостойного себя описав, никчемного ума, высоко где-то увидев похвалы долг ему, которому высокопрестольное отечество степень природы слово подтверждает, а на вере похвалы *Слово* с Давидом обратив к ушам слушателей, праведно износим и светильник ценный восхищения добродетелями Лазаревой жизни. Тайной слова руки усердно протягивая и на подсвечник проповедования с любовью постараемся возложить, ибо о том и словами свидетельствует прекрасно, воистину, отечество всеблаженного.

Новосветлый, как Актур, в последнем роду развития обхождением под животворным сферокружия кругом, исключительного почитания среди православных, именованием как прибежища, из своих недр как некую звезду нововзошедшую в последнем нашем роде, из-за течения обращенной к закату человеческой жизни, на арене жизни этой, которая нам на море храброго мученика вынесла, а их имена в вышней книге звездосиятельными чернилами благочестия вне мирской славы рукою художника живописаны, которые седмопечатным числом запечатаны, где на престоле Агнец, седмовзглядным оком Духа Святого привык проходить, как и любимый его ученик, который в Патме откровением видел (Откр. 5, 1), а в нем всякая природа для спасения рода Духом живописется. И оттуда смиренные образы юношеского обличья без гордости проходят. И горнее отечество умными руками духом кротости, как материнскую шею усердно обняв, целует, и от обоих, как звезда радостнейшая, примерно питается под светлым оком солнца, разумным и телесным хлебом, изложением набожным, и духовно, как и телесно, мысленно касается, и доброго сопоспешника переносения жизни неложно ставит. Кротости поучение, как и праведность вместе с простотой, с молчанием крайним и желанием сладко изволит пить как воду чистую.

И с Богом начав, ревнитель стоял как дерево, посаженное при потоках вод (Пс. 1, 3), у которого неопавшая

листва отличие, напоенное Духом, и сохранился, а от него сыновья сербского государства воспитаны. И как некий шелк, из благого тайника сердца привыкли носить православием расцвеченное покрывало, а им далматского государства общежительная церковь украсилась, исключительно прославляя ныне новые подвиги Лазаря, а в ней как луна совершенная наирадостнейшим видом добродетелей сладкопевно и лепогласно, как некие сирины со второокими устами сладостно сияют. Смешанность узаконенного правила из-за этого была и до существования усовершенствования и призывом к делу не явилось видом добродетели.

И из-за горнего, родителям как бисерообразный, из державы сербских скипетроносцев вручился Стефан, и как некая ризница добродетелей сладковзглядным оком рассуждения и тростником ума, юноши благородность умными руками самодержец описывает и в недра сердца своего мило его принимает, как и крин благоухания, и о нем излагает пророческие слова в уши вельможам и потому словом самодержца пойдет за истинной жизнью праведника. А в нем и расцветал Стефан, как крин в глиняной посуде, и чистолепно тридеситидельную меру из-за Троицы принес плод, по Владыки слову, которым вместе и достоинством княжеской чести от вышеназванного украсился, и в славное и Богом защищенное начальство сербской державы включился властвовать, держась веры первообразцовых, которых наш род не презрел.

И православия путем хорошо вел, к Богу идя, ясно, как око далматского скипетра, которое к тайне благочестия обратил, и доброй распре научался, как можно правую природу составить и к телесному не простираться, насколько сила вмешательством приспособливает свойство, и с умными докторами во дворце дружен, ума истину вокруг обойдет и расточительных надменных юношей легко разбивал и усердно запрягал колесницу смиренности, которая устремлялась к небу, и православия уставом

неослабно начал стрелять первородной похвальбы пиявки, которая не только Египтян, но и Иерусалимлян сопровождает вплоть до гроба.

А увечным и тем, которые в ранах стена слаботи священной природой терпения благодарно переносят, милосердия оком незаурядный омыватель был, и оттуда дополнительно причина возвышения ему записывается, а при том и врата зависти ключом ненависти открываются, и оружие гнева рукоубийственными перстами на праведного намеравается острить, а от него избавится, как птица из силков ловца. И, по правде, поскольку [Господь] праведных утверждает, исключительно старается унаследовать землю.

А надзирательным свыше промысла оком лжи славленного заседателя над праведным и лукавохитрого злокозненника, как и все, что ему укорено, за немалое время обхождения круга жизни [увидится]. Праведным судом Бога и Владыки, увы, неким весьма малым лишением милого наблюдения, или, лучше сказать, того, что самое привлекательное, окоспязательным оружием четверокружный мир в наследие радости устроится, а ему темница. О неразумные потребности в придумывании лжи! Праведно есть призвать те слова Давида для свидетельства закона Божия: „ Нечестивый уловлен делами рук своих“ (Пс. 9, 17). И по справедливости, поскольку старо белье зависти, как Каин, в последнем роду на праведного изволил напасть, кому наследия праведного и достойного похвалы богатство, руками скипетроносца к небесному восхождению исключительно предпосылалось. И оттого в телесном наивеледержавное открылось ему к царскому престолу восхождение. И из-за небесного соединения с Богом и о нем божественного собора промышлением, вынужден был облечься царской природой и возлюбить наимногочасное возношение жительствова.

При том же святой в ризнице внутреннего разума мысленное око устремил и полезное для себя вскоре взы-

скав и что по виду той смиренности, высоту благородности прикрывал, говоря: „Недостойно, – говорил, – царского звания и престола на себе истрепывать имя, или чтобы то многие на языке из-за нас носили, ибо неправедно для нас таким прахом похвальбы, как детям, посыпаться“. Ибо нет пользы, о возлюбленные, нет, ни от чина большого, ни от места красного. В преступлении Божиего наказа какое было большее достоинство, нежели Адамова безсмертность? Какое же место на земле прекраснее того, из которого Адам был изгнан, когда преступил Божий наказ? Почему, также, затем Иов был унижен, сидя на куче навозной, а когда исполнил Божий наказ, в рай вселился?

Праведно для нас ныне славить и за это Человеколюбца Бога и всемилосердного Господа, Кому в Троице поклоняемся, чтобы устами и сердцем проповедовать, и небесный жемчуг, который среди стеклообразных украшений, солнцеобразным кругом мысли о любви, в правое недра сердца нашего делами праведными принять и светильник православия троекратно изображенный как молнии огнем воспламененной веры и в крылатом корабле четвероликих ангелов, воздухоплавательный и небодвижный янтарь, троедейственного света красота божественный маяк христианства украсить. И кристалловидную из Горнего Иерусалима, Духом Святым несомую, свыше текущую нам воду деетворной веры чашей принять для исцелительного обновления сербской нашей области рождением Сына, Который потому в церковной основе возведение ограды ввысь бисерокрасным креста венцом, как Царицу добронравную одеть стремится, чья уста благочестия как пламя к небу православия посылался глас. Ибо такими делами нашего сердца веселообрадовательно, счастливо и дополнительно проявляется тайна. А из-за него нерадивостью дремало око в ночи при богоосновательском действии Духа Святого, затем радостно направило взгляд к сладкоусердному солнцу православия, а в нем нет изменений и оставления пропасти.

И сразу оттуда, желанием благочестия, на высшую ступень жизни усердно взошел и огнем крестозасвидетельствованной божественной веры, для церковной природы свыше разгорелось в нем пламя, и ума уставом достойнопросветительского о большой церкви помышлением сердца описывает тайну. И высокое дело тех с правой стороны с поспешностью усердно пришел любить. И благорастворенным воздухом добродетелей к зачистанию церковной основы надежду направлял. В последнем роду новой скинии второй Веселеил честнолепной обители Господня Вознесения, на евангельском православия камне Духа Святого заповедью распростер основу. И так по строительства пучине веслами рукодельства с Богом начал плыть. И свышепотребное земным приложением церковей исключительный уход со Христом положив, усердия его наискорейшее дело, достойно и многих похвала, и красоты убранства божественной церкви строительством в дело претворил. И так сразу с божественной радостью достиг пристанища каменного состава.

А достойным украшением снаружи и каменнотканым кругом, как девица чистая небесного жениха убор, надлежаще завершил, сказав:

„Это есть покой мой навек!“

Его, как необычайный перстень, любезно носили и, в радости славя, весело играли, как неугасающая зеница в круге глаза. И местным названием Раваница скипетроносца Лазаря любовно носится имя с красотою, поскольку на нее стал Иисус как на равное место совершенства, по евангельскому слову. И кроткие свои глаза он поднял к благу. И в нее, как из некоего Тирского или Сидонского поморья с различных сторон к единому чину послушания сабралось множество иноков. Вышеназванный круг постолия имел радостновидную ограду, из-за которой в воздух поднималось семь верхов башен, как второе явление перед глазами Зоровавея. И с великим усердием любя устремлять глаз к тайне благочестия и возведенной церк-

ви, убранство которой православия всяческой красотой седьмого века необычайно украсил, и благочестия восходящую на небо лестницу креста с духовным радованием на том верху утвердил. А по ней ангелы, телами ее покрывая, с земли вверх на небо взлетают, и звездокрылые свыше полагают по ней к нам схождение. А церковного пения лепогласное смешение и песни громкие преподобных уст вплоть доныне в ней утверждаются, как по утрам соловьиных свирелей сладкогласное преломление языка. Осмеливаемся и мы немного что-то с патриархом Иаковом, хотя и смутительно, сказать о ней так, что она не что иное, как дом Божий и врата небесные (Быт. 28, 17).

А иное, покрыв молчанием, посмеем обойти, ибо нужно через *Слово* двигаться вперед и более пристально обратить внимание на конец жизни скипетроносца и мученика Лазаря. Повествованием *Слова* и залогом ума отзовемся. Спокойно, ветроколеблемой тростью моего ума по возможности главу распространим, ратникам благочестия из Етривской Горы и к Богу, председателю православной веры, или, лучше сказать, наиполнейшего блага жизни на небе. О своевольных мятежниках, то есть Агарянах, отростке защитников безчестия, пророчил Енох, седьмой от Адама. В них на века хранится мрак тьмы, поскольку в древней зависти Каина след лукавых мыслей кругом сопрягся и на сербские державы скипетроносца Лазаря ношением солнца к западу убийства раздор пришел составиться. Из-за вращения круга жизни нашей к восходу успеха и вследствие Комодовой ереси Амир был их начальник по имени Мурат, со свойством острогневия и пламенем убийства, на праведного мужа, взбешенно дыша, устремился. И со многим войском пришел на большое поле, многократно описанное, Косово, напрасно зубы точа, в пене и с видом вепря из леса, в вышеназванную державу скипетроносца [Лазаря], праведный виноград завистью поклевать. И в человека, живой сосуд, как Саул на долговечных кирпичах, записывает о

правой природе победы войска Лазарева и об их мерзком позорище безчестия, в чем видится немалая ненависть православных глаз.

А скипетроносный божественный поборник благочестия обращением мысли с наилучшей природой, как леподвижный кречет, трезвым оком ума, с большой поспешностью собрал крыло войска и быстро к возношению великомученика, звездоликим перьем благочестия, хитрым приказом перелетел тучу скорби и, как резвая птица, на крыльях православия боговидной веры обошел орлика. И просьба с угрозой стратилата сербской державы, а также ипарха и кастрофилакта, предписывала способ выдвижения войска объединить, и для невесты Владыки несчастья упорно приближался час принять венец мучения, и один с другим, как последний привет, обручились перстнем рыдания, и к царю ангелов духовные обратили очи с мольбой, чтобы свирепые завоеватели церквей были отогнаны, говоря:

„Посети нас, Ты, пребывающий в высях, спасением Своим и мерзости опустошения зачинщики которого на нас двинулись, без муки уничтожь, о Владыко, ибо Ты Бог, творящий чудеса (Пс. 76, 15), и не отдай нас до конца ради Твоего имени!“

Облакоподобным видом сразу тогда и незадержимо, среди звезд и при милейшем виде солнца, стрелотканым покрывалом убруса оделась природа.

О Измаильтяне, род неверный и развращенный (Мф. 17, 17) этим ли Господу возражаете? И еще ли преступлением закона Божия безчестуя, царю православному досаждете? И еще ли со злом неразумного фараона радуетесь и веселитесь, а по-другому никак? Доколе же, хромая на оба колена, милой жизни роду христианскому затворяете двери? Воистину, Христова рука возьмет суд, и в день возврата воздаст вам, как сказал боговидец и пророк Моисей. Однако же течение повести светлыми чернилами покорности тростника впредь пусть направляется движение слов.

А тогда, тогда, в кровеобразной пучине трудно переплываемого моря, ратники пристаней кладбищенских веслами оружия быстро достигли и некоего без труда восхождения нашей природы [пошли], под ржание коней, крики от болезненных ран. А их общий вопль и совместный путь через нерадостно расцветшие цветы – страдальческое поле, мглоликой тучей печали медленно перекрылся и к сильному плачу побудил тех, кто туда взгляды своих глаз направлял, где рисовались завидные двери благочестия, которые евтриан рукоубийственными перстами отворил, где жестоки нападения ногами безумия, доблестью пороков, как сказал Аристотель, где новое от земли трясение и в воздухе многообразный звон звездосияющего оружия, где в нововозникшем виде воины [обращали] к Богу стенающие крики. Или, можно сказать, болью сердца моего принужден, нетрудно найти слова пророка о том, что плачевный голос из человека [раскат] грома к планетарному кругу сферокружья, а под ним нового Лия Мухамедовой ереси, а также и козленок левой стороны вечному огню посланный.

А потом, значит, в один час времени, о возлюбленные, когда солнечный круг в шестидесятом моменте перешел черту, тогда сразу великомученик Лазарь оставил высокопрестольную исключительную высоту сыновьям своим и во второе переселение горного соединения новым Нестором кровью стал, который как звезда радостновидная с земли вскорости зашла и во Христе радостно засиял мученической смертью, затворив телесностенающую жизнь агарянскими руками, и тем высоковзглядного места звездоделикий светильник, созданный для общей жизни церкви, в последнем роду устроил посечением головы, чем царства Христова обещание радостно достигши, и свыше из рук архангела по заповеданию Вседержителя небесными руками двуплетенную красоты принял диадему. Из-за нее исключительно примерным умной силы преобращением к божественному покою кровью изменил природу,

а оттого единообразен, ранами по благочестию ко Христу причислился в великомучениках.

Если и по многим годам расстояния порядок, никак ему Божиим действием не умаляется вера, ибо никак не мешают годы старости. Обхождение круга, в который нашему роду прибыл храбрый воин Христов со славными теми великомучениками из времен первых родов было учинено и речено, а в годовом сопровождении ничто для подвига венца не мешает. Из-за него, надеждою свыше, сербской державы светильник православия не угасился, как это и многие ныне видели, а даже и более того: и в других дальних странах многим на языке висит ей похвала, ибо выше солнца в ней сияет правило церковного устава.

Оттого же, и из-за того, при любимой заповеди многочисленное имя словами слабогласного моего языка [возвращается] к продолжению раздела прославления. Лазарь, который среди чудотворцов, легко, подобно Сактулу, от небесной природы, очарованный умом его любви к ближнему, на большую высоту силы, хорошо утвердившись, вознес мысль и славное проповедание Евангелия к горнему выходу хора делом исполнил. И ума колесницу того незнания поучительности к лучшему переменил случаем сопряженное решение природы, и самого того милосердия к своему телу, превзойдя свойство. И мысленными крыльями, как острозренный орел, перелетев все создания твари, по новому и неизреченному пути на небеса на трехчастной колеснице устремлением намерился идти, и мучения христоликое благо ради горней власти небесному царю приносить за народ.

А излюбленного устава раздел на трехчастной бумаге умной природы переписав и народу своему свободу Духа Святог перстнем запечатав, разве что лишь вышеупомянутый Сактул обошел народ из-за верхней одежды, прижатой мучениями. А с ней к тем, которые с надеждой появились, на стезю нового сражения радостно

вышел. Деснозванным судом церковного устава и скоту уподобленный, трехчастности двоицу неотделимо приведет безсловесной матери, общим и постоянным для нас ответом Владыки. И свыше ангелоподобным голосом небесной купины обувью развязавший ремни стенающей телесной кожи и телесно преданный земле теми там архиереями благочестия надгробного славословия, и как второй Моисей в нашем роду к высокой боговидения горе радостно взбежав, с Богом лицо к лицу беседует.

О переносе мощей святого князя Лазаря

Как же мне быть, и здесь опять, если я ведом недостатком премудрых мыслей? В них искренние люди усердно приносят как плод образы исключительных мужей добродетельной жизни. Ибо легко найдется ленивый род, который нам приносит верчение по кругу. Однако же Господь Иисус Христос, по силам нашей немощи, душевным оком свыше озаряет к зрелищу благочестия, чтобы мощами святого поднялась глава. Ибо явлением надеющимся произносится *Слово*, прибыв сразу туда, где прославляется перенос мощей славного князя Лазаря, достойнуь благодатб праведно опевать им да и вам, о праздниколюбцы, радостнотворно это триблаженное посещение, истинное и чудесное событие пройдя, *Слово* мы сотворили.

Ибо као Симовы внуки поклонились Израилеву переносу из Египта у Хананею, которая праведно стала Палестинской землей, ныне, усиленной молитвой прославления имен тайны небесной радости, распростираaniem Христова провидения смотрением на царство сербской области и совешествием Святого Духа поднимается рог. И радостное лицо и чин приняв, двоумление исчезает возведением на власть высокородного во Святом Духе деспота Стефана леповосходным желанием благочестия. К переносу мощей своего родителя запретом златопечатника надежду управил и тайной усердности к труду при-

силился. И по совету тогдашнего патриарха, к похвале достоинств с матерью и братом без труда возвратился назад к месту гроба святого уставом богозрительной надежды. И когда со многими наслаждениями духа прибыл на место, подняли с гроба главопокрывный камень. И одежды радости с плачем простерли, как Израильтяне во время Пасхи. И взяли богоугодные мощи. И нет же у Бога несправедности той, чтобы по написанному забыл человеку дело правды, но вместо тленности цветников мертвопахнущих из недр кожного мешка руками выносят благоухания и общим законом устава украшают церковные люде, а к ним через небесного круга окошко и ангелы присоединяются, чтобы прикосновением ко святому окропить природу воздуха.

А двое исключительно честных отроков с одной и с другой стороны, с матерью, горячими слезами обливая образ богоподобного лика, тезоименитого с четверодневным Лазарем, как Марта и Мария громким голосом Христа призывали, и грудь нового Лазаря ныне с любовью обнимали, исцеления в разрешении грехов прося. И тотчас ковчег препроводили, как некогда последнего рода природы Давид перед киотом родителя младорослого тела ногами идя и песни отпевательные, словно некие сирины сладкогласия изливанием, печально поя, говорил:

„Для чего и еще для нас такие тайны провидения,
о Лазаре?

Кого увидев, утехшение от боли найдем,
о вселюбезный господине отче?

Какую надежду имеем мы, которые остаемся?

Когда тебя увидим
или услышим голос твой?

Как нашей юности
милый луч радости
облаком печалования
неожиданно покрывся?

Как благоденствия
милый взгляд твоих глаз
напрасно угасла лампа?
Кому доверил ты
младорослый цвет нашего возраста,
чтобы заботился
о направлении к Богу?
Кого призовем
как помощника и учителя
в управлении нашей областью?
Какого хозяина делатели,
как грозди в давяльне битвы,
выжаты?
Когого стража града жнецы,
как пшеница изобильна,
напрасно сжаты?
Какого помощника исполнители
в наших глазах,
как пламя живогретьельное, угасло?
Какой госпожи посланники
нашей державы поля,
как цветы, нежданно, убраны?
Увы, мучение,
увы, на кого оставлены мы,
необычному войску
слугование приносить?
О милое нашего народа имя,
о надвигающаяся беда,
скорбного подвига
несчастья нашего память!
О скорби новорослая ветвь
и надежда неубранных плодов!
О тосковосходная нашего восхода
и слезовиновна денница!
О рыдания нашего очаг,
руками Агарян возвышенный престоле!

О злая и мрачная ночь,
не ожидающая света восхода!
О скипетре нашей власти,
печали слезами испещренный!
О мглообразная диадема
плачевного украшения,
жемчугом обложенная!“

А когда их мать видела величину облака такой скорби и как они идут за мучениковым киотом, с невылитой многоплачевной болью, из самой глубины сердечных ризниц мглоликим жемчугом рыдания прикоснулась обложить раку святого. И много часов, как обезумевшая, горьчайшим голосом плача, сотрясая воздух, со слезами прорвалась ее надгробная песня. И многих могла побудить, чтобы и у них появились потоки источенных слез. И затем найденным убрисом отдельно подав слезам успокоение, сразу отвращая мысли, подбежала и пала на грудь мученику. И очами, как сосудом из сердца зачерпывая, наподобие дождя слезы проливая, как Магдалина вышепоманутого покойника мощи обливала, или, еще сказать, как некая Рахиль в нашем роду, тяжело плача рыдала, только не по чадам своим (Мф. 2, 18; Иер. 31, 15), а по возлюбленному супругу. И печали вретисшем вид благородности покрыв, очи слезородные обратила к зрелищу благочестия. Сладкую надежду радости останков стала разглядывать и от сердца печальным гневом утрату оплакивая, говорила:

„Увы мне, кого увидела?

На кого приятно подниму глаза, которые заливают слезы?

Как испущу голос к страданию и плачу, по обычаю бросившись?

Воспечальтесь со мною, друзья, оказавшиеся со мной!

Плачьте со мною, сродники!

Не вынести печали, которая нас неудержимо настигла.

Не могу носить беду, распростертую с печалью, обру-
ченная плачевной повестью.

Не могу внутрь сердца молчанием затворить боль.

Откуда нам засияет луч надежды милого нашего све-
тила, которое для нас зашло?

Как молчанием затворится доброучительных бесед
красота?

Как берадостным облаком печали неожиданнл по-
крылся дом моего сердца?

Кто отломил высоковыросшую ветвь доброплодно-
сти любимой и милой нашей жизни?

Кто пространством рыдания приготовит будущего
прославления достойную трапезу?

Кто увеличения нашего багряницу царства сынам
украсит радостным украшением наличного жемчуга?

Кто почерневший шатер нашей области радостней-
шим видом подобия убелив над головой нашей радостно
растянет?

Кто в доме моего сердца безнадежно разжег печаль-
ное пламя рыдания?

Кто поднял плачевный мятеж скорби в наступившем
обхождении круга лет моей жизни?

Кто засвидетельствовал напрасно опытность такого
рукоделия плачевног этого и черновидного плаща для
моей одежды сегодня?

Кто нам седьмого века милое прославление как неми-
лостивую трудность навязал, никак не взирая на сирот-
ство нововыросших детей?

Кто моим глазам всегдавидимый свет видом плачев-
ной мглы напрасно закрыл?

О Лазарь, какие сейчас песни рыдания мне запеть?

О печальноявленный праздник моего сердца настал
сегодня!

О жестокое и бедственное крушение нашего счастья!

О глубокой тьмы туча, откуда пришла, покрыв серд-
ца моего радостновидную сень?

О какую лестницу рыдания прислонив, убедились мы, что прошли скорбные ступени жизни?

О многопечального празднования плачевный возвеститель сердца моего!

О столь высокое твоего венца украшение владений наших детей приносят боли всхлипов со слезами!

О какая печали плачевная рана возникла и напрасно в моем сердце!

Так какими же словами плачевной песни венец сплету ради твоей памяти?

О милый всрик радостнозванное событие, к какой надежде радости прибегну, уму печали, претворивши природу в слезные воды чистые, глядя на них печальными глазами после рыдания?

Кто, видя это, не ужаснется, о возлюбленные, как еще воздух печали убрисом не покрывает природу?“

И таков порядок хода киотоносцы венцом воздержания обложили. И при возвращении, в строгом порядке, присоединился к ним народ из разных краев. Как соты неких пчел окружившие ковчег пришли у желанную общежительную лавру святого. И Бог, как Промыслитель добра, как и [лавру] после восемнадцати лет устроил в своем наследии, так и скипетроносца Лазаря, который подвигами мучения изменил жизнь, и затем в течение второго года, когда приблизилось окончание круга, как второго Иосифа кости в иной благословенный край перенес, так и, достойнохвально прославляя, положил в том здании общежительной лавры, которая лежит в пазухе подкрылия Кучайнской Горы в месте, названном Раваница.

Если Илия и опечалил некогда израильтянский народ, с земли к Богу вознесшись, но утешен был от разлучения с Елисеем, милостью учителя украсившись, так же и вишеупомянутая церковь ныне скипетроносного мученика покрывалом ризы богокрасных мощей. И счастливым прибытием своего украсителя радуется и разветвлением обрадована, как крин благоуханный в

объятия празднества принеся, благодарным венцом его страдания украсилась. И обновлением радости величала Господа, обрета камень утверждения, который вовек не будет отделяться от нее, а его упованию свыше служение это благочестия заручением предела любви достигла. А по нем, как по пути ради учреждения любви ногою ума мы несколько потерпели. И устроенностью Слова послушание поручителю испунили и несмотря на силы нашей немощи, десным служением, похвалы достойный наказ исполнили.

Вот тебе, Лазарь, светильник похвалы, которая от нас к Богу, или, тначе сказав, с духовным и умильным радованием, грубоплетенная тайна нашего усердия. А ты, приняв ее, оттуда возделай к сердцам нашим умноженный урожай добродетелей и завистью завоевателей резко збрось восхождение зависти на нас.

Те, что жестокостью и злонамеренном натиском жестокости добрые свойства слова привыкли порицать, и оттого к высокой боговидения горе забыли восходить, как кошка, которая к веретену с пряжей неохотно возвращается, или к тканосновательной утоку искусства с трудом пришли, но более от долутянущей зависти пачинанием, как лисица лукавым вымыслом заменяет мудрость, нападая на нас безсловесно и к общему стоянию перед Владыкой не хотят согнуть шеи. Но видом капсониха перье похвалы осудив, некоторые в силу возраста хотели исключительно возвыситься, чистое свыше услаждение наблюдений палицей зависти далеко где-то с высиоты отгонять начали, как нечистые и такого явления недостойные, потому что божественной пищи влевообращенными руками касаются как слепые, и оттуда первые вершки и источники ереси. Знает, значит, это, знает, как изобрести и усовершенствовать многообразный мудрец зла и уже изначально ярый враг и противник нашего рода, разнообразный в помыслах, дерзкий в нападении, в обезьяньем выделявании обманных движений, соблазняющий многих.

Однако легко могут быть устранены отдельноподнятые трубления вокруг Слова, разорены стены хитрые и воинственные, укрепленные завистью, построенной из кирпича, для разорения достоинств похвале и унижение всякой возвышенности, предназначенной для восхваления благочестия, плохо принимаются. И похваловзрослые народы радостно да радуются за нового Лазаря, который землю онебесил ранами подвига, как звездами, лучами которых церковное постоліе сербской державы щедро обогревается, как и сияющим видом солнца. А с ней клаясь, молим тебя, будь милостивым молитвеником ко Владыке Христу за стадо свое и к вышнему празднованию руководи нас, где славится Бог, почитаемый в Троице. Ему да будет слава, и величание, могущество и власть в бесконечные веки. Аминь.

А вас, христолюбивые любимцы и с верою властелинского свойства, молю, колена приклонив, неложного моего сердца и души, под крылья ваших риз падаю, коль прочитаете грубые мои строки, [писанные] рукою смиренного епактита Андония Рафаила, дабы до завершения удовольствия дошли в тринадцатом обходе [индикта].

Года 6928 (1419/20), круг сунца двенадцатый, и круг луны двенадцатый, темелион пятнадцатый, индикта тринадцатого, а в окружении алфавитных уклонений христоисповедного премудрого Льва восьмидесятый. У Константинополе царствовал Мануил Палеолог, и затем тех лет начальство сербского царства держал благочестивый деспот Стефан, а священноиноковал вселенский патриарх кир Иосиф, а далматской державы начальство священства держал патриарх кир Никон.

Да не зачтете в срамное дело спотыкание в моей убогости, о вышепомянутые любимцы, ибо укоряя или унижая, любовь разоряется, а разоренная теряет действительность. Если любовью не изобилуете, проходите мимо, как некогда священник и левит. Оставьте нас тому Самарянину, который перевязал раненного и перепоручил его

содержателю гостиницы, которому за труд пообеща вознаграждение при возврате (По: Лк. 10, 30-37).

А Ему слава во все века. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Богдановић, Димитрије. *Историја сѣаре срѣске књижевности*. Београд: Српска књижевна задруга, 1980.

Гильфердингъ, Александр Федорович. *Боснія, Герцеговина и Старая Сербія*, С-Петербургъ: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1873, 1859.

Качановскій, В. В. *Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., томъ I*. Критическое изслѣдованіе источниковъ. Киевъ: Типография К. Н. Милевского, 1899.

Примери из сѣаре срѣске књижевности. Од Григорија дијака до Гаврила Сѣефановића Веницловића. Саставио и приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Слово љубве, 1975.

Радочић, Ђорђе Сп. *Сѣаро срѣско ѡснишѣво IX-XVIII века*. Крушевац: Багдала, 1966. [Друго издање 1988]

Стојановић, Љуб. „Похвала кнезу Лазару“. *Сѣоменик Срѣске краљевске академије III* (1890): 81-88.

Трифуновић, Ђорђе *Срѣски средњовековни сѣиси о кнезу Лазару и косовском боју*. Крушевац: Багдала, 1968.

Трифуновић, Ђорђе. „Слово о светом кнезу Лазару Андонија Рафаила“. У *Зборник историје књижевности, Књ. 10*, уредник Војислав Ђурић, 147-179. Београд: Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, 1976.

Трифуновић, Ђорђе. *Крајѣк ѡрејлед јуѡсловенских књижевности средњега века*, Београд: Филолошки факултет, 1976. [четврто издање 1994]

Хрѣстѡматѣија средњовековне књижевности. Том 2, Срѣска књижевност. Приредио и на савремени српски пренео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет, 2012. (Библиотека Српска књижевност. Филолошки факултет, Београд. Коло Стара српска књижевност, књ. 1)

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Елена Балшич

ОТПИСАНИЕ БОГОЛЮБНОЕ

Третья дочь князя Лазаря, Елена Балшич прожила довольно бурную жизнь, отмеченную такими личными трагедиями, как смерть первого мужа, Джурджа II Страцимировича Балшича, затем сына Балши III и второго мужа, Сандаля Хранича. О ее литературном творчестве стало известно по преимуществу на основании Горицкого сборника, который в 1442 году для нее составил сербский духовник Никон Иерусалимец. В Сборник включены и три Еленины послания, адресованные этому духовнику. До настоящего времени сохранилось в целостности лишь одно из них, тогда как два существенно повреждены. В них Елена своему духовнику задает вопросы духовного характера. Сохранилось также довольно детальное завещание, которое составила Елена. *Послание* нами переведено по изданию Джорджа Трифуновича (*Две посланице*).

Всечестному отцу, учителю святого Евангелия, а нам в Господе духовному наставнику, смиренная Елена

Чтобы знала твоя святость, что с тех пор как по Богу удостоилась я познакомиться с тобой, возрадовалась веселием духовным, но слишком малым и слишком кратким было наше свидание, как сказал бы кто-то, словно в зеркале отражения видела я, или будто в некий сон тонкий отнесена была. И из-за скоротечности не получила моя убогость желаемого. Но все же те, что тогда услышали мы от твоего преподобия слова духовные и что возмogli постичь, и от всей своей души любезно и всесердечно, даже и наивернее приняли. И те божественные слова, которые мы слышали в тогдашнее время, были нам пищей духовной вплоть до ныне. И слушала я о боголюбивой природе

твоей души, и о безтелесном ангельском существовании, а так же и об окончательном удалении от нас.

И захотела очень увидеть твое преподобие и насладиться твоими медоточными словами, чтобы мне от твоих взглядов умножилась немалая польза. Но, велико между нами расстояние, море, да и леса. Потому нам невозможно видеть твою святость.

Так, желание богатства и суетная слава, а заодно и сласти, не оставляют нас, колышущихся в море этой суетной жизни, не пуская к свету честного и безтелесного существования. Ибо помрачились душевные очи горестями и сумятицами этого света. И вот теперь, као из некоего глубокого сна воспрянув, пожелала я видеть твою святость.

Послание же твоего рукописания получили мы и велелепно и любезно от всей своей души исцеловали, что было весьма уместно. И часто его прочитываем, и весьма утешаемся. И насладила я сердце свое вместе с душою. И так его храним, как некую пребогатую царскую ризницу с драгоценностями, большими тысячи тысяч золота и серебра.

И опять молюсь твоему преподобию, чтобы нам послал некое облегчение для нашего утешения и прохладил от пламени скорби, поскольку знает твое преподобие, какие бури и мятежи и тучи обычно будоражат самовольные сердца.

Помимо этого все же напоминаем твоему трудолюбию, что между нами были споры о том, что одни хвалят милостыню для тех, кому она необходима, как добродетель, большую всех иных, а другие больше величают истинно монашескую жизнь и чин. А некоторые, опять, говорят, что святой Василий Великий хвалит общежительность и пребывание со многими. А некоторые – отшельничество и молчание и заботу о самом себе считают богоугодной жизнью. И мы просим, чтобы узнать наинадежнее и отогнать од нас мятеж и распри и чтобы к свету разума были мы поведены. И еще просим твою рассуди-

тельность и трудолюбивое сердце и нелицемерную любовь к Богу и нам, чтобы просветиться мыслью и иным, что знает твоя святость, дабы пробудить нашу леность и переменить грубость.

Честной отче, да удвоятся таланты! И знаю, что ты привык себя унижать во всем, но не нужно под оправданием смиренностью замыкать язык, который говорит много и хорошо и результаты которого многи и многочисленны семена правды. И не лиши нас желанного, а себя не оставь без доброй награды, но подражай своему Владыке Христу, чей ученик ты и подражающий Ему в страданиях. И молись Ему, чтобы и мы стали сообщниками в тот день, когда Христос придет со славой и многой силой [и] молитвами вашими. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Грковић, Милица. „Посланице Јелене Балшић“. *Научни сасиѝнак слависѝа у Вукове дане* 23, 2 (1995): 195-200.

Мартиновић, Вукица. „Горичко завјештање Јелене Балшић“. *Свеске* (Панчево) X, 45-46 (1999): 122-125.

Мирковић, Зорка. „Преци и потомци. Јелена Балшић: поглед из нашег времена“. *Свеске* (Панчево) X, 45-46 (1999): 105-108.

Примери из сѝаре срѝске књижевносѝи. Од Гриѝорија дијака до Гаврила Сѝефановића Вениѝовића. Саставио и приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Слово љубве, 1975.

Радојчић, Н. „Две истоветне преписке из XV века, једна српска и једна византиска“. *Гласник САН* IV, 1 (1952): 177-178.

Сѝиси о Косову. Монахиња Јефимија, кнез Лазар, кнегиња Милица, Вук Бранковић, Непознати раванички монаси, Давид, Јелена Балшић, Андоније Рафаил Епактит, деспот Стефан Лазаревић, Најстарији српски записи о Косову. Приредила Милица Грковић. Преводи на савремени књижевни језик Ђорђе Сп. Радојичић. Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1993. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 13)

Сѝара срѝска књижевносѝи: хресѝомаѝија. Приредио и превео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет; Крагујевац: Нова светлост, 2000.

Стара српска поезија, записи и најновији, архиви. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Томин, Светлана. „Отписаније богољубно Јелене Балшић. Прилог схватању ауторског начела у средњовековној књижевности“. *Научни саставак слависти у Вукове дане* 30, 2, (2002): 73-82.

Томин, Светлана. *Мужастивене жене српској средњег века*. Нови Сад: Академска књига, 2011.

Трифунковић, Ђорђе. „Две посланице Јелене Балшић и Никонова Повест о јерусалимским црквама и пустињским местима“. *Књижевна историја* V, 18 (1972): 289-327.

Трифунковић, Ђорђе. *Крајак ђрејед југословенских књижевности средњег века*. Београд: Филолошки факултет, 1976. [четврто издање 1994]

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Balšić, Jelena. „Отписаније богољубно“. Sa srpskoslovenskog preveo Đorđe Sp. Radojičić. *Delo* 4 (1958): 587-589.

Radojičić, Đorđe Sp. „O smernoj Jeleni i wenom otpisaniju bogoljubnom“. *Delo* 4 (1958): 590-594.

Radojičić, Đorđe Sp. „Отписаније богољубно. O smernoj Jeleni i njenom otpisaniju bogoljubnom“. *Delo* IV, 4 (1939): 587-594.

Никон Иерусалимец

ПОВЕСТЬ ОБ ИЕРУСАЛИМСКИХ ЦЕРКВЯХ И ПУСТЫННЫХ МЕСТАХ

Как духовник Никон подвизался в иерусалимских пределах. О его жизни немного известно. Был духовником Елены Балшич, с которой вел переписку. Для нее в 1441/42 годах составил в научном мире известный Горицкий сборник, который должен был храниться Елениной надгробной церкви на острове Горица на Скадарском озере. В сборнике частично сохранена их переписка, состоявшая из трех Елениных и трех Никоновых посланий. Помимо иных текстов, в нем осталось и одно Никоново оригинальное произведение под названием *Повесть об иерусалимских церквях и пустынных местах*. Это произведение содержит немало поетических рефлексий. В отдельных частях оно весьма напоминает путевые записи, а еще больше – проскинитарии. Текст переведен по изданию Джорджа Трифуновича.

Повест об Иерусалимских церквях и местах в пустынях,
Евфрате, Иордане и всех окольных там местах.

Что слышали мы и видели, то рассказываем
христоролюбивому вашему.

Сел и смотрел, как текут без пользы. Застал сознание свое расслабленным, ум свой одеревеневшим и страстную душу жестоко уничтоженной. Оставь, душа, сласти, не спеши в неизвестность, дабы тебя не постигла смерть и ты не обрела спасения. Лукавая пучина помрачает душу мою, серп наостренный сжинает чувства, и тело пропадает од множества зол моих, глаза закрыты – никак не посмотрят, руки и ноги изнемогли, не имея никакой крепость. В добре сомневаюсь, во зле еще больше. Как мерт-

вещ лежу пострадавший и умертвленный как пес, как чужестранец и узник без пользы сплю.

Нисии, то есть острова морские, прошел и пришел в Бейрут, в Дамаск прибыл, в Виталиев дом. Там видел дивную икону Пречистой Неоскверненной Чистой Матери Христа мога. Тело, воссозданное на ней, на той иконе, есть чудо страшное и ужасное, неизрециво и странное. Прибыл в Австиду, землю праведного Иова, в необычайный и славный город. В нее прибыл так сказать ослабевшим. Пошел на всеосвященный Иордан, идя в Лазарев город Вифанию. И прибыл в святой город Сион, на жизнедавательный гроб Христа моего, чудо дивное и необычное. То увидел и вострепетал, печалью исполнен. Как непреходящий в него вселился? Голгофа славная, на которой Крест поставлен был, что распался, видя распинаемого Создателя. Там Адамов череп крещен. Адам, значит, воскрес и увидел Владыку, начало и конец, тебя ради, дивное провидение, обретение креста, божественное и дивное чудо. Храм непокрытый, дивный и превеликий, весьма исключительный, сверху открытый. Там и престол патриарший, вместе со стеной. Давидов дом дивен. Долина плача, а в ней сидит Судия, чтобы судить все создание. Цена Владыки моего – Гончарова нива. Сион исключительный, мать церквям. Храм славный, святыня над святынями. Красные страшные ворота, их Христос затворил. Овечья купель. Силоамские струи. Вифлеем жизненный, всеосвященный и Назарет, по которому Христос назван Назарянином. Гостиница Авраамова, чудесная и дивная. А близ Вифлеема Рахилин гроб, и колесо для мучения святого Георгия, славного великомученика и победоносца, чьи удивительные подвиги описывает и писание. И увидел я место, на котором патриарх Авраам хотел тогда заклать своего любимого сына. И шел Исаак, как ягненок на жертвоприношение, а вместо него появился овен для заклания. Росток честного дерева, Лавра иверская. Затем туда поспешил, в Горние, как называют, и увидел необы-

чайное и дивное место. И увидел Захариин дом, и камень, который разделился и принял Елисавету с младенцем Иоанном, и воду разоблачения внутри в храме. Гефсимания, прекрасный гроб Богородицы, божественное вознесение. Страшную Масличную Гору, место исповедания, Пелагии гроб. Божественного Саввы предивные обители и места жительства отцов, подобно насытился. Прибыл в честную Лавру святого Евфимия, великую и прекрасную этого общежительника. Подобно затем пошел к честному Харитону. Видел другую большую и дивную лавру, общежительного отца Феодосия Великого. Пришел в другую лавру великого Герасима. Тех честных и предивных обителей подобно насытился, као и выше было сказано. У иное место пришел – богочеловеческие слова сорокадневного искушения Господа, который страдал как человек от дьявола. В Хузив затим пошел, на край пустыни. Там пещера божественного Иоакима, того богоотца из Давидова племени, который молился с рыданием из-за бездетности. Видел честные мощи святых отцов, от видения которых мы укрепились. Отцов страдания, как написано выше. Идя, увидел честной Иордан, святой среди рек, в котором умывался мой Создатель, крещенный во Иордане – божественное крещение моего Господа Христа. Видел и пещеру Крестителя Предтечи, которая вблизи Илии Тесвичанина. Там и Ермон, который явился Елисею, и увидев его в огненной колеснице, милоть получил и перешел Иордан. У Предтечи, дивного Крестителя Господня, видел и места жительства святых отцов, подобно и праотцов Авраама и Исаака. Содом и Гоморру с Мертвым морем, гору, на которую бежал Лот из Гоморры, пустыню, в которой молилась, проходя, Мария Египтянка, затем с честным Зосимой. Минув Аравию, к Египту идя, вышел на пребольшой и красивый Кисов ручей. Нашел Моисеево пребывалище в египетских местах, Корахов страшный город, в который пришел. Затем пошел в другой город, Шиопку. Ушел потом оттуда, бежав из ямы. Преододел большое Красное море

и до Синая добрался, места освященного, где чудесная и святая гора Господня, божественная купина, которую Моисей воочию видел и дивный образ явления Господа. Там есть пещера пророка Моисея, в которой он скрылся за камнем и увидел Бога. Там, значит, принял святые скрижали. Там и пещера Илии Фесвитянина. Там ворон накормил дивного пророка. Тамо мощи святой Екатерины. Там погребение мощей Евреев – выражение не имеет смысла эллинской книги – там, все еще, Израиль, идолослужитель тельца. И оставив Синай, пошел я к Египту. Видел страшную пустыню на том моем пути. Видел стоянки того Израиля. Видел писания на описанных местах, Божии чудеса, которые чинил Моисей. Затем пришел на Красное море, на еврейский брод и на источники, которые дал тот Моисей. И там было семьдесят стволов финиковых деревьев. Там чудесная и большая Раита, подобная на пещеру святых отцов. Там пещера Ксенофоновых пещер. Прибыл во всепогибельный Мисир. Видел дивный Нил, что напояет Египет своими струями, светлый и дивный и похваленный каждым человеком. И видел сосуд избранный всеосвященный – Григория, дивного папу Александрийского. Временный мрачнейший престол султанов. Затем видел житницы Прекрасного Иосифа. Видел и красивую и большую лавру святого Арсения. Там пещера, и в ней он пребывал, в молчании молитвуя против дьявола. Нил разделяется в Александрии. Видел, однако же, славный и знаменитый город с расстояния одного поприща, церковь святого Марка. Там, значит, остановился и пребывал. Есть там и многие мощи святых отцов: Великого Афанасия, да Кирилла, победоносцев Христовых Кира и Иоанна, мощи Нимфодоры, Минодоры и Митродоры. Искключительный собор честных водителей. Там честной евангелист апостол Марк написал божественное Евангелие. Там место пустое и тихое от всех. Пребольшой и чудесный храм открыт. И там дивный Фар, в котором перевели на эллинский язык божественную Псалтырь.

Это рассказы о чудесных и дивных местах, которые желают многие особо увидеть и посмотреть с любовью и прославить Господа достойно хвалы. Богу и Царю всех нас и Создателю подобает слава и хвала, со Отцем и Слово. Аминь. Аминь и всегда во веки веков.

Иерусалимец, имя Никон мое монах. Смотри: Небо содержит меня, земля над содержит меня, тогда мое имя 500, что взяло 24. Найди меня.

ЛИТЕРАТУРА:

Богдановић, Димитрије. *Историја старије српске књижевности*. Београд: Српска књижевна задруга, 1980.

Никон Јерусалимац - вријеме, личност, дјело: зборник радова са међународног научног симпозиона на Скадарском језеру, 7-9. септембра 2000. године. Приредио јеромонах Јован (Ђулибрк). Цетиње : Светигора, 2004. (Зборник Зетске Свете Горе. Посебна издања ; коло 1, књ. 18)

Никон Јерусалимљанин. „Никон Јелени Балшић одговара на питање зашто страдају хришћани од нечастивих“. Са српскословенског Митрополит Амфилохије. *Светијора* (Цетиње) 91-93 (1999): 16.

Стара српска поезија, зајиси и нађијиси, аренје. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Трифунровић, Ђорђе. „Две посланице Јелене Балшић и Никонова Повест о јерусалимским црквама и пустињским местима“. *Књижевна историја* V, 18 (1972): 289-327.

Смедеревский проповедник

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ДЕСПОТУ ДЖУРДЖУ БРАНКОВИЧУ

Об авторе *Надгробного слова деспоту Джурджу Бранковичу* нет никаких точных сведений. Он условно назван Смедеревским проповедником, поскольку вполне вероятно, что творчество его проходило в рамках литературного центра Смедерева. О существовании такого средоточия ученых людей и художников в этой сербской столице свидетельствуют скудные следы произведений переписчиков и неизвестных авторов, а также композитора и переводчика кир Стефана Сербина. Надгробное слово сохранилось только в одном сербском списке, который находится в Одесской Университетской библиотеке и который опубликовал Любомир Стоянович.

Года 6965 (1456), 24 дня месяца декабря, преставился господин деспот Джурадж в городе Смедереве.

О, чуда страшного самый странный голос!

Тишайший и превысокий и во всем самый благопоучительный господарь мой, святыи и соборнейший лев, молчишь так и не подаешь мне медоточивого голоса, ни своей супруге, а нашей святейшей госпоже и царице, ни многожеланным и милейшим твоим чадам всем!

Как ты это учинил, скажи мне, о божественнейшая и священнейшая голова?

„Да, – сказал бы, – молчу и не говорю, ибо праведный Судия и Бог мой так повелел, поскольку я земным и бренным телом обложен, однако не молчу сейчас духовно, прикасаясь к Господу Богу моему насколько мне возможно и за своих и возлюбленных моих постоянно молясь, чтобы

им даровал победу над всякими врагами и напастями в нынешние времена“.

А нас, твоих, как ты оставил?

Как мы горькое и горестное сиротство претерпим?

Как перенесем мрачную ночь?

Кто защитит нас, рану разбереженную из-за твоего ухода?

Как мы суровую зиму и порывы бури и такие волны переживем, многоценного пристанища и жемчуга лишившись?

Как же чистыми глазами солнце увидим, когда наше наимилейшее [солнце] вдруг среди нас угасло скорбно и скорбно покрытое?

Как мы посмотрим на небо, которое горькое и тяжкое бремя преждевременно показало нам среди затуманенных звезд?

О звезда горькая, что это нам явила?

Который нам меч показал, что пожиная нашу жизнь, в которой нам печальное и незнаное известие объявлен?

Если бы мы знали, что горестное это знамение того времени из-за нас несчастных было, тогда Творца и нашего Создателя Господа Бога могли бы мы умолить о нестерпимом зле, от которого страдаем.

Как же нам недрожжащими ногами по земле ходить?

Какой свет наши сердца и колена ослабил из-за покрывания нашей честной и священной головы?

Без тебя усопшего как нам жить?

О, земля и солнце и воздух и остальное творение и все твари, что опаздываете?

Придите, с нами заплачьте, с нами зарыдайте, с нами поскорбите в скорби великой и нестерпимое претерпите.

Следует нам сказать: кто бы дал голове нашей воду и глазам нашим источник слез, чтобы как приличествует скорбь и печаль горькую выплачем.

Да недостаточно нам капель дождевых и речных вод потоков вместо слез, чтобы мы исполнили должное.

Где наша сладчайшая жизнь скрывается?

Где свет очей наших угасает?

Где от юности до старости сила и крепость, которых ужасались и поражались цари земные, и начальники и князи еретические, ибо твои сражения и победы превзошли те у древних, великих и дивных мужей Ахила, Самсона и Александра и иных всех наисильнейших?

Где тот самый львиный голос, из-за которого тебя Царственнейший и Могуущественнейший Господь поставил славным?

Где прекрасный и для странников желанный взгляд очей твоих и свет лица, которым, как магнит железо притягивая, защищая и предводя, сделал ты послушной волю достойных, радуя, оживотворяя и к высям устремляя всех? А для врагов не желанный он, ибо по справедливости ты смотрел и страх вызывал и мрачных отгонял одним лишь взглядом.

Где христоподражательное сердце и руки, которыми ты на все четыре стороны света милостыней и дарами осыпал?

И ты седмоверхий, прежде великий град Константинов, а ныне последний из всех наименьших городов и наименьший царский престол несчастных христиан, рыдай прежде о себе праведно осужденном, ибо плача и рыдания достоин стал, из-за гибели, которая тебя настигла, и другой изменившийся от нечестия, рыдай.

А рыдай и сейчас о праведнейшем и блаженнейшем и святом нашем господине Георгии, деспоте всех Сербов, столь священном и честном, благороднейшем доме, всех кормильца и старателя.

Твои прежние чада, а сейчас, лишившиеся тебя, горькие пленники, будь то архиереи, и священноиноки, и духовники, и священники и вообще все люди, богато милостыню и благодеяния при жизни блаженнейшего и святейшего господина нашего принимавшие, источник милости познавшие, богато благоразумием одаренные и

исполненные – с нами, без меры, заплачьте, с нами зарыдайте, с нами взвопите: увы, увы!

С великим восклицанием взвопите, каждый из вас в себи, взвопите: увы мне, увы мне!

О, наша великая тщета!

Ты заступничеством был, святейший господарь.

О сколько зла мы претерпели!

О скольким ужасом и страхом исполнены были!

Насколько бы возможно было продолжительность времени нависшей над нами темной и мрачной тучи облегчить или пресечь?

Если бы мы и камнями были, даже и самыми безчувственными камнями, то не могли бы эти твои столькие и такие благодеяния предать забвению. Только тогда забудем твой милейший взгляд и дары, кода нас покроет всепоглощающая земля.

Ты же, чуднейший и святейший господарь мой, покрытый трехлоктевым гробом, как принимаются блага, которые ты приготовил неисчерпаемым источником милости, имея помощницей святейшую и всегда светлейшую всеми очевидными достоинствами украшенную свою супругу, а нашу богоподражательную святейшую госпожу царицу –

когда примешь за святейшую и достоинствами исполненную свою жизнь, которую ты прожил, всех превзойдя благочестием своей жизни, а прежде всего благочестивых царей, которых – великих и в посте и в благодеяниях – ты, блаженнейший, венец мученический принял промыслом Божиим за жестокие страдания, приближаясь к концу жизни,

находясь же, за эти и все твои благие дела учиненные, близ праведного Судии, Которому ты достойно и благочестиво послужил, и примешь селение райское, радуясь с Авраамом, Исааком и Иаковом и со всеми праведными,

молишь, блаженнейший и святейши господарь, за всех своих, за свою супругу и святейшую нашу госпожу

и царицу, чтобы от всяких бед избавиться в нынешней жизни, а при скончании чтобы ей, как праведнейшей и благочестивейшей, дарована была мирная и праведная кончина.

Молись за своих отпрысков, ибо от доброго корня добрые ветви расцветают, за благороднейшего и высоко-го деспота всех Сербов и святого господина нашего Лазаря, просвещенного всякими благими делами, чтобы видел возрастание чад и сыновей сыновей и подъем к лучшему, ибо в этом святое твое моление будет нужнее всего, чтобы его наследником твоим и светлейшим и святым господином поставил, поскольку из-за твоих молений благороднейший всех врагов под ногами иметь будет, а всех ему послушных достойно питать и направлять, достойную благодарность воздавая Всеподателю Богу.

Молись, о блаженнейший, о целомудреннейший, и за многорыдающую твою и святейшую дочь, которая красоте и время тела истратила из-за истинной веры в Бога и благочестия, родительской любви и благого повиновения.

Молись, о блаженнейший, за честнейших двоих ближайших твоих чад, а наших господ, столпов благочестия, живых мучеников, которые нынешнего света лишены из-за истинной веры и повиновения и которые являются наследниками духовного света и вечной жизни, ибо все тебе возможно, святейший, как присному слуге Господа и божественных Его заповедей творителю и исполнителю.

А меня, триокаянного слугу и молебника, где ты оставил?

Хотел бы я, чтобы с твоим святым уходом ушла и моя несчастная душа, но этого не будет из-за моих грехов.

Где я найду ежедневные благодеяния твои?

Где найду сладчайшее и медоточивое твое приветствие, которое меня радовало и напояло, проникая в глубину вплоть до костей и до самого мозга?

Никогда этого не найду, а буду отныне стенать, плакать и рыдать все до конца моей жизни.

Придите же все, новый собор составим из ему близких архиереев, и начальников, и священноиноков, и монахов, и несчастнейших жителей Константинова града и всего христоименитого Господнего народа, и руки свои поднимите, и с великим воплицианием праведному Судии всех и Человеколюбцу Богу со слезами от всей души молясь Ему, воскликнем:

„Човеколюбче, Властителю храбрых и святых господ, учини, что они были там, где свет посещает лице Твое, радуя всех святых твоих: в книге жизни, в райской обители со светлыми ангелами, с Авраамом и Исааком и Иаковом, с праведными, преподобными, всеми мучениками. Молясь об этом, имея возле себя Пресвятую и Пречистую Владычицу Богородицу, собор апостольский и пророков и всех святых, их молитвами удостоимся получить то, что просим.

ЛИТЕРАТУРА:

Драгин, Наташа. „О језику надгробне речи деспоту Ђурђу Бранковићу“. *Јужнословенски филолоџ* 56, 1-2 (2000): 379-386.

Из наше књижевности феудалној доба. Избор, редакција, превод и коментари Драгољуб Павловић и Радмила Маринковић. Предговор Драгољуб Павловић. 2. допуњено издање. Сарајево: Свјетлост, 1959. [Треће и четврто издање: Београд: Просвета, 1975. Библиотека Просвета, књига 102]

Из старе српске књижевности. Превео и саставио Миливоје М. Башић. 4. исправљено и нешто допуњено издање. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1931.

Надгробна реч десиоџу Ђурђу Бранковићу. Приредио Ђорђе Трифуновић. Смедерево: Градска народна библиотека, 1980.

Стара српска књижевност. Хрестоматија. Приредио и превео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет; Крагујевац: Нова светлост, 2000.

Стара српска поезија, зајиси и најйиси, аренје. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Сѣтари срѣски хрисовуљи, акѣи, биографије, леѣойиси, ѣи-ѣици, ѣоменици, зайиси и др. Прибрао их Љуб. Стојановић. У Београду: Државна штампарија Краљевине Србије, 1890. (Споменик. Српска краљевска академија, 3).

Стојановић, Љуб. „Из наше старе књижевности. I, Надгробна реч деспоту Ђурђу Бранковићу“. *Срѣски књижевни ѣласник* VIII, 2 (1903): 80-89.

Трифунровић, Ђорђе. „Надгробна реч деспоту Ђурђу Бранковићу од Смедеревског беседника“. *Књижевна историја* XII, 46 (1979): 295-314.

Antologija stare srpske književnosti (XI-XVIII veka). Izbor, prevod i objašnjenja Đorđa Sp. Radojičića. Beograd: Nolit, 1960.

Димитрий Кантакузин

МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ

Эта молитва относится к очень редким поэтическим произведениям древней сербской литературы, которые написаны силлабическим стихом. Тематически она обращена к личным переживаниям в связи с неизбежностью смерти и стремлением спасти душу. В рефлексиях поэта преломляется обстановка мрачных времен, когда турки захватывают сербские земли и господствуют на них. Эти мотивы пронизывают также *Послание кир Исаии* Димитрия. *Молитва* переведена со списка конца XVI века, который находится в рукописи собрания Библиотеки Матицы Сербской, номер PP 158, на страницах 51а-59б, в издании Георгия Данчева (Б. Ангелов, Г. Данчев, С. Кожухаров, Г. Петков, Димитър Кантакузин. *Събрани съчинения*).

Молитва с умилением Пресвятой Владычице нашей
Госпоже Богородице, с малой похвалой, произведение
Димитрия Кантакузина, в стихах, слаще меда и сот

Всех царей и Бога Мати благая,
всех Творца родила единственная,
всех жизнь, свет и благодать,
всех желаний и благих завершение.

Откуда начну я плакать, о Дево,
откуда начну молиться, благая,
с каких слов или обращений, честная,
от какого сердца, от какого языка?

Весь осквернен и нечист я, жалкий,
весь смердящ и во грехах я, горе мне,
весь отвергнут, поскольку беззаконный,
весь и всегда греху служивший доныне.

С исповеданием прихожу сейчас,
со срамом и смиренной совестью,
со слезами и стенаниями и воздыханиями,
со единственной на Тебя надеждой.

Все в законе и благодати,
все прошел я с преумножением,
всяким лукавством дьявольским,
всякими беззакониями, горе мне.

Больше блудного сына блудил я,
больше блудницы беззаконным проявил себя,
больше мытаря и разбойника,
больше Анания и Сапфиры, горе мне.

По Каину душу убил, как он брата,
по Исаву нечист и неводержан,
по Содомлянам огонь ожидаю и серу,
по грешникам всем древним равняясь.

Каких только зол не учинил я самовольно,
каких грехов не учинил самовластно,
каких мерзостей не натворил сладострастно,
какого срама не сотворил любосластно!

Что сказать и что промолвить, не знаю,
что учинить, наиблуднейший, не знаю,
что ответить Судии, не имею,
что прежде оплакать из своих зол, не знаю!

Оплачу ли блудную мою жизнь,
оплачу ли преступление клятвы,
оплачу ли грабежи и неправды,
оплачу ли уныния и отчаяния?

Возрыдаю ли из-за невоздержания многого,
возрыдаю ли из-за высокомерия столького,
возрыдаю ли из-за горделивых мыслей,
возрыдаю ли из-за преходящей суеты?

Плачь, душе моя окаянная, плачь,
плачь, сердце мое с утробой, плачь,
плачьте, глаза, непрестанно плачьте,
плачьте, все члены мои, плачьте!

Один я отпал от Бога моего.
один я из христиан растерял блага,
один я предан дьяволу добровольно,
один я унаследую ад горько.

Увы, моя погибель добровольна,
увы, какой смерти жду мучительной,
увы, жестокого разлучения души,
увы, без конца муки там, где буду!

Представь, душа, какого ждешь конца,
представь горечь разлучения мучительного,
представь страх и боль тогда,
представь и затрепещи и ужаснись.

Ангела немилостивого жду, что придет,
ангела моей негодной жизни,
ангела не щадящего, а мучителя,
ангела огненного, а не милосердного.

Не знаю, послан ли он взять меня сейчас,
не знаю, время приближается ли уже,
не знаю, спешит ли он с оружием,
не знам, это ли смертная ночь.

Нет тогда помощи от друзей и знакомых,
нет и од братьев, детей и сродников,
нет и от богатства никакой пользы тогда,
нет помощников, ни избавителей.

Тогда глаза скорбно опустишь,
тогда язык вдруг не заговорит,
тогда пламя все внутри охватит,
тогда силы телесные иссякнут.

Смерть лютая все же придет и конец,
смерть и разлучение вместе,
смерть отсюда переводящая туда,
смерть в темной ночи как лазутчик.

Темного меня во тьму ада пошлет,
темных дел дьявола я итог,
темно потому возлюбил ангелов,
тьму темно избрал, темен весь был.

Кто не заплачет по мне, о любимые,
кто не взрыдает по мне, о друзья,
кто не вздохнет по мне, слыша о таком зле,
кто не прослезится по мне, ожидая такое?

Прежде смерти мертв воистину я,
прежде суда совестью осужден,
прежде мук в мыслях скрежещу зубами,
прежде кончины мучиться стал безмерно.

Потому пугаюсь разжигания огня,
потому жестокого скрежета зубов ожидаю,
потому боюсь и червей кишащих дел,
потому внешняя тьма обители для меня.

Меня тартар и бездна пусть оплачет,
меня ада темное дно пусть пожалеет,
меня, в нему жить пожелавшего,
меня, любителя тьмы, а не света.

Преходяща эта жизнь и тщетно время,
проходит быстро да издевательски,
преходящести этой не знают мужи,
проходят же знаки этого света.

Почему был удостоен родиться я,
почему, родившись, не пострадал,
почему на мне сошлось два рода-колена,
почему не просвещен я и гробу предан?

Как обрести по рождению смерть,
как одолению преходящести предаться,
как не испытать жизни худших,
как пройти без мира сего грехов?

Таковы слова, заимствованные у Иова,
так говорят обычно праведники,
так раскаиваюсь я за свою жизнь,
так, как Царства наследники говорили.

Коль так они, то мне грешному что делать,
коль спасенье для всех, то где окажусь я,
коль для них страшна тайна смерти,
коль это так, куда мне повернуться?

Нет мне с такими делами жизни,
не живу я в благочестии,
не жду смерти мирной и кроткой,
не жду и после смерти покоя.

Если же и так боли нестерпимы,
если это зуб либо если глаз больной,
если голава, если рука, если чрево,
если боли охватывают лишь части тела, то

Будущие страдания всех частей вместе,
будущее разлучение души и тела,
будущий ужас грозных и мрачных лиц дьявола,
будущее в аду вечное мучение –

как вытерплю я, несчастный и жалкий,
как перенесу неопишемую боль,
как буду смотреть на те лица дьявола,
как мытарства пройду воздушные?

Что теперь несчастный осмысливаю,
что теперь мне будет непременно,
что себе сам злобно приготовил,
что так зла смущаюсь и страшусь,

Как не то, что от Бога своего отпал,
что и пред ангелами разоблачатся мои дела,
что откроется позор моих прежних беззаконий,
что и со святыми разлучение слезно.

Лишен я милого моего Владыки и Бога,
лишен сообщества божественных мужей,
лишен прекрасного созерцания святых ангелов,
лишен всех райских благ и царства.

О, в каких местах меня встретят,
о, злосчастная перемена и погибель,
о, моя окончательная ничтожность,
о, страшные мои ожидаемые мучения!

Судище страшно, а Даниил меня ужаснул,
суда боюсь и трепещу пред осуждением,
судия праведен и грешным страшен,
суд без милости не учинившим милость.

Теперь вас прошу о частице спасения,
теперь беспокою вас, отторгнутые от мира,
теперь вас, богатые и бедные, прошу,
теперь, если кто в грехах мне подобен.

За меня слезу, любимые, источите,
за меня мольбы, православные, ниспошлите,
за меня, сродники и друзья, за меня, прошу,
за меня – все суда страшого ожидающие.

К Деве припадите, молясь,
ко Владычице излейте молитвы,
к упованию и надежде грешных,
к моему прибежищу и покрову.

Ничто для Нее не невозможно,
ничто не противно, если только пожелает,
ничто не ошибочно от царицы рода,
ничто для нее не больше милости.

К кому блудный и оскверненный прибегну я,
к кому вздохну из глубины,
к кому стенания обращаю голос,
к кому прибегну, чтобы надо мной смиловался?

К Тебе, единому грешных прибежищу,
к Тебе, скорому утешению несчастных,
к Тебе, безвозмездному исцелителю больных,
к Тебе, взволнованному пристанищу.

Да не отвергнешь меня, Владычице,
да не погнушаешься меня гнусного,
да не отвернешься во гневе от меня,
да не будет Тебе мерзка молитва моя.

Не имею надежды, кроме Тебя, чистая,
не имею иной надежды,
не имею сокрушения сердца,
не имею ни капли вытекших слез –

чем бы озлобил дьявола,
чем бы хотел избежать места мучения,
чем бы хотел добиться милости,
чем бы хотел обрести наслаждение блаженства.

Вновь Тебя со страхом и любовью зову,
вновь Тебе вопию во весь голос,
вновь Тебе говорю несмело,
вновь безнадежный для надежды верных.

Не получал ли кто из блудных милости,
не был ли кто из оскверненных помилован,
не был ли и нечистый возвращен,
не был ли и ненавидимый пакостник спасен?

Да не будет тщетным мое моление,
да не будет отвергнуто мое обращение,
да не лишусь я надежды на спасение,
да не останусь в стыде, посрамленный.

Избави меня от мук и смерти, Дево,
избави меня от грозных и скверных лиц бесов,
избави меня от всякого мучения,
избави меня от пламени тартара и ада.

Ангела мирного, тихого разлучника,
ангела кроткого пошли тогда, Царице,
ангела, который меня введет в ту жизнь,
ангела света направь мне, Преплагая.

Жизнь мою подтверди Благому,
жизнь не срамную вдвойне дай мне,
жизни в радости надеюсь,
жизнь мою к вечной переведи жизни.

Удостой меня причащением Тела,
удостой меня вместе Пречистой Крови,
удостой и почествуй неосужденно,
удостой неопалимо и просветленно.

Всех зол и печалей избави, Пречистая,
всех бед и скорбей освободи и не посрами,
всех благ удостой выше надежды,
всех напрасно меня ненавидящих посрами.

Жалкий мой ум возвысь,
жалких из-за печали развесели,
жалким не дай отчаяться, Единственная,
жалких через надежду избави.

Неизреченных Твоих благ наслаждался,
неизреченных удостоися милостей,
неизреченны те благодеяния,
неизреченных милости и милосердия.

Какие же слова привести могу,
какие из них прежде всего скажу,
какие прежде по долгу высказываются,
какие ли в похвалу достойную –

к величию божественной славы,
к высоте все превосходящей,
к безмерной той похвале и пучине,
к сугубому радованию всех?

Та лестница, которую Иаков видел,
та, по которой Бог на землю сошел,
та купина неопалимая на Синае,
та утроба приняла пламя божества.

Она руном Гедеоу была,
она без шума приняла Слово Отца,
она свитком запечатанным явилась,
она – веленареченная, похвальна.

О ней пророки прорекли прежде,
о ней апостолы научали,
о ней иерархи исповедали ясно,
о ней мученики венчались.

Ей преподобные радуются всегда,
ее девства произведение была чистота,
ее силой была жен немощная природа,
ею девам и матерям была слава.

Она есть одушевленный Божий престол,
она неуместимое вместила,
она Адама избавила преступничества,
она Еву ослободила от древнего проклятия.

Ее ради воюющих мы примиряли ,
ее ради с ангелами ликуем,
ее ради раем царство заменили,
ее ради на спасение надеемся.

Ее чтить по достоинству невозможно,
ее похвалить по возможности мы должны,
ее неумолчными голосами восхвалить,
ее – всех людей и мою вместе радость.

Ты моя надежда, Владычице,
ты упование, ты и прибежище,
ты покров и заступление и помощь,
ты заступница и спасение.

Тобою доньше в благодати я,
тобою среди православных удел,
тобою возрастание прохожу,
тобою пищей рая наслажусь.

Ее, свет для помраченных моих глаз,
ее, радование для моего сердца,
ее, на благодать наставницу мою,
ее, от зла и мук освободительницу мою.

Дерзновенны мои подход и речь,
дерзновенно без смелости приступаю к Тебе,
дерзновенным меня милости твои делают,
дерзая, с радостью и страхом взываю.

Тебе, моя Всецарица, отдаюсь,
Тебе себя всего предаю, Дево,
Тебе, обо мне заботящейся,
Тебе, данной мне, чтобы не посрамился.

Ты обо мне заботься, благая,
ты меня удостой спасительного удела,
сама Своему Сыну помолись за меня,
сама меня избави от вечных горьких мучений.

Это Тебе приношу исповедание,
это Тебе приношу молебные голоса,
это пусть и малое похваление,
это, сколько в моих силах, радость моя.

Прими, о Всецарице, прими,
прими и не отвергни и не погнушайся,
прими, Бога в утробу принявшая,
прими, как вдовицы две лепты .

Даруй дар, который хочешь и изволишь,
даруй дар, достойный твоей благодати,
даруй мне Бога моего милости,
даруй злым освобождение и добрым сладость.

Радуйся, дабы радостно звал я Тебя всегда,
радуйся, вышних и дольних радость,
радуйся, прерадостная чистая,
радуйся, что Господь с Тобою. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Ангелов, Боньо, Г. Данчев, С. Кожухаров и Г. Петков. *Димитър Кантакузин. Събрани съчинения*. София: Българска академия на науките: Институт за литература, 1989.

Ангелов, Боньо. „Димитър Кантакузин“. *История на българската литература* (София) 1 (1962): 373-379.

Ангелов, Боньо. „Няколко нови вести за книжовно дело на Димитър Кантакузин“. *Известия на Института за българска литература* (София) II (1954): 249-262.

Бјелогрић, Весна. „Молитва Богородици Димитрија Кантакузина према препису у Архиву Српске академије наука и уметности“. *Археографски прилози* 6-7 (1985): 259-273.

Бјелогрић, Весна. „Општа места и мотиви у Кантакузиновој Молитви Богородици“. *Књижевна историја* XVIII, 67-68 (1985): 227-243.

Бојовић, Драгиша. „Анагошки смисао песме 'Молитва Богородици' Димитрија Кантакузина“. *Башићина* (Приштина) 2 (1991): 53-58.

Бојовић, Драгиша. „О неким иконографским елементима Кантакузинове 'Молитве Богородици'“. *Универзитетска мисао: часопис за уметност* (Приштина) 1 (1993): 25-27.

Бојовић, Драгиша. „Слово о љубави новобрдског песника Димитрија Кантакузина“. *Летопис Машице српске* год. 181, књ. 475, св. 16 (јун 2005): 1042-1050.

Бојовић, Драгиша. „Српска књижевност 15. века и 'последња времена'“. У *Српска књижевност у доба Десџиовине*, приредиле Радмила Маринковић, Јелка Ређеп и Гордана Јовановић, 165-173. Деспотовац: Народна библиотека «Ресавска школа», 1998.

Бојовић, Драгиша. *Песник будућеј века. О поезији Димитрија Кантакузина*. Приштина: Нови свет: Народна и универзитетска библиотека у Приштини, 1995.

Данчев, Г. „Списки „Молитвы к Богородице“ Димитрия Кантакузина в книгохранилищах СССР“. *Труды Отдела древнерусской литературы* (Ленинград) XXXI (1976): 393-396.

Јовановић, Томислав. „'Молитва Богородици' Димитрија Кантакузина у рукопису 404 старе збирке Народне библиотеке Србије“. *Археографски прилози* 17 (1995): 133-180.

Јовановић, Томислав. „Три нова преписа Кантакузинове Молитве Богородици“. *Прилози за КЈИФ* LXXIX (2013): 141-163.

Кантакузин, Димитрије. *Дела*. Приредио Ђорђе Трифуновић. Београд: Нолит, 1963.

Павловић, Миодраг. „Димитрије Кантакузин и његова Химна Богородици“. *Летопис Машице српске* 424, 1-2 (1979): 108-116.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Димитрије Кантакузин српски књижевник византијског порекла“. *Стремљења* (Приштина) II, 2 (1961): 147-155.

Радојичић, Ђорђе Сп. „Крајње песимистички песник код Срба у другој половини XV века“. *Летопис Машице српске* 388, 5 (1961): 365-386.

Ружић, Жарко. „Српскословенски јамб Димитрија Кантакузина“. *Зборник Мајице српске за филологију и лингвистику* XXVII-XXVIII (1984-1985): 671-677.

Сйиси Димитрија Канѿакузина и Владислава Грамѿиѿика. Приредила Јасмина Грковић-Мејдор. Београд: Просвета, 1993. (Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 14)

Стѿара срѿска књижевностѿ. Студија и избор Ђорђе Трифуновић. Београд: Југославија, 1967. (Библиотека Књижевност у школи, књига 1).

Стѿара срѿска ѿоезија, зайиси и натѿиѿиси, аренѿе. Приредио Томислав Јовановић. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2013. (Антологијска едиција Десет векова српске књижевности, књ. 5).

Тахиаос, Антоније-Емил. „Песма Богородици Димитрија Кантакузина у хиландарским рукописима“. У *Зборник исѿиорије књижевностѿи*, Књ. 10, уредник Војислав Ђурић, 181-196. Београд: Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, 1976.

Трифуновић, Ђорђе. „Без воде жедни. Страдања Новобрђана и Песма Богородици Димитрија Кантакузина“. *Књижевностѿ* XXXIII, 9 (1961): 193-205.

Трифуновић, Ђорђе. „Пред дверима смрти. Живот и дело песника Димитрија Кантакузина“. *Књижевностѿ* XXXVI, 3 (1963): 238-257.

Патриарх Паисий

ПОСЛАНИЕ ПАПЕ УРБАНУ ВОСЬМОМУ

В своем последовательном отстаивании того, чтобы Сербы в очень трудные времена турецкого рабства оставались в лоне Православия, а не перешли по призыву папы в Унию, патриарх сербский Паисий направил 2 ноября 1642 года *Послание папе Урбану VIII*. Отправил он это *Послание* при посредстве папского легата Франческо де Леонардиса и экклезиарха Печской Патриархии Ефтимия. Данную эпистолу Паисий составил, имея в качестве образца аналогичные адресованные сановникам Западной Церкви послания православных патриархов. Подобное этому Паисиеву послание встречается в одном списке последней четверти XV века в монастыре Николяц, номер 52. Его Антиохийский Патриарх Петр направил Венецианскому архиепископу Доминику и обосновал ему употребление квасных и безквасных хлебов. Вполне вероятно, что Паисий при составлении своего *Послания* имел возможность непосредственно использовать сборник правового содержания, который в Яневе в 1620 году переписал иеромонах Авксентий, оставивший об этом запись. Рукопись теперь находится в собрании монастыря Хиландар под названием «Законник» и хранится под сигнатурой 301. В нем, наряду с иными сочинениями, содержатся *и Поведание об отлучении Латинян* и *Послание цариградскою патриарха Михаила Петру Александрийскому о ересьях латинских*. Патриарх проявил искусство в защите православного вероучения, основываясь на решениях семи Вселенских соборов. При этом он остановился на вопросе употребления квасных или безквасных хлебов в святом таинстве Евхаристии, как и на вопросе *filioque*. Неоднократно ссылаясь на библейские высказывания, он постарался, чтобы ответ папе имел как можно большую обоснованность учениями предков. *Послание* сохранилось в списке, который находится в Ватиканской библиотеке под сигнатурой *Scritture Originali riferite nelle Congregazioni Generali*, vol. 264, f. 347a-348a. Перевод даем по *Собранию сочинений* Патриарха Паисия.

Тому, кто в милости Пресвятого Духа живет и великому и превысокому сопрестольнику апостола и учителя вселенского, великого и славного хранителя благ небесных, Слова Святого, и начальнику западных и восточных стран?, светилу и учителю римского языка, великому и предивному и Богом избранному святейшему господину отцу папе Урбану Восьмому

Я, много в смиренности кланяясь и святые стопы твои лобызая, молю Господа Бога и Пречистую Его Матерь о долголетней жизни и долговечности и в мире и в мирном правлении, которое на неприятелей и супостатов ведешь.

Поскольку к нам прибыл многопочитаемый господин Франциско Леонарди, муж воистину примерный и ученый, по указанию, как говорит, твоего святейшества и Священного совета по распространению веры и поскольку он советовался с нами общения ради и объединения престолов. Известно, что твоя святость Богу известна и [что Он] дал полномочия и нашей смиренности. Хотя существуют некоторые различия между нами, а также и в служении, и вышепомянутый архидиакон нами и нашими иеромонахами принят, мы держимся переданного нам от святых апостолов и святых семи соборов. И ви знаете это хорошо. И ми веруем и признаем то, что нам передано: Адам один из нас, тело и страдания и мучения Христовы есть. И почитаем и „Веруем во Единого Бога Отца Вседержителя“ до скончания и в скончании, и в Духа Святого, от Отца исходящего и на Сыне почивающего, Господа животворящего; Которому с Отцом и Сыном поклоняемся и славим, и остальное. Христос – Бог Сын и Слово, воплотившийся, лице невидимого Бога. Поэтому Он сказал Филиппу апостолу: „Видевший Меня видел и Отца“ (Ин. 14, 9) Смотри: Разум непрестанно Словом исходит от Духа. Так рождается Слово от Духа и повсюду витает, а от Духа никуда не уходит. Пророк Давид сказал: „Словом Господ-

ним небеса утврдились“ и Духом. Видишь ли, что Отец есть начало для Сына и Духа. И еще Псалом 35: „Ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет“ (Пс. 35, 10). Разумей, что Отец – источник жизни: „И во свете Твоем мы видим свет“, в Сыне Святой Дух, и потому: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу». И в Псалме 138 лице есть Иисус Христос – разумей, Отец есть начало Сину и Духу. И в [50] псалму: „Не отвергни меня од лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня“ (Пс. 50, 13-?). Лице есть Сын; не говорится нигде, что Дух от Слова. Если они и одно по божеству, но в этом есть Син, Который от Отца. Воистину начало – Отец, от Которого есть Слово, и от Него – Дух, ибо Словом и от человека Дух исходит. Затем Исаия говорит в 61 главе: „Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня (Ис. 61, 1) и иное. Разумей здесь, что Дух от Отца исходит, на Сыне почивая. И еще Исаия сказал в 42 главе: „Вот Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него“ (Ис. 42, 1) и иное подобное. Исаия сказал в 41 главе – по ищи в Библии: „Не бойся, раб Мой Иаков“ (Ис. 41, 10) и продолжил: „... которого Я избрал; ибо Я изолью – сказал, – ... изолью Дух Мой на племя твое и благословение мое на потомков твоих“ (Ис. 44, 3). Кто есть племя Иаково? Очевидно, что Христос, Сын Божий, тело принявший от племени его, помазался Духом Святым. И затем Петр апостол в *Деяниях*, глава десятая, говорит об этом: „Иисуса из Назарета помазал Бог Духом Святым и силой“ (Деян 10, 38), а Иоиль во второй главе: „И, – говорит, – будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть...“ (Иоил 2, 28). Разумей здесь, что здесь не слова «излием от Духа Нашего, Я, Отец, и Сын Мой», но «от Духа Моего». И всюду находим от одного лица: и «начало Слова и Духа», и не «от Сына Дух». Ради Сына от Отца исходит. И на Иордане Сыну крещаемому Дух Святой от Отца изошел и пришел. И в Ветхом и в Новом Завете повсюду

ты найдешь одинаково написано: от Кого Сын, от Того и Дух Святой – Оба от Отца, а Отец ни от кого, подобно как от огня свет, то есть луч и тепло. Огонь есть Отец, луч – Сын, тепло – Дух, не сначала огонь, а затем луч и тепло. Не бывает так, а коль есть огонь, тем самым есть и луч и тепло. А к тому же, как Сам Христос о Духе говорит: „Он Меня прославит, ибо от Моего примет“, (Ин. 17, 14) и Сын исходит от Оца и идет. Затем Христос еще говорит: „И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа Истины“ (Ин. 14, 16-17) – ищи Иоанн, зачало 14. И затем в зачале: „Если, – говорит, – Я не пойду, Утешитель не придет к вам“ (Ин. 16, 7), а имели Его от Отца искони в себи. И потому не говорит, „что Я буду просить Отца“ (Ин. 16, 26). Чтобы мы понимали Отца [как] начало Сына и Духа. Сам Христос говорил и исповедовать научил, что от Оца Дух Святой Сыном появляется и оттуда начало имеет и исходит. Мы веруем и признаем, и чтобы не думали вы, братья Латиняне, что мы не почитаем Дух Святой – Отцов и Сынов. Не дай Бог! Ибо Дух Святой есть и Отцов и Синов, но от Отца Сыном исходит. И вы укоряете нас, что исхождение Святого Духа только от Отца названо, а не от Сына. Мы говорим с верой в Единого Бога, то есть что святые вселенские Первый и Второй соборы утвердили, знаете об этом хорошо, как мы уже и выше высказали, „Веруем в Единого Бога и Духа Святого“, Который от Отца изошел. Так есть. И проклинали и утвердили (того), кто разрушит или изменит то, чего мы держимся. Павел апостол сказал: „Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его“ (Рим. 8, 9). И для того послал Бог Дух Сына Своего в сердца ваши. Видишь ли, от Кого Сын, от Того и Дух. Все, что имеют Сын и Дух, от Отца имеют. Отец и Сын и Дух равны божеством. Начало Сына и Духа есть Отец. Это предоставляю вашей любви, чтобы не говорили, будто мы из святых книг не научились. И, значит, Един Святой Дух, Един Господь Иисус Христос, Сын во славу Бога Отца. Аминь.

А о других святых множествах, которые в согласности со Святой Троицей, что Сыну и Духу есть начало Отец, нам недосуг писать. И затем о пресном хлебе предстояло нам много говорить, однако нам не было возможно из-за насилия иноверцев. И как Господь передал Иакову веру Божию, научив его священнодействовать: „Взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Мое“ (Мк. 14, 22), а также и чашу вина налив, как и теплой воды, сказал: „Пейте из нее... Сие есть Кровь моя Нового Завета... Это делайте в память обо Мне“ (Мк. 14, 23-24) и иное. И не сказал, что безквасный хлеб нужно готовить. И также на Тайной вечере квасным хлебом угощались, как вы и сами знаете. Из-за этого посылаем [это] вашей святости посредством вышеупомянутого архидиакона, честного отца Виченцо, архимандрита отца Евфимия стража этого монастыря Успения Богородицы, с чем, во имя нашего смирения и покорности, святые стопы твои лобызаем, просим и молим вразумить нас, сколько можете. Вам возможно все, а мы в скорби и печали. И все же надеемся, что вышеупомянутые наши посланники примут некую помощь и милость од отеческого милосердия святейшества твоего.

И мы предлагаем, как сказали тому архи diakону, что поставим в помянник имя святейшества твоего и прежних пап римских, как, знаем, было в старые времена. И пошлите нам письмо, если что соборно решали святые отцы восточные и западные, дабы мы знали, хорошо ли то, что мы держимся переданного нам от святых апостолов и святых соборов. И Господь призывами святых да соединит, так, чтобы мы были одно стадо с одним пастырем в Самом Господе нашем Иисусе Христе. А Ему да будет слава и сила со Отцем и Пресвятым Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА:

Јачов, Марко. *Сѣиси Конїреїаѣје за ѣроїаїанду вере у Риму о Србима 1622-1644*. Београд : Српска академија наука и уметности, 1986. (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Друго одељење. Српска академија наука и уметности, књ. 26)

Јовановић, Томислав. „Две посланице патријарха српског Пајсија“. *Исѣйочник* I, 3-4 (1992): 70-74.

Јовановић, Томислав. *Књижевно дело ѣаѣријарха Пајсеја*. Београд: Свети архијерејски синод Српске православне цркве, 2001.

Пајсије, патријарх. *Сабрани сѣиси*. Превод, предговор и коментари Томислав Јовановић Београд: Просвета: Српска књижевна задруга, 1993. (Библиотека Стара српска књижевност у 24 књиге, књига 16)

Хресѣомаѣија средњовековне књижевносѣи. Том 2, *Срѣска књижевносѣи*. Приредио и на савремени српски пренео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет, 2012. (Библиотека Српска књижевност. Филолошки факултет, Београд. Коло Стара српска књижевност, књ. 1)

Ерофей Рачанин

ПУТЕШЕСТВИЕ КО ГРАДУ ИЕРУСАЛИМУ

Как один из монахов монастыря Рача на Дрини, Ерофей при Великом переселении пришел в угорские земли. Жил во второй половине XVII века и первых десятилетиях XVIII века. Умер н после 1727 года. Свои воспоминания о путешествии в Святые места на протяжении 1704 и 1705 годов Ерофей написал лишь в 1727 году во фрушкогорском монастыре Ремета. В этот путь он отправился с еще шестью паломниками, двое из которых – монахи монастыря Раковица возле Белграда, а остальные – светские люди из Белграда и Ирига. Необично то, что с ними путешествовала и одна женщина, супруга Йована Параносича из Ирига. Автограф *Путешествия* не сохранился, так как в середине XIX века уничтожен при большом наводнении в Сремских Карловцах, где он тогда находился. Сходство этого произведения с проскинитариями наблюдается в упоминаниях мест ночлега и перечислении святых мест, которые посещаются. Путь Ерофея от Белграда по долине Моравы и Вардара вплоть до Солуни обозначен указанием последовательности мест отдыха. Так же он передал и воспоминания о пребывание в Египте, на Синае, в Иерусалиме и его ближних и дальних окрестностях. Его рукой переписаны в 1698 году путевые заметки Лаврентия Хиландарца, который неизвестно когда совершил путешествие из Хиландара в Иерусалим. В произведении выражены сильные впечатления автора от увиденного, чего нет в проскинитариях. Личный тон присутствует во всем описании путешествия. В отличие от скудного и типизированного упоминания природы в проскинитариях, Ерофей дает очень живые картины отдельных местностей. Его повествование в определенные моменты получает волнующие токи. Так, два описания бури на Эгейском море достигают высокой драматичности. Не меньшими переживаниями пронизано описание пути на корабле при возвращении из Святой земли, когда на путешественников напали пираты и отобрали у них одежду и драгоценности. Свое высокое умение наблюдать автор проявил, описывая Пасхальное богослужение в Великой церкви на Христовом гробе.

Это свидетельство его необычайно детальное. Оно ценно прежде всего богатством литургических подробностей, важных для изучения истории православного богослужения. Незаурядно в нем перечисление священных сосудов, вида храма, последовательности хода богослужения и всей атмосферы в храме, что невозможно найти у проскинитариях. Произведение Ерофея содержит и пласт записей различных легенд, которые рассказывали встреченные в пути люди. Они в основном связаны с известными топонимами и отдельными знаками. В той части сочинения, где говорится о посещении Святых мест, множество библейских личностей и притч. Этого рода упоминания Ерофей, вероятнее всего, приводил на основании рассказов проводников, которые таким образом в памяти паломников вызвали библейское прошлое. Все это присутствует также и в проскинитариях, однако в значительно меньшем объеме. Повествованию Ерофея в большой мере свойственно использование полисиндетически союза „и“, что как стиливое явление встречается у большинства средневековых авторов прозы. Простота его повествования во многом обусловлена природой самого жанра. Можно сказать, что это первый настоящий сербский автор путеописаний, хотя стилистически он все же стоит весьма близко от сербских проскинитариев. Монотонность нередких перечислений обычна для такого рода сочинений. Иногда фразы Ерофея приобретают исключительную насыщенность, переходящую в эллиптичность. Чаще всего это определенные замечания, с помощью которых писатель выражает свое удивление, восхищение или содержательную констатацию. Описание путешествия мы перевели по изданию Осипа Бодянского.

Год от сотворения 7212, а от Рождества Христова 1704, месяца июля 7

Отправились мы из Белграда и пришли в монастырь Раковица на первый ночлег. И там гостили три дня. А из монастыря оттуда пошли Григорий иеромонах, и Виссарион иеромонах, и Салачий из Белграда пошел, и Станое, и из Ирига Йован Параносич и жена его Неда, и из Београда Дулджерина сын Павел. Семеро нас вместе пошло.

Второй ночлег – в Гроцкой. И там провели мы три дня. И там чуть было турок не ударил Григория топором, за то, что читал часы на балконе.

Третий ночлег – Хасанпашина Паланка.

Четвертый ночлег – Баточина.

Пятый ночлег на Мораве, на мосту ягодинском. И прошли мы Парачин рано и пришли на полдник в Ражань.

Шестой ночлег – на Пандурах под Алексинцем. И пришли к полднику на Нишаву. И там прославили святого пророка Илию под большим тополем. Известный возница Мия угощал нас хорошо, и вина выпили мы немало. Бог да простит. И пошли мы помалу вдоль Нишавы.

Седьмой ночлег – Нишава, на зеленой траве. И ужинали, и выпивали. И оттуда направились в Ниш на полдник.

И затем восьмой ночлег на Болгарской Мораве, под Курвин-градом. И там переволновались после полуночи, но, слава Богу, не было никакого урона, мы в здравии и спокойствии встали. И пришли под Лесковац на полдник к Каменитой церкви.

Пришли затем на девятый ночлег к Лесковачкому ущелью, и встали рано и пошли ущельем. И сели мы полдничать в ущелье, на склоне, как коза на наковальне. И там повыползали там змеи и жабы, и ящерицы и черепахи. Мы чуть в воду не попрыгали от страха.

И затем пошли на десетый ночлег под монастырь Решитский, на выходе из Враньского ущелья. И там наловили раков на ужин. И встретили там человека, о котором говорят, что ему сто двадцать лет, с проседью бороды и трижды у него зубы выпадали, да вырастали, как у ребенка. И дважды борода выпадала, да отрастала. И у него сын, более седой, чем отец. И рассказывали, что этот старик турок не видел, податей не платил, ни вина не пил, а пас овец в горах. И там видели мы мужчину и девушку окаменевших. Тот старик сказывал, что это кум с кумой совершили блуд. Из-за того и окаменели.

И оттуда мы пошли, встав рано, и пришли во Вране на одиннадцатый ночлег.

И из Враня пришли на двенадцатый ночлег в Коштуне, совсем близко от Сорока церквей. Там прежде

большой город был, при сербском владычестве. А сейчас по-турецки зовут Крк Клиса. И видел я там корыта каменные возле колодца, большое множество, очень большое, на удивление. И удивлялись мы. И над тем городом видели мы три холма весьма высоких, Богом созданных, а на верху – равнина, и с одной стороны может человек подняться, а с другой не может. И это зовут Шатрища Марка Королевича, и Милоша Кобилича, и Рели Омуджевича и Новака Дебелича. И там наутро совершался Перенос мощей Святой Пятницы Тырновской, во имя которой там один из тех храмов. И ярмарка собралась, и там мы нашли обилие хлеба и вина. И прославлял [святую покровительницу рода своего] Виссарион, наш друг.

И пошли мы на тринадцатый ночлег в Горобинцы на Овчем поле. И там видели прекрасную землю, красивые поля, и хлеба, и виноградники и плодовые деревья различные. И красивые реки текут с гор и источники студеньи и частые. И города видели и села. И там, когда полдничали, с одного места – что видно было! Мы насчитали четырнадцать больших церквей. Белеет камень. Сербь строили, а теперь все пусто. И там нам рассказывали: Когда-то прежде Сербь из Прекоморья перешли из Сербской земли из-за Трои града – и затем Сербь и назвались по реке той, а прежде всего на Овчье поле сели; и там, говорят, выковали из меди гумно; да, как рассказывалось, не умели хозяйствовать на земе; говорилось, что и поныне стоит оно засыпанное землей, и говорилось, что большое кровопролитие там будет от Турок в конце концов. И там мы очень удивлялись красоте земли и обилию плодов.

И потом пришли мы на четырнадцатый ночлег в Велес, город болгарский, а Турки зовут его Чуприлия. И там остановились на южной стороне. И там течет река, называют ее Вардар, очень большая. И там было Турок много. И там на мосту таможня, и господ много, и судья. И город большой, и христиан в нем много. И ома, и дворы и все из камня. И

плитами каменными все дома покрыты, как большие, так и малые. И церкви каменные многие имеются, расписанные, но пустые. И там в городе на святого Пантелеимона видели, как винограда много возили в корзинах на ослах. Турки покупают, а христиане нет, до Преображения. Поэтому мы расспрашивали и удивлялись хорошим делам их. И возле того города их земли видели. Поля многие засеяны хлопком. И я удивлялся, потому что прежде такого не видел. Там люди мало хлебов сеют, а все хлопок.

И перешли мы Вардар, и пошли из города и вышли в поле, где Турки Немцев разбили и обратно отогнали. Когда Немцы Белград взяли в 7196 (1688) году от сотворения, месяца августа 19, и погнали Турок до этого города Велеса, и Немцы остановились на том пое. А были дожди и непогода, а Турки вышли сухие из города и разбили их и мало-помалу отогнали опять до Белграда. И через года два взяли Белград.

И оттуда пошли мы на петнадцатый ночлег в Тиквеш.

И затем на следующий день пришли на шестнадцатый ночлег в Грчище. И там видели, как молотят зерно с возов, запряженных волами. Установлена доска на ширину дверей, снизу закрепленная, на ней много камней, кремневых, и эти камни трут солому, а зерно ссыпается, и его скоту дают в торбах. И там на Вардаре скалы высокие до облаков. И там вырублен камень и проложена дорога. Называется Демир-капия [т.е. врата] Марка Королевича. И там он подписался высоко на камне, высечены буквы больше пальцев. И там мы встретили верблюдов красных, и перепугались кони под Йованом и под Недой. Чуть не попрыгали в Вардар.

И в тот день пришли мы на семнадцатый ночлег в Псенское селение, город. По-турецки его называют Абрег Хисар.

И на завтра пришли мы на восемнадцатый ночлег в город Солунь. И там были семь дней и ходили вокруг города и по гораду, и в дома и на базары. И заходили в церковь святого Димитрия. Красивая и большая очень.

И Турки в ней кланяются (молятся). Она свинцом крыта. Алтарный свод упал был. И когда упал, стены так и остались нерушимо. Четыре колонны одна поверх другой. И четыре свода, и многие церкви вверху под сводами, четыре яруса колонн мраморных, и на каждом ярусе по семнадцать колонн круглых – как на станке выточенных. И одна колонна вблизи двери. Из нее миро исходит. И мы помазались, как сказал нам Турок, там убирующий. Так выглядит, как просо в некоторые годы. И возле той колонны на полу написано: „От этой колонны пятая - подниматься“ И там гробница святого Димитрия. И там мы нашли гробницу, и целовали. И там святой Димитрий и поныне. И сверху на стене, довольно высоко от земли, изображена гробница какой-то девочки. И в притворе на углу связаны из церкви буквы, из камня вытесанные – один ряд сербские, а другой греческие. Сообщают о мощах, которые там лежат: святого Саввы, цариградского патриарха, и Павла Исповедника. И рассказывал Турок, что когда Турки хотели войти в те двери к тем мощам, изошло пламя и сожгло их. Тогда и замуровали те двери. Так и теперь стоят замурованные. И мы видели.

И в другие церкви ходили мы и поклонялись; и на верху града, в монастырь, называемый Чауш. И там было много монахов. И там видел я идольское капище и внутри странное здание, на некие шахты все сведенное. Как мне показалось, его стены толщиной в десять аршин, а сколько в высоту, Бог знает. Там тот апостол Димас отпал, о котором апостол Павел пишет, и был иереем идольским. И там все внутри мозаикой украшено, еще для идола украшено: виноградники и цветы и деревья, а человеческого лика нет, но за тем храмом идол стоит на земле, поврежденный сверху. Как мне показалось, это в десять аршин ширины и такой же вышины основной камень. А еще, говорили, столько же отколото. И вокруг все фигуры разбитые, порубленные. И с одной стороны ступеньки вырублены. И там наши внутри пристроили алтарь и возвели

церковь. Однако Турки в алтаре пристроили место для ходжи, и теперь это мечеть. Это видно и известно.

И там посреди города имеются своды высоко над домами. Видны и через улицы. И видны наверху изображения вырубленные: палач суда и столы градские. И рассказывают, что там палач сидел, когда Нестор Лия положил на какие-то доски.

И внизу у моря видели мы церковь очень большую, которую некий царь строил по образцу Святой Софии. Удивительные колонны и своды! Невозможно человеку ни наглядеться, ни умом понять. И там нам Турок рассказывал. Когда Турки вошли, нашли монаха на одном из пиргов наверху и зарубили его, он упал на окно, и кровь полилась по стене снаружи. И это видно, мы видели кровь на стене. И, как говорил Турок, много раз это место, говорил, Турци скоблили и замазывали известью, да ничего не смогли поделать.

И отправились мы из Солуни месяца августа седьмого дня по морю на галере. И прибыли на другой день под Платамон город. А там над городом есть гора. Называется Бабкина гора. И вблизи той другая гора, называется Саргар. И в ней монастырь святого великомученика Димитрия, удивительный; и город около монастыря. Там келий 200 будет. И затем мы отправились в Загорье, в направлении Святой Горы. И через море шли одиннадцать дней. И там в Загорье сидели девять дней. И ходили по Горе. И нашли монастыри и церкви многие, и виноград и фруктов много. А церковей численностью сто, и домов пять тысяч, все христиане. И там есть люди, но неизвестно, на чем зерно растет. И там видели мы церковь Преображения, недавно построенную, большую и красивую очень, три алтаря и яиц страусиных тридцать. И 95 лампад серебряных и золотых горело. И перед церковью два источника целебных и рядом лес сосновый. И в церковь Святого Николы каждый день мы ходили на вечерню, на утреню и каждый день пели литургию.

И оттуда мы ушли, и на другой день под Касандру прибыли. И там пробыли пять дней, пока дрова нагужали. И было страшно из-за пиратов. И там видели мы город Тирон. Там святого Феодора Тирона мучили, с берега бросили в море. А теперь он стоит пустой. И там по пути видели один малый остров. Говорят, на нем ничего нет, только дикие козы, вблизи Святой Горы. И пришли под Афон. Ветер пригонит и без желлания. И видели монастыри святого Павла и святой Анны. И виднелся виноградник и ограды каменные на скале.

И оттуда пошли к большому морю. И на третий день прибыли под гору, Юр называемую, где святой Афанасий молитвами бесов затворил. И доныне там стоят. И там нас мрак застиг на море. И когда был второй час ночи, поднялась буря на море и волны сильные. Начали волны морские ладью заливать и бросатб туда-сюда. И был страх большой и плач горький тех, кто смотрел на бурю морскую и смерть лютую. И тогда одни прощались, а другие исповедовались друг другу. А было матросов 75, Турок 11 и каторжников.

И когда было за полночь, начала ладья опрокидываться и рулевые растерялись. Пала черная туча на море. Тогда мы с жизнью прощались. Звучали крики и громкие голоса, призывавшие Пречистую Богородицу и святого отца Николу. И управлявший парусами узнал город Ливно и там мы пристали.

И стояли 32 часа. И оттуда на Усекновение прошли Самотрак, и Бокчу, и Линдру и Ибро и шли до Измирского залива. А затем подул другой ветер и занес под Митилину. И на том Митилинском острове имеется 300 сел и четыре монастыря Архангелов и Крестителя Иоанна. И оттуда прошли Балук-аду и залив Саказский. И тридцатого дня августа прибыли в город Саказ. Ранее он назывался Апостол Хия. И в том городе Саказе посетили церкви многие.

Там имеется церквей соборных 70, а малых 600, и, говорят 2000 попов мирских. И видели мы церковь Святой

Троицы новопостроенную. На ней окон 55, и колонн из мрамора 67, и гробниц 47, и иных красот и драгоценостей – невозможно рассказать. И там были мы два дня. И из Саказа пошли и прошли Сусамский залив. И к рассвету оказались на месте сражения Самсона [где он сражался] с женщиной некоей. Так рассказывалось, что услышал Самсон о сильной женщине, и принес большой камень из Анадолии. И она принесла воз камней. А когда встретились, поставил Самсон камень в море возле берега, и оказалось, что он – как дом большой. И женщина также высыпала камни с воза на землю. И тогда оказалось, что это груда большая, и больше они не сражались. Это от Саказа 80 миль.

И в тот день пошли в Хистанджос. Ранее, во времена апостолов, он назывался Конаниту. И нашли обилие хлеба, вина и винограда. И там видели в городе одно дерево удивительное, трудно рассказать: ствол толщиной 12 аршин, обложено при корнях камнем и подперто столбами – каменных столбов 42 и деревянных 34 и из мрамора 8. И все те столбы поддерживают ветви этого дерева. И под этим деревом имеется фонтан, и две ключа, и два колодца, и две башни, и шесть лежанок, и четыре кофейни, и одна лавка торговая, и одна мечеть, и две мячных лавки, и одна хлебопекарня и четыре входа. И там под этим деревом в любое время по 200 или по 300 человек. В прохладе сидят. И там видел я угощения: что бы то ни было из еды, нужно для подкрепления, никто не охраняет ни днем, ни ночью, не закрывает, не сторожит. И мы удивлялись.

И оттуда мы пошли на другой день и прибыли в город Родос. И там посетили церкви. И видели красоты многие. Город этот строили Мальтезы. Такой красоты и укрепленности нигде нет. Да и такое чудо: где изваяние стояло одной ногой на одной башне, а другой на другой, там расстояние насколько выстрелом из ружья можно достать. И там мы ждали четырнадцать дней.

Затем из Родоса месеца сентября 18 вышли мы в открытое море [Эгейское] на 18 ладьях и двух кораблях. И

на втором часу ночи поднялась буря, и волны на море очень страшные. И в ту ночь большой страх мы пережили. И когда день настал, ладью начало потоплять, заливать бурей морской. И в тот день не видели мы многих судов из тех, которые шли с нами, не видели ни солнца, ни луны, ни неба, ни земли, ни птиц летающих, а только бурю и тучи. И волны различные: и белые и зеленые, и черные и синие, и одни как вариво кипели, другие же как молнии. И в тот день исповедовались друг другу. И все с жизнью прощались. И вопль разносился громкий, единогласно вопияли к Богу, и поминали чудеса святого Николы и призывали на помощь. Тогда горло изнемогает, голос прерывается, и дыхание уменьшается, как и душа в нас, язык пересыхает. Был вопль только. И печальными глазами смотрели один на другого, а некоторые, сплетя голову с ногами, скрипя зубами своими, видели горькую смерть. И поднимали переполох на палубе. И отказывались, кто сколько мог отдать, от груза, чтобы разгрузить ладью в море. И тотчас начали разгружать и бросать вещи свои в море. И когда опорожнились до половины ладьи, тогда поднялся еще более сильный ветер и порвались ветрила от верхнего края до нижнего. И рабочие канаты ослабли. И мачта большая погрузилась в море. И распарывало это дерево высочайшее воду морскую.

И во время заката солнца осела ладья и поднялись валы огромные, как горы высокие, а тучи и молнии мощные и различные. И все мы падали, как мертвые, работать и делать не могли ничего. Только один на другого печальными глазами смотрели. А некоторые поминали Бога и Богородицу и святых, а другие – отца и мать, братьев и сестер, сродников и знакомых своих, и жен и детей своих. И некоторые рвали одежду свою. А иные закрывали глаза свои, чтобы не видеть грозную смерть. А иные полумертвыми были. Горла изнемогли, и язык пересохла, вопли умолкли. За два дня и три ночи изо всех нас никто хлеба не вкусил, ни друг с другом не заговорил. Не могли никто ни встать,

ни шаг сделать, как мертвые лежали. И тут я увидел, что ладья быстро идет – как стрела. Откуда стрелу выпустят, там она и упадет. И там матрос один сказал: „Сорок лет как плаваю по морям, но такой бури не видел“.

И на третий день увидели мы птицу с юга, и очень обрадовались. Решили: „Должен быть где-то берег близко“. И буря немножко успокоилась. Тогда опомнились мы от смерти и благодарность выразили Богу. А некоторые на четвертый день заговорили, и хлеба и воды вкусили. А иные на пятый день водою язык смочили. И в тот пятый день увидели мы одно судно из тех, что выходили вместе. И одну злосчастную ладью видели, и настал шестой день, но ветер – в противопожную сторону.

И на седьмой дань вошли в залив Решитский, в Нил реку, под город Решит. Называют его Малый Мисир, ранее нызывался Раита. И там видели много необычного.

Люди, там живущие, не носят ни подштанников, ни штанов – нет ни этого, ни чулок ни на ком. Господа и знать носят из полотна либо из шелка платье, однако икры ног голые – ничего, кроме сандалий. А некоторые ходят нагие, как мать родила. По улицам и мужчины и женщины в одних только сорочках. И пьют табак и кофе – и мужчины и женщины, и взрослые и малые.

И видели мы, как увеличивается фиников цветение ради урожая, чтобы поддержать урожай. И видели дерево, на котором вата растет.

И четырех видов смоквы. Одна смоква, на которой Адам обманулся, растет на три поуки. И сладость ее ум человеческий выразить не может. На многие сласти наводит. Мы семером одну купили и все ели три дня. В конце оставили, так как не могли съесть из-за сладости. А думается мне, что где-то половина оки в ней. Другая же, с которой я листьев набрал, имеет листья длиною в девять пядей, а шириною в четыре пяди. Третья смоковница – та, что проклята, ее плодов есть нельзя. Четвертая же смоква, какая имеется по всей земле.

И там видел я птицу страуса. Огромен. Еле охватывал рукою по хребту. И гладил его. Ходят они и по улицам и рядом с лодками, и по мусорным ямам. Собирают что-то и кормятся. И там мы провели шесть дней.

И затем пошли по Нилу реке. А та река из рая течет. И видели мы около той реки много сел и городов, по обе стороны реке. И люди все нагие; и женщины, и дети. Все голые. И, так сказать, из ста человек один имеет сорочку. И у женщин лишь некоторых спереди прикрыто, а больше ничего. А дети по пятьдесят или по сто около реки стерегут скот. А в основном без дела, когда нас кто-то увидит, кричит, кланчит, и мы оставляем какой-нибудь сухарь, а их подплывает по два десятка. И кто схватит, тот съест. Так нас всюду сопровождали от села до села.

И там видели сахар. Засеяны большие нивы. Как у кукурузы стебель и листья. И они из стебля достают сердцевину и вываривают сахар.

И прибыли мы на шестой день в Мисир Великий, то есть в Египет, Фараоново царство. Величину кто может описать? Невозможно его обойти, и пределы увидеть, да из-за множества людей невозможно на улицу выйти. Там есть дворцы Прекрасного Иосифа, мозаикой украшенные, посреди города на удивительной возвышенности. И там гостиная очень большая, 34 больших колонны. Два человека одну едва охватят, такие они массивные. Круглые и гладкие, будто на станке обточенные, а высокие, Бог знает. И все эти колонны из мрамора. Их там 300, которые малые, которые большие. А кажется мне, что их высота 50 аршин. На них вверху своды. А теперь там пусто. Кое-где лавочка торговца бедного внизу у колонны. И там колодец Иосифов. И ныне оттуда воду берут. И мы заходили до других волов, да перепугались и возвратились. В трех местах, где волы воду вытаскивают, имеется ступеней 444 до глубины воды. Самотворно все в камне вырублено. И там восемнадцать волов воду вытаскивают.

И в этом Египте был папа и патриарх по имени Герасим. И мы ходили к нему и исповедовались. И читали нам молитву и благословение мы получили. И видели его в одно воскресение, когда литургию совершал. И надевал он на себя два епитрахили и два омофора, и после литургии, сидя проповедь произносил о многом (для многих), в таком своем облачении. И там видели мы патриарха коптского. Копты – это большой край и народ, живущий вдоль реки Нил.

И ходили мы в Старый Египет, да он весь пустой, мало где человека встретишь. Там видели мы амбары Иосифовы. Кто может измерить и величину описать? И там в Старом Мисире церковь Иоанна Милостивого. Это была архиепископия. И теперь монахи там обитают. И там есть церкви большие и красивые, очень большое множество. Царские здания. И в двух церквях две иконы чудотворные: Богородицы и Святого Георгия. И это, рассказывают, когда Турцы захватили, оне не дали себя с места сдвинуть, и теперь на том месте стоят. А вокруг них церкви пустые и заброшенные. Святого Георгия небольшая, будет четыре аршина в длину, а стоит на открытом пространстве высоко над землей, так что невозможно человеку рукой дотянуться.

И есть там церковка Убежища Христова, куда Он бежал от Ирода. В землю на десять ступеней заглублена, из мрамора построена. И за престолом в стене будто печь – рассказывают, здесь Христа Богородица скрывала. И там поперек той церкви была одна балка от ковчега Ноева, а теперь только немножко выступает.

И там в Старом Мисире деньги теперь куют. И видны со стороны Большого Мисира Фараоновы возвышения. Это некое чудо на свете. Две сооружены из камня как помещения два. И такая величина и высота – за три дня хода можно видеть.

И там вблизи Большого Мисира гора, которую называют Дурдаг по-христиански, она из-за молитв вошла в Нил реку.

И там, в Большом Египте, пробыли мы двадцать два дня, в гостевом доме монахов-синайцев. И там все довольно дешево. По восемь хлебцов за одну пару, а одна пара – это восемь мангур. И там я брал за одну пару 74 лимона. А вина и ракии – хоть дукат будешь давать за одну оку, не найдешь.

И отправились мы из Мисира к Синаю в 211 день. И путь держали три дня до Аджруда. Не видели ни человека, ни дерева, ни травы, ни птицы, ни воды, ничего, кроме камня и песка. И там в Аджруде увидели каких-то невиданных людей и птиц и двух мышат белых. И в тот день прибыли в Сувеиз город, к Индийскому перевозу, на острове Красного моря. И там в Сувеизе набрали воды и встретили одного христианина по имени Халил. И ночевали на святого Нестора.

И рано встали и пошли к Двенадцати источникам Моисеевым, где он разделил море и потопил фараона с колесницами. И там было несколько финиковых деревьев. И набрали мы воды из тех источников в мехи. И оттуда дошли за три дня на Карандул. И там нашли воду и несколько ворон и пять десятков деревьев финиковых. Затем путешествовали два дня и нашли колодец воды хорошей. И там видели двух ворон и неких птиц красивых очень. И голосами дивными поют. И там ночевали.

Затем путешествовали два дня. Не видели ни человека, ни птицы, ни дерева, ни травы, ничего, кроме скал, до облаков тянущихся. И на одиннадцатый день после Египта увидели мы несколько коз и неких людей странного вида, как диких. О братья, тяжел и мучителен путь и несчастна жизнь в той стране! И там видели мы дикие арбузы. И попробовали – горче полыни.

И наавтра, третьего ноября, прибыли мы в святой Синай, в монастырь, в обновленный храм Святого Георгия, на литургию. И в то время в Синае был Дикей Неофит старец и Лиания старец, и Анатолий старец, и Герасим старец, и Кесарий старец и дьяконы Давид, Дио-

нисий, Иоанникий, Паисий, Иоасаф, а впрочем, Бог знает сколько их. Говорили, что некоторые и по двадцать лет в монастырь не приходили. Слава Богу, что нас удостоил повидать Святые эти места и поклониться, и увидеть эту дивную красоту!

В Синайском монастыре большая церковь, красивая очень, двенадцать колонн больших, и на них своды. И середина свинцом покрыта, и сто колонн деревянных. Пол в алтаре – сплошь мрамор пятнистый: белое, пестрое, зеленое. Со всех сторон вокруг престола стена. На алтаре мрамор и иная красота: иконы, хоро, лампы, кресты и множество Евангелий, оправленных красиво. А одно Евангелие, царя Феодосия, все золотом писано от начала до конца. Двадцать Евангелий, всегда стоящих на святых трапезах, и алтарь, мозаикой каменной украшенный и темно, дивно позолоченный. И святая трапеза и проскомидия и на наручии очень украшено.

В длину церковь велика – от царских врат до притвора 43 аршина, а шириною – 16. И алтарь длины 11 аршин, а ширины 9, а передний притвор длины 8 аршин, и окон 53. Дверь большая из меди, и двое малых. И эта церковь большая есть храм Преображения.

И пол церкви Святой Неопалимой Купины весь зеленым мрамором выложен. А вокруг все лазурь. И в большой церкви десять олтарей, где служится. И отдельных церквей пятнадцать внутри града того. И град ширины 108 аршин, а длины 128. И есть два колодца студеной воды в граде. Там Моисей Рагуилу овец напоил. И градские ворота заделаны. Не открываются, но на лебедке выдвигаются и задвигаются.

И там мы почивали четыре дня, а затем пошли на Святую Вершину. И зашли до полудня в церковь, называемую Панагия Пресвятой Богородицы. И там поклонились. И прошли под двумя сводами. И дошли на ночлег до церкви святого Илии. Туда святой Илия от Иезавели бежал. Это есть Хорив Гора, и там постился святой Илия.

И там мы вечерню читали. И назавтра после полуночи пошли мы на Святую Вершину, где Моисей постился дважды по сорок дней и принял скрижали от Бога. И там есть пещера на четыре ступени вниз под камнем. И там одна церковь наша, и одна римская, и одна мечеть. И там мы читали утреню и служили святую литургию. И там есть место за церковью, где Моисей под камнем прятался и Божии последние наказы [провидения] узнал. И утопла ограда в камнях, как в снегу.

Опять вернулись мы к святому Илие и видели по пути камень, который ангел мечом рассек, так что упал камень на дороге перед святым Илией, и сказал Илии: „Моисей не взошел на Землю обетованую, а ты не взойдешь на Святую Вершину“, и вернулся снова к Иерусалиму.

И там идти от монастыря до Святой Вершины 14000 ступеней – все рублено особо, чтобы так идти. И от церкви святого Илии шли мы до церкви святого Иоанна Лествичника. И там пещера, где он *Лествицу* писал. И там церковь святого Пантелеимона. И там есть вода прекрасная. И там есть пещеры, где пустынники жили многие. А кельи строены из сухого камня, без связующего материала и извести. И затем спустились мы к церкви Сорока мучеников. И есть там келий много и там мы ночевали.

И затем рано после полуночи пошли на Высокую Гору, где ангелы положили тело Екатерины, пролежавшее там 300 лет. И когда взошли на вершину, рождалось солнце. Поклонились мы, облобызали место и пошли к церкви Онуфрия пустынника. И там есть пещера, где он жил. И там вблизи, немного ниже, камень, по которому ударил Моисей и потекли двенадцать источников воды. И теперь отверстия стоят пустые.

И затем пошли мы к церкви святых Апостолов. Там есть кельи и монастырь обычный, огород и фруктовый сад, и колодец, и поле большое, где израильский род стоял, когда Моисей закон писал. И там близко телец, кото-

рому Израильтяне поклонялись. И там форма, в которой он отлит. И там вблизи церковь Аарона. Туда Моисей скрижали прежде всего принес. И выше той церкви, к монастырю при дороге, камень. На нем буквы написаны, а никто прочитав не может. И говорят, ковчег завета Ангел принес из Иерусалима и под тот камень закопал, чтобы стоял до Страшного суда.

И затем пошли мы в монастырь в городе. И там провели тридцать один день. И поклонились по Святым местам и церквям. Когда какой праздник, и святые мощи целовали. И там мощи Екатерины мученицы. И в том монастыре в стене я видел место, откуда миро источалось. И удостоились мы благословения святых отцов и общего собора. Затем прощание получили и пошли в направлении Египта месяца декабря в четвертый день.

И оттуда пошли к Иерусалиму с воинами паши и пришли в Газу на отдых. И там провели день. Город большой. Это было царство храброго Самсона. Здесь он побил костью ослиной иноплемеников 3000. И там был его столп и башня, которые он впоследствии разрушил. И оттуда мы шли два дня и прошли Лиду. И за городом к морю церковь святого Георгия, большая и красивая, так называемая Лида, близ Яффы. И там святой Георгий поразил змея копьем. И там дыра большая, откуда змей выползал. И там мучил Диоклетиан святого Георгия. И там гроб его в той церкви.

И в ней есть колонна, которую принесли святой и женщина вдовая. Когда церковь строилась, тогда захотела вдова пожертвовать в церковь колонну. И взяла камень один, но не могла доставить. И попросила начальника ладьи, чтобы доставил вместе со своими колоннами. И [тот] не захотел. И начала женщина плакать. И пришел святой Георгий и сказал жене: „Возьми камень!“ И взяли с одного конца святой Георгий, а с другого конца женщина и вынесли к морю тотчас. И донесли до церкви, и известно, где святой Георгий держал руками.

И пришли мы в Ревниу и там провели день. Затем встали перед заходом солнца на святого Иоанна Крестителя собор. И шли целую ночь без отдыха. Только в Эммаусе остановились и пили кофе. И пришли ночью к святому граду Иерусалиму, ко двору пророка и царя Давида. И не хотели нам открывать до рассвета.

И вошли мы в Иерусалим месяца января на восьмой день. И приняли нас и угостили, и ноги омыли. И парусию мы отдали епитропу монастыря. Церковь – храм царя Константина и Елены. И дали нам приют в монастыре во имя святого Саввы Сербского, храм святого Архангела. И там мы молились Богу и ходили по святым церквям ежедневно и поклонялись. И ходили на Святые Врата каждый день по два раза.

И ходили к Живоносному Гробу года 1705, третьего февраля. Поклонились Гробу Живоносному. И ночевали мы там в церкви и благодарили Бога, что нас удостоил видеть это желанное, чего пожелали. И видели мы многие чудеса. И в Великой церкви Воскрсения Христова икона большая: восемь пядей длины и пять ширины. Христос изображен в архиерейском облачении, а около Христа четыре евангелиста. И под иконой до пола изображен Христос уснувший. И возле Него лев, то есть Он, как лев спит. И у Христовой иконы икона: изображены Гроб и в белых ризах два ангела, отвалившие камень от Гроба, и мироносицы. И Христос тогда сказал: „Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему“.

И наверху Елеонская Гора и Вознесение. И под той иконой Воскрсения изображен пророк Иона, как его бросили в море и как его кит проглотил и как его изверг. И к той иконе дверь, как царские врата. И на ней замок закрывающийся. И за дверью Предтеча Иоанн изображен. И над всеми тремя дверями позолоченные лозы, а ликов нет. И Богородица также велика. И Младенца держит на левой руке. И четыре пророка возле нее. И под иконой нарисована Купина Неопалимая. Рядом с Богородицей

икона Собор архангельский: 20 ликов ангелов и Христос в кругу посредине. Еще херувимы около Христа, и многооких много. И под иконой чудо архангела. И северная дверь как и царские врата. И на ней замок. И за дверью Константин и Елена. И перед иконами возле царских врат 27 лампад серебряных, и над вратами три из золота, и четыре подсвечника больших из бронзы. И на каждом по одной свече горит. И рядом с ними цветы висят, три ветви на них. И около цветов на канате 41 лампада. Это рядом с патриарховым столом и аналоем. И выше этого форо, и на нем 23 лампы и столько же яиц страусиных. И на яйце по иконе. И по 16 сводов на форе. И на каждом своде по четыре свечи, и все зажигаются одновременно. И это форо из бронзы. И выше царских врат лозы позолоченные, есть [они] в аршин. Потом иконы праздников шестнадцать, и опять лозы, и выше этого крест, и около креста девять лампад, и перед каждым праздником выше врат по лампаде, и к архиерейским столам с каждой стороны по десять лампад, и у архиерейских столов горит по сторонам по 25 лампад. Перед престолом девять лампад, три из золота, и вверху высоко всюду вокруг, по всему алтарю, лампада при лампаде, более ста лампад серебряных, и все сербские. И перед проскомидией три лампы, и перед горними сидениями одна, еще напротив ее.

У патриарха Иерусалимского стол с шестью ступенями, и в столе Христова икона. На Нем архиерейское облачение до пояса, и насколько стол широк, настолько и она, а над столом в шатре входы. Вокруг изваянное в дереве. На середине моление, и возле – 12 апостолов, а на верху стола орел двуглавый. Еще других патриархов три стола. У каждого по четыре ступени. Светильники высокие на 9 пядей. От светильника до светильника 11 пядей. На двух светильниках по семь площаек. И стоят они на двух львах. И выше поднос и 12 спиц с чашами, и 13 в середине. И на других двух светильниках по четыре площади, и на два свода и четыре ноги. И вверху 12 светильников, а в середине

один. И когда не праздник, все снимают и оставляют. И иконы покрывают, и лампы снимают, и двери все три покрывают, и цветы, и хоро, и подсвечники покрывают. И рядом с иконами не горят лампы, только возле царских врат по две и за вратами по одной, и над вратами по одной, и перед крестом одна, и под форо одна, перед алтарем одно. Таково [есть] освещение в Большой церкви.

И видел я одну лампаду перед крестом три аршина длиной и на ней семь меньших лампад горит; они все из бронзы. И в одном месте насчитал 310 лампад. И в той церкви семь сотен и более имеется только православных лампад. И есть средние лампы: вместились бы 12 ок воды. И посреди церкви одна, на ней 17 лампад. Длиною четыре аршина, а шириною два. А одна перед Христовым гробом имеет 24 лампы и 25 ангелов, и каждый ангел держит в руке по лампаде, а среднюю держат два ангела. У среднюю лампаду вместились бы 20 ок воды, оно длиною в три с половиной аршина. А под фором одна длиною в четыре с половиной аршина, а шириною в три. Шесть ветвей, на которых свечи горят. А в середине лампада – могло бы 30 ок воды вместиться.

И из Большой церкви на Голгофу 18 ступеней, а где крест располагался – 42 ступени. И под Голгофой есть пещера железом зарешечена, где была Адамова голова. И когда Христа выше на Голгофе распяли и камень раскололся, и кровь текла на Адамову голову, и та трещина теперь зарешечена. И благоухание сильное имеет.

И на левой стороне – место, где Христа в узы заключали. Трапеза в Большой церкви от земли высотой четыре с половиной пяди, из мрамора, длиной к престолу шесть пядей, а поперек двенадцать. Аверху высоко купол. Я, стоя на полу и вытянувшись на цыпочки, вверху пальцами доставал до купала, где ниже всего. И проскомидия от пола на четыре с половиной пяди, а шириной и длиной по четыре пяди. Ширина церкви Соборной – 47 пядей, а длина – 20 столов, а каждый стол по три пяди без трех

пальцев. Еще от столов патриарших до царских врат – 30 пядей. Од врат алтарь в длину 21 пядей до ступеней. И в семи ступенях девять пядей, то есть посреди церкви Соборной, а другие повсюду вокруг и Гроб отдельно перед той церковью.

В неделю Православия на крестный ход каждому паломнику давали по иконе оправленной московской, а в Крестопоклонную неделю каждому крест окованный, а на Вербное каждому финиковую ветку и [от] маслины другую. А когда совершают крестный ход около Гроба, проходят из алтаря в северную сторону. Впереди несут шест хоругвей, а перед каждой хоругвью по одной свече большой без подсвечников. И потом священники, впереди младшие, а за ними две свечи и одна хоругвь, и один посох. И там владыка, один или два рядом. И около них диаконы, по пять, по шесть – сколько есть, и по 40 или 50 священников. И за владыками монахи и обычные люди. И облачаются по 20 юных клириков, и они несут свечи, хоругви, и посохи, и крест и по двенадцать рипид с флажками.

На литургии при входе и выносе юные клирики впереди – несут крест один, а перед ним свечи, затем десять или двенадцать рипид, затем сколько владык служит, столько и посохов, затем свеча одна и диакон идет сзади, окаждая Агнца, а один диакон несет трикирий перед Агнцем, а после Агнца одна свеча, диакон несет; и затем другой трикирий. И начальствующий священник несет чашу и над чашей диакон качает рипидами. Так и над Агнцем рипиды. Диакон позади идет. И около чаши и Агнца там все диаконы идут, сколько их есть. И на выносе один диакон возглашает прежде: „И всех вас да помянет..“, а другие диаконы ничего не говорят. И за диаконом все священники произносят то, что и диакон: „Всех вас“ и иное, и ничего больше, ни патриарха, ни царя [поминают]. И все священники несут путиры из хрусталя, запечатанные. В них мощи многие, и подписано, что есть что. И на каждый праздник так носят.

На Воскресение (Пасху) же не носили, но начальствующий чашу, а другой лжицу, а третий копиее, а другие ничего, только спустили фелони и так вышли. Сорок священников было, и четыре владыки, и семь диаконов, двадцать один юный клирик – это на Воскресение. А в Великий четверток позвали всех паломников из келий наружу, для освящения елея. И поставили одну свечу и на аналой поставили икону и Евангелие. И поставили тетрапод и на него лампаду. В ней один фитилек зажжен и горит, больше ничего. И в одной чашке пшеница. В пшеницу воткнули семь палочек, обвитых ватой. И стали пять владык в омофорах и пять священников в епитрахиях и пропели канон. И сказали отпуст. Затем начальствующий владыка произнес: „Благословенно царство!“ И один диакон в облачении произнес диаконское. Затем произнесли по порядку молитву. Затем диакон прочитал Апостол и владыке по порядку Евангелие. И диакон диаконское: „Помилуй нас, Боже!“ Даскалы трижды: „Господи, помилуй!“ Затем обычный священник поднял Евангелие и держал в руках, а люди все склонили головы. Пять владык прочитали Евангелие и молитвы и сказали отпуст и взяли семь палочек. И стали в ряд, и люди шли по очереди, и каждый миропомазывался. А диакон поднимал лампаду каждому. Помазывали чело, бороду или уста, щеки и обе руки с обеих сторон. И креста на елее не было.

И в Великий пяток ходили мы в церковь. И в субботу на утрени прочитали прежде канон, затем вынесли аер на средину церкви. Поставили ногами в правую сторону и две свечи у главы и две у ног, и посреди Евангелие. И дважды лобзают – сперва Евангелие, затем Христа. И когда начали отпевание после канона, и более тридцати священников, все в облачениях, кадили по два вместе. Покадили сначала два владыки вместе, затем священники, а диаконы подавали кадильницы. Прежде поклонились владыкам и по три раза махнули сверху вместе. По-

том правый прошел с правой стороны, а левый с левой стороны. Не оказжали ни иконы, ни владык, ни людей, и каждый со своей стороны махнул трижды кадильницей, а больше нет; и не крестили. Потом прошел правый снизу, а левый сверху позади. Затем правый – с левой стороны, а левый – с правой стороны. Затем оба стали вниз, после этого оставили кадильницы, поклонились владыкам и пошли на места свои.

И когда священники покадили, тогда и диаконы кадили по двое по очереди. А когда владыки кадише, диаконы перед ними трикирии носили. И когда закончили славословие, тогда понесли [аер] ногами вперед к южным дверям и вокруг алтаря и вокруг Гроба обнесли. Затем на положение возложили и там читали. И оттуда понесли к тем дверям, которыми вышли, и в алтарь и всюду на доске носили. Затем доску оставили перед алтарем, и так на головах вчетвером внесли, и вокруг престола не обносили, а спереди положили, главой к проскомидии и сказали отпуст. И тотчас свернули и оставили [аер]: вышитое золотом, Христос положен, и еще образов и бисера много.

И в Субботу собралось множество людей в церкви. И в пятый час дня ждали и выглядывали Духа Святого. И погасили все лампы по церкви и свечи. На Гробу сами Турки погасили лампы и дверь запечатали на Гробе. И все люди по другим церквям на коленях молятся Богу и плачут. И читали часы и паремии. И когда завершился восьмой час дня, тогда Турки распечатали дверь и вошли и не нашли. Не сошел еще. И опять запечатали. И в это время наши пошли облачаться на литургию. Тогда опять, о девятом часу распечатали и вошли Турок, епитроп и монахов, и увидели на Гробу лампаду, зажегшуюся. И зажгли от нее свечи и вынесли народу.

И был возглас народа великий, казалось, что небо на землю упадет. А паремии на вечерне не читали. И завершилась литургия за час полуночи. И мы сидели в церк-

ви. И Деяния не читали. И в полночь в клепало били. И прочитали канон и отпуст и надели облачения. Было их больше пятидесяти. И пошли, поя: „Воскресение Твое, Христе Спасе“, и обошли вокруг Гроба трижды. И стали перед Гробом и поставили аналой на средину. И прочитали Евангелия воскресных два. И вынесли четыре Евангелия, и ничего другого. Свечу держал каждый. Два владыки и два священника по Евангелию держали. И тогда пели „Христос Воскресе“ со стихами. И подошли к царским вратам. И два Евангелия с одной стороны врат, а два с другой. И стали целовать все четыре по очереди.

И с левой стороны стали священники в ряд. И лобызались в оба плеча, говоря: „Христос Воскресе“. И когда первые лобызались, тогда владыка начальствующий сел за стол с одним Евангелием. И его целовал народ, а другой вошел в алтарь и закрыл все двери от народа. А была большая теснота от народа. И под Христовой иконой одна доска поломалась и упала от тесноты. И когда пели „Святый Боже“, тогда я посмотрел на окна, и обозначилась заря. И читали Евангелие восьмером. Один владыка на трапезе сперва, и за ним диакон над теменем, и затем перед вратами священник сербский Григорий Раковицкий и другие священники. И за ними диаконы возле дверей. И при каждом по очереди один раз в тарелку ударяли, а после немножко по тарелке стучали, и ми тоже. И когда вышли с литургии, уже три часа дня прошло.

В Воскресение вечером пришел владыка, надел омофор и начал вечерню. И на вход облачились два священника. И после входа зашел владыка в алтарь и начал читать Евангелие в четырех местах, по порядку, как на литургии на Пасху. И так чтобы знали: на Пасху на утрени и на литургии и на вечерне и в другие дни после Пасхи сначала владыка или священник отпоет „Христос Воскресе“ трижды, а после этого не поют хоры „Христос Воскресе“, а священник произносит стих и отпевает другая сторона „Христос Воскресе“ один раз. И так все стихи произно-

сит и „Слава и ныне“, а они по одному разу поют „Христос Воскресе“ и хоры „Сущим во гробех живот даровал“. Затем диаконское, и так все делают. И после заамвонной молитвы трижды поют „Христос Воскресе“ и затем „Слава и ныне“ и произносят отпуст. И затем поют „Христос Воскресе“ многократно – пока просфору не поделят.

И накануне Фоминой недели перед архиепископом синайским литию совершают. Впереди двое детей свечи несут и четыре священника четыре Евангелия несут – два с одной стороны, а два с другой. И два диакона кадят, идя спиной наперед. И проходят вокруг. И кланяется архиепископ трижды, и перекрестит народ на три стороны. И когда владыка народ благословит, священники уходят в алтарь. И диаконы произносят диаконское, и кругом в алтарь. И священник изнутри на вратах произносит отпуст. Затем в клепала бьют и выходят один священник и два диакона вокруг. И совершают к вратам один поклон большой. Потом идут к патриарховому столу с поклоном большим, затем в левую сторону к архиепископу и целуют его руку, и опять кланяются и уходят в алтарь. И так всегда делают.

И когда начинается пение „Сподоби, Господи, сохранитися“, тогда два диакона выходят кадить. Несут киоты, и перед ними один человек несет свечу. И сначала окаждают престол с четырех сторон, а больше иного никого. И оба вместе выходят через проскомидийскую дверь и становятся по сторонам. И с одного места окаждают царские врата и две иконы возле врат. Затем окаждают народ. Трижды взмахивают, и направо – стол патриархов, затем налево – архиепископов, трижды. Так по порядку и других владык. Потом другие окаждают Гроб и Голгофу и положение. И затем возвращаются в Большую церковь и в алтаре, кого застанут, окаждают и вокруг, а престол нет.

И на литию вышло снова много. Каждый нес свечу. Старшие впереди. И диаконы наконец вышли и стали у подсвечников. Двое произносили диаконское, а двое ни-

чего. И когда литию совершили, все зашли в алтарь и сняли облачения. А два диакона остались возле подсвечников. И по стиховне вышел священник один с кадильницей окаждать хлебы. И когда окадил, оставил кадильницу. И владыка молитву произнес, а священник один хлеб со свечами поднял и держал. И когда благословил, понес к владыке тот один хлеб. И выбежал монах и взял из хлеба четыре свечи, а средняя осталась. И владыка руками принял тот хлеб и поцеловал край. И вышел другой служитель и взял у владыки тот хлеб со свечой. И другие хлебы раздробили и разделили по кусочку. А не видел я никогда, чтобы поучения или слова читали, хотя проповедей много произносят.

И когда на вход выходят и на перенос, диаконы идут впереди, по два вместе, а священники по одному в ряд. И на литию в двух видах совершают – и свечи, и хоругви. И священники двумя способами выходят на средину пространства; впереди младшие, а старшие ближе к владыке, тогда владыка посредине и около него диаконы. И началась утренняя. „Христос Воскресе“ [произнес] владыка трижды, затем „Святой Боже“ и за „Приидите“ трижды. „Христос Воскресе“ и „Помолимся“ возгласил священник в епитрахили. И тут „Христос Воскресе“ не произнесли, а „Святой Боже“. И не окаждали, поскольку перед началом диаконы кадили. И священник вышел из царских врат. Когда произнесли „Аллилуйя“ и архиепископ из книги читал Шестопсалмие. И „Бог Господь“ после диаконского не возглашал ни священник, ни диакон, а певчие стали „Бог Господь“ петь. И кафизмы посреди церкви читают и служащий священник произносит „Аллилуйя“ на кафизмах. Так всегда. И на полиелее зажигали свечи, по фору все и на цветах. И диакона два в облачении кадят и носят киоты. А иного ничего диаконы не выносят. А на вход не носят киот, а кадильницы, а иные выходят без ничего.

И по третьей песне архиепископ проповедь сказал без книги. И когда прощения просят, то прежде всего

просит священник у диакона. Это на литургии, и совершают проскомидию, затем остальные священники по два выходят вокруг и поклоны большие совершают в направлении царских врат и стола игумена, затем владыки на левой стороне, и целуют руку, затем поклоны, тогда в алтарь. Не читают ничего, не целуют иконы, не оказывают, а диаконы после священников так же. И в алтарь как входят, так и облачаются, не идут к престолу. И сколько ни есть их, все выходят через врата вокруг. Кто-то несет облачения владык, сколько их есть, и диаконы облачают их по чину. И когда облачают, один диакон кадит вокруг и держит трикирий. И тогда все стоят, пока не скажут: „Во царствии сей“. И тогда священники полные подносы книг выносят и каждому священнику дают по одну. И все несут в руках, не могут оставлять на трапезе из-за других ценностей.

И когда хочет Евангелие читать диакон, юный клирик выносит перед ним посох. И на великом входе носят полудиаконы рипиды до царских врат, а в алтарь не входят. И врата остаются открытыми на протяжении всей литургии. И на причастной остаются открытыми. И когда прочитают „Верую“, берут два диакона две рипиды от полудиаконов и вносят в алтарь, и один машет над Агнцем, а другой над чашей, пока не произнесут: „Тебе поем, Тебе благословим“. И тогда [их] опять выносят к вратам и отдают полудиаконам. И когда будет малый вынос, тогда оставят рипиды. И после „Достойно“ выходят диаконы к вратам и становятся один перед Христовой иконой, а другой перед Богородичной иконой. И произносит первый диакон: „Господи, спаси благочестивых и услыши их!“ И поет владыка перед престолом так. Затем другой диакон произносит: „Господи, спаси!“ Тогда правый хор поет: „Господи, спаси благочестивых“, затем правый диакон: „Господи, спаси благочестивых“. И поет левый хор: „Господи, спаси“. Затем поминает диакон патриарха иерусалимского одного, а потом поминает трех патриархов

вместе. И после этого идут диаконы в алтарь. И при сорока священниках по очереди каждый произнесет: „Первым помяни, Господи, патриарха Иерусалимского“, а больше иного никого. И так всегда делают. И священники, когда причастятся, снимают облачение, не читают отпуст.

И диаконам дает владыка и Тело Пресвятое и Кровию Честной напоит из чаши своей рукой. А священники сами берут и Тело и Кровь. И все ждут до последнего. И Богородицы частицу кладут одни от проскомидии, а другие кладут откуда и чины. И на литургии отпуст произносится: „Воскресший из мертвых“, и поминается Иаков, первый епископ, который писал *Службу*, и Константин и Елена, и Златоуст, и Иоаким и Анна и все святые.

И литургию поют, когда спешат, и до рассвета, а когда не спешат, то начинают служить когда уже заря узнается. А когда движутся на вход с четырех сторон, оказывают престол и обходят вокруг него все. И в Большой церкви не видел я никогда, чтобы другой раз престол оказывали, но оказывают лишь те, которые стоят в алтаре и оставляют кадильницу. И на отпущении священник всегда говорит: „Пресвятая Богородице, спаси нас“ и „Слава Тебе, упование наше, слава Тебе“.

И после Воскресения (Пасхи) до Вознесения кафизма вечером не читается, кроме недели и полунощницы. И от Пасхи до Вознесения перед отпуском „Христос Воскресе“ не говорят, а когда говорится отпуст, тогда произносит священник: „Христос Воскресе“ трижды и все отвечают: „Воистину Воскресе“. Так вплоть до Вознесения говорится и в начале: „Христос Воскресе“, а „Приидите“ на „Благослови, душе“ не говорят, но „Христос Воскресе“. „Воскресение Христово“ помимо недели не произносится, причем один раз. А на „Хвалите“, когда есть, поют. И „Хвалите“ не читают, и на стихи не произносят, а пропускают, говорят, это вместо того. И когда был полиелей, кафизме не читали, а потом начинали петь: „Хвалите имя Господне“.

И на Лазареву субботу ходили мы на гроб Лазарев в Вифании, а затем на Елеонскую Гору, откуда Христос вознесья. Там у основания есть купол, а с куполом была церковь очень большая, в длину на восток с алтарем 83 стопы, а поперек 114 стоп, и купол шириной и длиной 18 стоп. И там, где святой престол был, стоит нечто от стены. И над ним растянули шатер, и освящали воду, и пели литургию и совершали проскомидию один возле другого.

И в Великий понедельник ходили мы на Иордан после полуночи. И сам паша отправился и все воины паши, чтобы нас сопровождать и на реке охранять. От Иерусалима [пошли мы] на восток от Гефсимании, на Кедронский ручей, затем на Вифанию, все по сухим скалам вниз к Содомскому морю.

И на ночлег стали мы у реки, протекающей под Иерихоном. И видны были дома Закхеевы. И от этой воды Елисей исцелился. И назавтра пошли мы на Иордан, как только солнце показалось. И пили и купались. В Иордане вода сладкая весьма и глубокая очень, перейти невозможно. Некоторые плавали. И там есть гора, которую называют Аермон. Там и Христос крестился. И повыше от нас виднелся монастырь Предтечин. Там Мария Египтянка причастилась, как описывается словами Великого канона. И ниже нас виднелся монастырь Герасимов, которому лев служил. И вблизи нас виднелось море Содомское. И там красивые поля.

И потом мы вернулись с Иордана. И на пути был один источник воды большой. Святой Герасим молитвой [его] вывел. И в полдень мы съехали на конях на плоскогорье. Нас уговорили сесть и взяли с каждого паломника по пять грошей, поскольку нас охраняли и сопровождали. И затем на то же место ночлега пришли под Иерихон город, и на ту же реку. И сверху од того ночлега виден был город Иерихон, пустой. И под горой красивые поля, и теперь села стоят. И там неподалеку от места ночлега в камне высоком есть пещера, где Христос постился сорок

дней. И очень трудно к ней дойти. И потом напал страх большой на нас, не осмелись ночевать, а пошли на заходе солнца. Целую ночь пробирались через горы, как чей конь мог.

И прибыли мы в Иерусалим в Великую среду в полдень. И всего города люди вышли к паломникам. Вплоть до Вифании с обеих сторон пути человек возле человека стояли, неисчислимо большое множество: и женщины-турчанки, и дети, и Турки, и евреи, и какие только есть веры на свете – всякие вышли.

И месяца января числа двадцатого пошли мы в монастырь святого Ефтимия на вечерню. И совершалась лития. И священников пять облачилось на вход и один диакон бородатый, с проседью. И там все вышли на литию с чалмами на головах. И каждый нес по свече. Когда лития была отпета, тогда каждый свою гасил и уносил с собой. А после свечей вынесли воду от цветов и всем людям влили понемногу в руки, и помазывались по щекам и по бороде. Затем пронесли тарелку и собрали аспры. И поставили пять просфор, очень больших. В каждую воткнуто по свече, и они горели. И такой всегда у них обряд. И когда завершили вечерню, дали по чашке вина там же в церкви, поскольку снаружи обильно падал снег. И уже неделю он и день и ночь не переставал. И когда пошли мы на выход, там стояло дитя перед дверью и раздавало каждому в руку по кусочку хлеба от петихлебницы. А другое стояло чуть подальше и держало коливо, и каждый брал по щепотке и шел домой.

Так и на Сретенье ходили мы в другой монастырь, Сретенье [его] называют. И так там были в воскресенье Сплошной седмицы. Это в городе. И мы первый раз вышли из города через ворота у Давидовых домов. И немного ниже от Давидовых домов обнесенная стеной со всех сторон, а внизу хоросан. И так говорят, что это обустроил Соломон, он там озеро сделал. где катался по воде и играл с девицами. И когда-то была гора Сион, где прежде град

стоял, а теперь сеют хлеб. И много кладбищ там христианских.

И по той долине ходили мы к Иоавову колодцу. Тот колодец, говорят, имеет 40 аршин глубины, да и тогда из него текла река. Две мельницы водяных одновременно мололи. И немного ниже еще была вода сверху из земли. И весь город в те дни, и женщины и дети, туда шли. Носили белье стирать. И немного выше того Иоавова колодцаа находится Гончарова нива. И там мы видели удивительные пещеры, высеченные дома белые. И видели пещеру где ставят, как напишсано, для погребения иноземцев. И от того Иоавова колодца пошли мы вдоль другого ручья, сухого Кедронского, под град Сион. И видели место, где пророка Исаию перерезали. Там теперь лежит большая груда камней. И там повыше под землей проведена вода от Силоама. И оттуда пошли мы вперед по ручью далеко. Не знаю, можно ли было бы выстрелом ружья достать до Силоама. И тот колодец Силоама врублен в здоровый камень в земле. И не врублен, собственно, а сооружен. Имеет ширину в пять аршин и сверху 26 ступеней.

И оттуда пошли мы вверх на гору и добрались до города Иерусалима. И прошли по краю стены города Иерусалима на место, где был город Святой Сион. А теперь нет города, а посеяны хлеба, только на середине большая церковь и дом, как для двух больших монастырей. И туда Турки христианину зайти не дают. И там Тайная вечеря была, и там Петр отбился, и там петух отозвался, и теперь там петух нарисован, и есть камень, где Христа посадили. И там схождение Святого Духа было.

И затем в субботу на Задушины вышли мы к городским воротам на Святой Сион. И там читали молитву на кладбище. Затем сошли вниз по горе Святой Сион и пришли в Гончарову ниву. И там есть церковь под землей. И отпели литургию и вышли к гробнице. И пока гробницы врата открылись, литургия завершилась. И тогда врата закрыли и читали над коливом сверху над гробницей. И

при коливе кафизм не читали, а канон и на каждой песне диаконское произносилось. И по порядку на каждого священника по одной молитве и возглас был, а владыка прежде всего. И дали пшеницы и по кусочку хлеба и по чашке вина – и по домам.

И затем пришли мы в Белую субботу с утра на Елеонскую Гору. И это со стороны города. И пошли мы от гроба Христова. И видели, где были прежде городские ворота Христова Распятия. И ныне стоят. И оттуда расстояние, что можно бы дважды из пращи камень добросить. И возле тех ворот все торговые ряды под сводами. Там сто лавок. Все в запустении, только мусор и нечистота. Говорят, когда Христа прибили к Распятию, над Ним оттуда лавочники насмехались, их Христос проклял – потому пустые лавки.

Идя через город, я видел место на камне, где Христос сел, [в] реку поскользнувшись, когда крест нес. И это напротив дома того богатого, о котором Христос в Евангелии говорит, что имя его не помянет, а имя его Навал. И потому Христос перед этим местом поскользнулся. И оттуда заставили нести крест Симона Киринеянина. И это посреди города.

И прошли мы сколько за два раза камнем из руки можно бы добросить. Оттуда Христос крест нес. Там были Пилатовы дворы. И теперь там есть свод через улицу от тех домов. И оттуда пошли мы к дому отца Иоанна Богослова, тому, который он продал, а купил на Святом Сионе. И туда, где большая церковь била, которую Соломон строил сорок лет, а теперь на том месте одна церковь, которую называют Соломония, а другая – Святая Святых. На удалении стоит, пустое пространство и стены, и христианину войти не дают. И кажется мне она такая длинная, что из ружья за два выстрела едва ли можно достать, а соответственно этому и ширина. И перед этим местом имеется ров большой, едва ли бы камень из руки перебросил через него. Таковы и ширина, и длина. Там про-

рока Иеремию убили. И теперь нора видна большая. А перед этим через улицу видели дом Иоакима и Анны. И там церковь большая, и малых много церквей, и там под церковью пещер много. Там, говорят, Богородица родилась. И между церковью и домами сад иесть, 15 аршин в длину и ширину. И теперь там есть четыре апельсиновых дерева, хотя были [и] розы, а также и четыре-пять кустарников. Там, рассказывают, когда Анна молилась Богу, то увидела птичье гнездо. А теперь это закрыл Турок, и так стоит опустевшее. И там вблизи видели колодец, Овечья купальня, как [и] написано.

И оттуда вышли мы из города через ворота, которыми идут на Елеон. И на тех воротах внутри некое чудо, говорят: ангел прижимал рукой камень, и теперь виден. И там мы прикладывались. И за городом пошли с горы вниз. И там видели место, где святого мученика Стефана камнями убили. И там поклонились и приложились. И пришли на ручей Кедронский. И там была вся Гефсимания. И теперь есть церковь большая и посреди церкви гроб Богородицы, и купол вокруг гроба, и дверки на куполе две. И там церковь в землю сойти на 65 ступеней, а по верху равна с землей. И там [есть] три алтаря, и там есть вода святая в церкви; и мы доставали и пили, и умывались. И там гробы Иоакима и Анны. И туда каждую субботу в Великий пост мы ходили на литургию [чтобы] петь. И целовали Богородицы гроб и поклонялись.

И немного ниже перед этой церковью видели мы дыру под землей, и говорят, что оттуда огненная река потечет. И некоторые заглядывали, а я не хотел. И там посреди той церкви есть пещера большая под землей, широкая, што пишет врт, где Христа схватили и где апостолы скрывались. И видел я то место, где апостолы спали. И Христос отошел на расстояние брошенного камня и говорил: „Отче, если возможно“ и иное, и молился. И там мы прикладывались. И выше есть место, где смоковницу Христос проклял. И там дальше я видел, где пояс Богородицы упал.

И выходили мы на Елеонскую Гору. Там видели, откуда Христос вознесся. И есть там одна стопа правая, в камень углубившаяся, а вторую, говорят, Римляне унесли. И там Арабы охраняют. И Турки построили тулбе над стопой. А ниже есть надгробный памятник, и они закрывают. И оттуда видели мы Иордан и Содомское море. И пониже есть одна скала, и на ней видна груда камней. Там, говорят, Соломон изваяние поставил. И дальше за Елеонской Горой есть другая гора большая, которая, как говорят, называлась Галилея Иудейская. И в ту сторону мы поклонились.

И затем вернулись в Иерусалим 22 февраля. И в Чистый четверг вышли мы из города по долине, которая называется Долина плача. И пришли в монастырь Святого Саввы Освященного в Долине плача. К скале прилепившийся, как ласточкино гнездо. Имеет ограду вокруг и одну башню внутри, а вторую вне. И от церкви до башни вперед 90 ступеней, и на башню 51. И в башне всегда сидит один монах, несет стражу. А из башни веревка привязана в сторону церкви. И на веревке четыре колокольчика, и когда кого увидит он, знак подает. А церковь высокая по своду, и купол на церкви, окон 20, длина церкви 120 пядей с алтарем. И в алтаре до престола 13 пядей, а за трапезой 16 пядей. А хоров нет. А шириной церковь 35 пядей. Возле Христовой иконы архангел Гавриил, затем дверь и на двери изображен Христос на престоле, и Петр Александрийский: „Кто Тебе, Спасе, ризу разодрал?“ И над дверью на своде Тайная вечеря, а за дверью святой Савва, а над царскими вратами Снятие Христа с Креста, и под проскомидийской дверью Авраамово угощение, а над другой дверью два канона Творца, и святой Никола, еще один святитель. И двери в два яруса, и на дверях замок, и над царскими вратами изнутри замочная скважина. И рядом с иконой Богородицы архангел Михаил. И за дверью проскомидийской Предтеча Иоанн, и над иконой Рождение и Усекновение.

И видел я пещеру Иоанна и Аркадия. И там в Долине плача с обеих сторон безчисленное множество пещер, углубляющихся [к] Содомскому морю. И там мы поклонялись и затем возвратились в Иерусалим.

И в полдень другой недели поста пошли мы в Вифлеем Святой. И первое что видели на пути – камень, а над ним смоковницу. Рассказывают, что там Богородица сидела, когда шла беременная в Вифлеем. А немного оттуда пройдя, видели колодец у дороги. И оттуда возвратились мудрецы другим путем в землю свою. Еще немного пройдя, мы вышли на холмик. И там есть место на камне под можжевельным кусом, где святой Илия спал, а его ангел пробудил и сказал: „Встань и ешь, ибо дальняя дорога пред тобою, сорок дней и сорок ночей!“ И оттуда он пошел на Синайскую Гору. И углубилось место на камне, где он лежал, а напротив его находится монастырь святого пророка Илии, весьма большой. И там есть одна икона чудотворная. И там некие вериги стоят, и мы через них пролезали – святость хранят.

И оттуда пошли мы и видели камень, где Богородица с Христом пряталась. И там немного дальше видели возле дороги камни такие, как горох, но большие. Создался камень от гороха. Спросил Христос: „Что сеешь, человече?“, а тот ответил: „Камень“. Тогда сказал Христос: „Камень тебе и будет!“ Еще прошли мы и видели гроб Рахили, матери Иосифа Прекрасного. И там недалеко от гроба видели дом Ефраимов. И теперь села [так] называются. Видны семь башен старых и ограда вокруг.

И дошли до Вифлеема. И там, где Христос родился, есть большая церковь. Клиросы широкие 156 пядей, а от алтаря к владыкиному столу 70 пядей, а от владыкиного стола в длину до переднего притвора 132 пяди, а в том среднем притворе 112 пядей, и в нем колонн мраморных 48 и 12 окон, а все был украшено мозаикой. И теперь есть несколько ликов, однако многое повреждено. Притвор длиной 30 пядей, и вокруг своды всюду, а посреди бал-

ки деревянные и свинцом покрыто, и один купол перед алтарем. И затем из обоих клиросов ступени к пещере под алтарем большим; из одного 16 ступеней, а из другого 13. Там место, где Христос родился. Под камнем пещера, и там места, окованные серебром. Там, где Он родился, лампад много, а если на четыре или пять аршин повернуть к западу, ясли – ниже на три ступени. И там горит лампад много. И посредине этого место, где мудрецы стояли, когда Христа увидели. И там сверху лампы. И в той пещере сверху тканью по камню обтянуто, а пол покрыт мрамором и ясли мрамором. И там, чуть дальше, примерно десять аршин, место, где воду пролили, когда Христа купали. И там лампада горит. И немного пройти к дверям, там место, зарешеченное железом, где ягненка за Христа заклали в пещере. И там лампада горит.

И есть перед той большой церковью место, как преддворье, 60 аршин длиной, а шириной 40. И там теперь пол, и место вокруг, где сидеть, когда выходят из церкви. И есть колодец ветряной, и крестильня очень большая, из камня. И там был монастырь, и теперь живут монахи. И оттуда видна неподалеку гора Сигор, куда Лот из Содомы бежал и пришел к Сигоре. И видели мы место и гору, которую называют Авраам, где Авраам Святую Троицу угощал. И теперь есть дерево зеленое вблизи Вифлеема, не знаю будет ли час хода; от Вифлеема до Иерусалима два часа хода. И ходили мы на поле, где Давид Голиафа победил. А то поле велико. И на том поле пещера, где находились пастухи, когда ангелы пели: „Слава в вышних Богу!“

И от Вифлеема пошли мы в Крестовый монастырь. И там видели место под святой трапезой, где дерево ссеченное – честной крест. И там благоухание сильное, и решетка железная. И алтарь длиной 33 пяди, а шириной 30 пядей, и проскомидия, выделенная из алтаря и удаленная от алтаря на 60 пядей, а притвор 20 пядей. Один купол на церкви на весь свод. И две иконы Христовы, и возле них Ангел и две Богородицы рядом с ними. И на теме-

ни 12 апостолов, и на середине моление, и вверху крест, и около царских врат стена, под иконой святые на стене изображены. И там пол тонкий, как на малый м ноготь, и многообразен: белое, как снег, желтое, зеленое, черное, голубое, красное темное, синее. Всюду лозы сплетены разнообразно, за ними звери, птицы, рыбы, змеи – просто удивительно, как много украшения в этой церкви. А там три церкви: Архангела, Успения, Николы и ограда вокруг. И там мы поклонились и к честному дереву приложились. И это вблизи Иерусалима, полчаса хода.

И пошли мы от Крестова монастыря к Иерусалиму, и видел я по пути [место], где хотели Иудеи побить камнями женщину блудницу, и обратились к Христу: „Что Ты о ней скажешь?“ Там Христос написал перстом на камне: „Кто не имеет греха, тот пусть первый бросит камень в нее “ И не нашлось человека без греха. И там целовали мы написанное Христом и пошли в Иерусалим.

И в другую седмицу поста, в четверг, пошли мы из Иерусалима и пришли к месту, которое называют Богородицына вода. И затем немного далее пришли к называемой Филипповой воде, где Филипп осужденного крестил. И оттуда пошли мы в сторону и по камням и пришли туда, где Елисавета, когда лежала, сказала: „Гора, прими мать с младенцем!“ И раскололся камень и принял. И там известно, где Предтеча рукой взялся за камень, и теперь пальцы на камне. И там вытекает вода прекрасная, и я попил и умылся. И там развалины белой церкви. Много. И там вода разоблачения, где напоил Захария Богородицу и Иосифа, чтобы раскрыть водою, как зачала Богородица Девица. И не смо раскрыть, поскольку убежала вода в землю. И там я попил и умылся. Колодец небольшой там и теперь.

И затем пришли мы на место, где Предтеча Иоанн родился. Шли же мы среди вишен поспешно, [пришли] в град Иудин и вошли в дом Захариин. И там большая церковь, а теперь Латины обновили ее и содержат. И в той

большой церкви, рядом с алтарем на северной стороне есть в земле семь ступеней под камнем в пещере. Там Иоанн родился, и там лампад горит много, и мрамором все украшено. И осталось место, насколько рука может войти, и это серебром оковано. И там мы прикладывались. И когда мы туда ходили, в двух местах хотели нас Арабы камнями побить, пока мы их деньгами не ублажили.

И оттуда пошли мы на Крестовый монастыря, а затем в Иерусалим. И затем пошли из города через ворота, которые ранее назывались Дамасские ворота, а теперь называются Шамские ворота. И пришли мы в пещеру, где Варух спал 62 года. И это вблизи города, почти что можно бы камень добросить до города.

И затем пошли мы из города через ворота, которые к Иордану. И там ниже дороги гроб Авесалома, сына Давидова. И над гробом надгробие красивое. И там многих древних пророков гробы. И немного выше того Авесаломова гроба есть место на камне, где Христос брение сделал и помазал глаза слепорожденному. И пришли мы в Вифанию и там вошли к гробу Лазареву; там 30 ступеней. И там была церковь большая, а Турки сделали надгробный памятник, и теперь пусто и развалено. И ходили мы к камню, где Христос сидел, когда вышла сестра Лазарева и когда он шел поднять Лазаря. И камень тот поменьше, и не такой, как около него камни, а камень твердый, по нем лазурные полосы. И далеко будет от Лазарева гроба, на два ружейных выстрела. И затем пришли мы в град до часов.

И затем на другой день повели нас в город по манастирям. Сперва из монастыря Архангелов в монастырь святого Димитрия, да в монастырь святого Николы Мирликийского, да в монастырь Богородицын. Оттуда, говорят, смотрела Богородица, когда Христа распинали. Затем в монастырь Сретенья, да в монастырь святой Екатерины и святого Георгия два монастыря. Говорили, которые в городе, которые около города, 20 церквей имеется.

И в 26 мест нас водили, и на каждом месте милостыню просят. И есть монастырь [который] называют Авраам, церковь малая. И посреди церкви место, где Авраам хотел сына заколоть. И там пониже дерево, где был овен привязан. И это рядом с тем местом, где Христа распяли. Не знаю, есть ли восемь аршин, стена разделила. И перед воротами большой церкви место просторное, шириною 94 стопы, а длиною 77 стоп, было прежде под сводом, а теперь обрушено. Это был притвор, но он не затворялся, а так стоял, и теперь осталось от колонн основание, где прежде были своды. И в том притворе от дверей больших на восток купол красивый. Там Мария Египтянка видела Богородицы лик, который с ней беседовал. А теперь это заделано и построена церковь. И возле той церкви есть колонна, и на той колонне Святой Дух задержался, когда на патриарха сходил. И это с правой стороны двери большой, а с левой стороны двери колонна посредине надтреснута, куда Святой Дух из Гроба изошел. И там двери очень большие, пять колонн посредине, а по пять с двух сторон. Только, половина теперь заложена, а половина и теперь служит, два крыла, каждое крыло по 12 пядей в ширину, а высоту я измерить не мог. И над дверью чудная красота – лозы, изваянные в камне. И там мы ежедневно прикладывались. И там есть один камень, когда сказала Богородица: „Мне бы увидеть Синайскую Гору!“, то принес Ангел два камня и сказал: „Если желаешь Синайскую Гору видеть, это камень Синайской Горы – смотри себе!“ Один стоит там, а другой в другой церкви. И горит над ним лампада всегда. И возле той церкви церковь Иакова, брата Божия.

И ходили мы в два дома, смотрели. Где [Давид] Псалтирь писал, там есть окно. И там горит лампада всегда, Турки ее возжигают. И есть на окне место в камне углубленное – это, говорят, Давид оперся, когда Псалтирь написал, и локоть погрузился в камень, как в снег. И там мы прикладывались. И это зарешечено отчасти железом,

так мы через решетку перегибались, чтобы поцеловать. И ходили мы в монастырь святого Георгия. И ходили в село Бежали, а там родились 12 пророков. И там [есть] церковь святого Николы, и поклонились там.

И если хочешь разобраться с воротами города Иерусалима: первые – Вифлеемские, вторые – Сионские, третьи – Идумейские, четвертые – Раитские; они замурованы. Они на большой церкви Соломоновой. Там Христос вошел на Ваий. И когда Турки взяли город, кто бы ни вошел через те ворота, каждый пал мертвым; вот их и замуровали. Пятые ворота – Гефсиманские, шестые – Шамские.

По иерусалимским уставам церковным литургию с утреней поют, не разделяют, и без постов и в посты, кроме преждеосвященной, когда видят, что начинает заря проявляться, утреню не завершают, а совершают проскомидию, а там читают утреню, и когда не успевают, читают когда первый час и те два. И священник перед честной трапезой „Царю Небесный“ не читает, но как совершая проскомидию, оказывает алтарь и возле царских врат иконы. И тот, кто читал часы, говорит „Достойно“, и священник произносит отпуст малый, никого не поминает, ни дня, ни святого. А на проскомидии отпуст не произносят. Так делают всегда. И когда произносят: „Миром Господу помолимся“, не затворяют царские врата никогда. И когда произносится: „Помилуй нас, Боже“, врата не затворяют. И на вечерне, и на утрени, когда священник в алтаре говорит, врата отворенными остаются И при этом диаконство помянет 50 или 100 имен иеромонахов и монахов и иереев. Именуют кто какого чина, а простых только имена называют, а больше ничего не говорят. И почивших имена после живых поминают, затем возгласение: „Яко милостив“, и ставят коливо перед Христовой иконой на землю, и священник кадильницей оказывает и произносит диаконское и имена поминает. Затем и молитву велегласно, как и диаконское. И на молитве имена поминает, и возглас. Потом произносит отпуст вечерни.

И выносят [коливо] к дверям, и как кто выходит, так и берет щепотью, как кто может, рассыплют и на землю. Так и на литургии в субботу. И люди приносят по одной просфоре. И сколько ни есть празднующих или почивших, от каждой положат частицу на дискос. Из „слов“ не вынимают, но отрезают от каждой краешек, и кладут в нафорницу. Из одного краешка вынимают Богородичен из чистого места, а не из „слова“. И чины кладут из краешка по одной частице либо по два или по три, сколько имеется просфор, так из каждой будет выниматься. А те два вида не кладут, но берут краешек и от него крошки в одну горку много, и поминают много и мертвых и живых, и чины из простого хлеба, а не из печатей с лица просфоры и не изнутри.

И перед великим входом, когда хочет священник помянуть, поднимает покровец с Агнца и приносят тот краешек и от него крошит. А звезды не поднимает, и поминает кого хочет, как и прежде, тогда покрывает и несет на вход. Так и владыки поминовение совершают, когда служат. Когда вынимают Агнца для преждеосвященной, на каждый Агнец отдельно крестят вино и воду, и выливают в путир на каждый Агнец по порядку. И одни оставляют в субботу два Агнаца – на среду и пятницу, а в неделю не оставляют. А иные в субботу не оставляют, но кладут в неделю по шесть Агнцев, и каждый день поют преждеосвященную. На преждеосвященной при переносе священник левой рукой держит Агнца и проходит вблизи подсвечника, а не иде вокруг, а царские врата остаются отворенными, и священник становится перед престолом, кадильницей оказывает и поет: „Да исправится молитва моя“, и свеченосец становится позади престола лицом к священнику, держит свечу и как отпоется „Да исправится“, стих прочитает, а не поет. Затем поет правый хор, а священник проходит с южной стороны, а свеча напротив него, обращенная к западу. И тогда, когда произносится „Свете“, затем поет левый хор, а священник проходит

из-за престола, глядя на запад, а свеченосец напротив него. И тогда, кадя, прочитает стих, и священник переходит на северную сторону, а свеченосец напротив него, и хор поет. И тогда священник, кадя, произносит „Слава и ныне“. И потом священник становится перед честной трапезой, глядя на восток и священное за трапезой. И затем священник поет: „Да исправится“ до половины, а оба хора вместе: „Воздеяние руку моею“, а священник умолкает, и поклонов никаких.

И присутствовал в церквях, где проповеди говорят. Одну говорили у святого Евфимия, другую в Сретенье, третью на Гефсимании архиепископ синайский, четвертую в Большой церкви на Живоносном Гробе, в Неделю крестопоклонную – все после литургии и на Ваий.

И в монастыре святого Саввы, сербском монастыре, престол шириною пять пядей, а длиною четыре пяди, и высокий купол. Высота престола от земли четыре пяди и три пальца, напротив его проскомидия.

И на Живоносном Гробе, от Большой церкви при больших воротах до средней церкви 58 стоп. И есть перегородка один аршин. Это на правой стороне возле игумена стола. А от левой стороны до захода 51 стопа. И от захода 12. От перегородки до Гроба 38 стоп; это все в легкой обуви. Купол над Гробом вытянут, то есть на восток и на запад 36 стоп, и из-за Гроба до свода 22 стопы. И там за гробом Христовым гроб Иосифов и Никодимов. И за большой алтарь 14 стоп, и малые алтари по 14 стоп.

И от царских врат на 18 стоп удаленно диакон стоит, когда диаконское произносит. Оттуда и оказывают иконы возле врат, никогда ближе не идут, и всегда не как священники иду. И на отпущении диакон когда произносит „Премудрость“, над кругом произносит, или ближе к проскомидии, и идеет в проскомидийские двери. И когда хочет священник читать Евангелие в алтаре на утрени, диакон выходит на круг и произносит: „Господу помолимся“, „И о сподобится“ и „Премудрость, прости“, и иде в алтарь вокруг.

И видел я ров, в который братья бросили Иосифа Прекрасного. И там мы пребывали 98 дней, и ходили каждый день по святым церквям, и поклонялись. И к Живоносному Гробу входили на каждый праздник. По дню и ночи внутри в церкви проводили, молясь и благодаря Бога. И на каждый праздник угощали нас и честь нам оказывали иеромонахи. И благословения мы удостоились отцов святых, и прощение и дары получили.

И отправились мы из святого Иерусалима 17 апреля са радостью и страхом многим, славя и хваля Бога, Который нас удостоил такой чести и славы недостойных, прежде и богопомазания от непреподобных Арабов. И до Яффы на два дня достаточно было и тяжелых голов. Пошли мы во вторник рано утром после святого Фомы. И прошли село Добрый Иаков, так называется, и затем прошли Еммаус. И еще многие села и города прошли, и пришли на ночлег в Ренье. И оттуда наутро вышли и пришли в Яффу в полдень. И прошли Кесарию Филиппову, и Кармийскую Гору, и Акру, и монастырь святого Илии, и Тир, и Сидон, близкий от Яффы, виднеется у моря. И видел я монастырь пустой и бывшее селение пустое. И многие горы прошли мы. И там видели гору Хорив, где святой Илия постился.

Пять ладей с нами пошло вместе. И пятого мая утром в пятницу увидели мы остров Кипрский. И во втором часу ночи подошли к берегу. И когда луна взошла, пошли мы вдоль берега. И назавтра во втором часу дня увидели две лодки пиратов латинских. И вернулись в море, бежали. И это было под городом Кипром. Из-за этого не смогли мы зайти в город Кипр, где святой Лазарь. И прошли многие горы, и пришли в город, который теперь называется Павел. Там апостола Павла били, как пишется в Апостоле. Палкой он бит был 40 раз, исключив один раз. И теперь стоит столб каменный, к которому его привязывали и били.

И это был город большой, да Латиняне его разорили. Было 390 церквей, а теперь разорение и почти пусто. И

есть там Турки, а к берегу Греки. И говорят, что на том Кипрском острове 40 тысяч сел. И там мы были на Богослова. И тогда вышли в большое море и на Перенос мощей святого отца Николы. И назавтра за нами гналась одна пиратская ладья. И дал Бог нам умыкнуть. И в полдень корабль. И от него [умыкнули] и повернули в другую сторону. И в пятницу, еще не сменилась днем ночь, 11 мая, увидели мы противную ладью. И повернули в другую сторону. И увидели перед собой судно мальтийское, и заколотились мы от страха и возопили к Богу все. И не было помощника, ибо перевесили грехи наши. И посыпались Турки, как град. И бились мы, и рубились, и верх взяли Мальтезы. И один из Мальтезов пал мертвым, и два сбили ранены. И все с нас снимали, и сорочки, и совсем нагих и босых выбросили на берег на песок. И некоторым дали свои порванные сорочки и одежду негодную. И были с нами четыре Еврея. И их избили и повели в свою страну. И нашу ладью увели.

И это было под городом, который называется Финикия. И пошли мы голые и босые по терну и по острым камням в вечернее время к городу Финикия. И там под градом забрались в кусты и так переночевали. А там наши три ладьи нашего общества паломников. И дали нам кое-что – кому рубашку, кому штаны, кому шапку, кому платок. Было нас ограбленных паломников 65. А те другие паломники уже не осмелились идти морем, а пошли по земле, по сухой Анадолии к Царьграду. А мы, 34 ограбленных, нашли ладью, чтобы нас доставила на Родос. И в первую же ночь отправились мы под город Мир. И когда рассвело, увидели судно в заливе перед собой. И там ждали три ночи и два дня, пока то судно убралось.

И еще много городов и сел прошли мы за 18 дней до Родоса города. А Родос на острове. И это город удивительный, крепкий и красивый, а строили его Мальтезы. И напротив его другой город в Анадолии, мальтийский был прежде, а теперь Турки в нем. И оттуда отправились в

Станкое. И это крепость и варош, и мельниц много ветряных. И добрались в город Саказ. На том острове Саказском или, иными словами, крае, имеется, говорили, 390 церквей. Это раньше называлось Хиос. И оттуда пришли мы под Трою, город большой. И очень удивлялись такой величине. И он на анадольской стороне вдоль моря. Видны и теперь стены, где-то те еще, где-то пусто и раскопано. Виднелось рядом с ним мельниц много. Турки из него и теперь вывозят и строят города.

И пришли мы в Калиполь, то есть добрый град. Там Турки прежде всего море перешли. Там не намного шире, чем два Дуная. Там они перешли на Сербскую землю. И там есть по обе стороны города и крепости. И поля красивые, ровные, по обе стороны. И пришли мы под город Мармара. И это на острове. И там переночевали. И вблизи того острова есть одно место на море: когда Латиняне везли святой престол из [Святой] Софии, то здесь он пропал из ладьи, и теперь от него миро на поверхность моря выходит. И когда тихое море, могут люди его собирать, и видно на море то миро.

И прибыли мы Царьград месяца июня 12 дня. Там увидели большой город. Осмотреть невозможно. Кажется мне, что на земле иного такого большого нет. И там я видел большую церковь [Святую] Софию. И пошел я в неделю с Григорием поутру к патриарху Цариградскому. И были мы на утрени и на литургии. И пошли мы на ночлег. И там я видел, у патриарха, что прежде поминают Цариградского, а тогда Иерусалимского.

И вышли мы из Царьграда месеца июля второго. И три дня шли вдоль моря, в солунскую сторону все. И там я видел один мост. Будет миля хода по нем от моря. И там прекрасные поля. И пришли мы на девятый ночлег в Филиппы, город очень большой. И где крепость была, известно. И говорят, что крепость ту от основания строил Филипп Драгилович. И там мы провели день. И там уже десятый ночлег в Пазарджике, шесть счасов хода от

Филиппов. И там провели день. Там горы. И овец пасется много по горам, а зимой идут к морю.

Оттуда после большого пути пришли мы в Софию. И это город большой, а крепости нет, да и не было, на ровном поле большом. Там христиан много. И там в одной церкви король Милутин сербский, в целости.

И утром прошли мы большие горы, которые называются Гора Ежевица. И пришли на Мораву к мосту. И там перебрались на лодке. И утром прошли [место], которое называется Нова Паланка, изгороди слепленные. Турки его называют Деве Багрдан, то есть верблюжья река; когда разбухнет, не могут верблюды перейти, и упираются.

И потом пришли мы в Баточину. Малый городок, изгороди слепленные, и заезжий двор большой. Ночлег девятнадцатый у Хасанпашиной Паланке. Малый городок, изгороди слепленные. И прошли Коларе. И там городок захолустный. А по ходу видели с горы город Смедерево у Дуная с белградской стороны, ниже Гроцкой. И ночлег двадцатый в Гроцкой. И там городок захолустный, и заезжий двор. Турки называют Хисарджик. И ночлег двадцать первый в Белграде. От Ниша до Белграда 44 часа хода, а от Ниша до Ягодины 20 часов хода.

ЛИТЕРАТУРА:

Бодянский, О. „Путьшаствiе къ граду Иерусалиму Иеровея Рачанинскаго, въ лѣто отъ бытія 7212, а отъ Рож. Христова 1704, мѣсяца Юліа 7“. *Чтенія къ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ при Московскомъ университетѣ* IV (октябрь – декабрь 1861): 1-42.

Грицкат, Ирена. „Језик српских путописа из XVII и с почетка XVIII века“. У *Зборник историје књижевности*, Књ. 10, уредник Војислав Ђурић, 297-322. Београд: Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, 1976.

Из старе српске књижевности. Превео и саставио Миливоје М. Башић. 4. исправљено и нешто допуњено издање. Београд: Издавачка књижарница Геце Кона, 1931.

Јовановић, Томислав. „Путопис Јеротеја Рачанина“. *Браничево* XL (октобар 1994): 62-99.

Маринковић, Боривоје. *Одломци њирања за Рачанима и њирадицијом о Јеротеју Рачанину, Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду* XII/I (1969): 263-300.

Новаковић, Стојан. „Прилози к историји српске књижевности. VI Јеротија Рачанина пут у Јерусалим 1704год.“ *Гласник СУД XXXI* (1871): 294-295.

Павић, Милорад. *Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век)*. Београд: Нолит, 1970.

Света земља у српској књижевности од XIII до краја XVIII века. Приредио и на савремени српски пренео Томислав Јовановић. Београд: Чигоја штампа, 2007.

Стаматовић, Павле. „Србско у Ерусалимь путованѣ 1704. године. (Из старогъ рукописа)“. *Србска пчела или Новый цвѣтникъ за годину 1841* (Сегедин) књ. XII (1841): 78-84.

Стара српска књижевност. Избор из средњовековне књижевности: њоезија, њохвале, ајокрифи. Избор и пропратни текстови Томислав Јовановић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1997.

Страњковић, Драгослав. „Манастир Рача“. *Брасиво* (Београд) XXIV (1930): 70-75.

Хрестоматија средњовековне књижевности. Том 2, Српска књижевност. Приредио и на савремени српски пренео Томислав Јовановић. Београд: Филолошки факултет, 2012. (Библиотека Српска књижевност. Филолошки факултет, Београд. Коло Стара српска књижевност, књ. 1).

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
НА СЕРБСКО-СЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Григорий диак

ЗАПИСЬ НА МИРОСЛАВЛЕВОМ ЕВАНГЕЛИИ

Г(оспод)н б(о)жє мѡн щєдрѣ н многѡмн(о)стивѣ· поднлоуѣ мє
своею м(н)л(о)стнѡ грнгорнѣ· грѣшнаго· неклн быхъ оу господнна оу
мнлостн былѣ· на тє оупѣаю:~

конѣтахъ съ б(о)жнею помощнѡ аминь·~

азъ писахъ· алѣл[оуїаге]: гнгорь

азъ грѣшны гнгорнє днѣакъ недостонны нарєщн сє днѣакъ·
заставнхъ· снє· єв(а)нг(є)лнє· златомѣ· кнєзю· вел(н)кославномѡу·
мнрославоу· с(ы)ноу· завндноу· а мнє г(оспод)н: нє забѣди грѣшнаго·
нѣ сѣрнн мє сєбѣ· дѣ мн єсть г(осподнн)є жалѣ· тєбѣ работавшн
кнєзю своемоу г(осподнн)оу· дѣ мнє· нє хранишн грѣшнаго:~

Святой Савва

ЖИТИЕ СВЯТОГО СИМЕОНА

(Отрывок)

Бѣ ꙗко. д(ь)ны прииш[ь]дышоу, того м(ѣ)с(є)ца р(є)чє. чєдо мое
принесн мн прѣс(вє)тоую б(огородн)цоу. таково бо имамъ шєфтованіє.
яко да прѣд' нєю исповщюу д(оу)хъ мѡн. и сѣтвореноу бывшоу
повелѣнію. къ в(є)чєрю бывшоу, г(лаго)ла. чєдо мое сѣврѣши лю-
бокъ. възложн на мє расоу єже єс(ть) погребєніа моего. и оустрон
мє сѣврѣшено образомъ с(вє)тымъ. како и въ гробѣ мн възлєщи. и
простри рогознноу на земли и положи мє на нєн. и положи каинкѣ
под[ь] главою мою. да тоу лєжю. до[нь]дєжє посѣтитъ мє г(оспод)ь
възєти ѡт[ь] соуду.

Яз' же къса испльнивъ. сѣтворих[ь] повелѣна мн имъ. въсѣмъ
же намъ зрѣщимъ и плачущимъ се гор'ко. зрѣщємъ на сємъ бл(а)-
женємъ старци, таковаа нєнзр(є)чєн'наа б(о)жїа смотренїа. яко бо и зає
проси оу б(ог)а. и дасть ємоу въ дрѣжавѣ єго. тако и до сєго часа.
нє въсхотє ни єдинє вєщи лишити сє д(оу)ховныє, нѣ къса б(ог)ъ
исплъни ємоу.

Бѣистинноу бо братїє моа любилаа и ѡ(ть)ци. чюдо бѣ зрєти.
єгожє бѡиаху сє и трєпєтахъ въсє страну. тѣ видїмъ бѣ, яко єдинъ
ѡт[ь] стран'ных[ь] нищѣ. расою ѡбєнт'. лєжєщи на земли на рогозинѣ.
и кады ємоу под[ь] главою. въсѣмн кланяємоу. и оумилѡиущє сє и
просєщи оу въсѣх[ь] прощєніа и б(лаго)сл(о)вєніа.

Ноци же бывши. простив'ши сє и б(лаго)сл(о)вєн'ши сє оу єго
въсѣмъ. ѡтїдошє въ кєлїє слоужбы творити. и нѣколко мало покоа
къкоусити. аз' же и єдинъ нєрєн оставихъ съ собою. и прѣбыхѡвѣ
оу єго въсоу тоу ноцѣ. полоуноци же бив'шоу вѣтнша бл(а)жєны
старцѣ. и к томоу нєкє г(лаго)лати къ мнѣ. бывшъ ж[є] врѣмєнн
оутрѣнїє. и затѣншоу пѣтїю цр(ь)ков'номоу. абїє просвѣти с(є) лицє

бл(а)женомѣ стар(ь)цѣ. и въздвигъ на н(е)бо и р(е)чѣ. хвалнѣ б(ог)а въ с(вѣ)тых(ь) его. хвалнѣ его и на оутвѣрждѣнн слыы его. азъ же рѣхъ емоу, ѡ(тъ)чѣ кого видѣ говориши. он же възрѣвъ на мѣ г(лаго)-ла мн. хвалнѣ его и на силах(ь) его. хвалнѣ его и по прѣмнѡгомоу бл[а]д[ы]чѣствію его. и се рекшоу емоу. абѣ прѣб(о)ж(ь)ств(ь)нын д(оу)хъ свѡн испѣстнѣ оуспе о г(о)с(по)дѣ:~

Азъ же падъ на лицѣ его плакахъ се горко на дльгъ чась. и въставъ бл(а)годарнх(ь) б(ог)а, о скончѣ кончинѣ видѣвъ сего пр[ѣ]п[о]д[о]б[ь]наго моужа.

Оучюшнмъ же въсѣмь. прѣходеще двѣлахоу се просвѣтѣнію лицѣ его. г(лаго)люще. ѡ бл(а)жены сїмѣѡне. сподѡбны се таково видѣніе видѣти въ кон[ь]цѣ. бл[а]д[ы]коу с(вѣ)т(а)го бл[а]г[о]д[ѣ]тъ ти въздающа. за подвигы троудъ твоих(ь). тѣмъ же и в(е)селе се сладкы глас(ь) нзрѣклъ еси. въ нсхождѣнн д(оу)ши твоѣи. хвалнѣ б(ог)а въ с(вѣ)тых(ь) его. хвалнѣ его и въ оутвѣрждѣнн слыы его. хвалнѣ его и по прѣмнѡгомоу бл(ады)чѣствіѣ слыы его. бл(а)жень бо боудѣши въсоудоу. тѣмъ же и бл(а)жены глас(ь) нзрѣклъ еси.

И по сѣмь пр[ѣ]п[о]д[о]б[ь]ное тѣло его възъмьше съ чьстїю. и поставнхѡмъ ѣ срдѣѣ цр(ь)к(ь)вѣ. ѡкоже обычанъ ес(тъ). кончавши же се оутрѣни. и събранхѡмъ бесчисла чрѣнцѣмъ. таж[е] и начѣше обычныѣ пѣс(ни) пѣти. окр(ь)сть пр[ѣ]п[о]д[о]б[ь]наго тѣла ч(ь)-ст(ь)но. и испльнише г(лаго)лѣмоѣ. бѡещен се г(оспод)а славетъ. тѣмъ и мнѡзи езыци тогда придоше поклонити се емоу. и съ великою почьстїю ѡт[ь]датѣ пѣніе. пѣвшѣ прѣво грѣци. потоми нверіе. таже роуши. по роуцѣх(ь) блѣгарѣ. потоми пакы мы егово стадо съвъкоупленое. мнѡувшоу же врѣмени по антоургїи. и кончавши се слоужбѣ въсѣи обьч(ь)нѣи. цѣловавшѣ въси пр[ѣ]п[о]д[о]б[ь]ное тѣло. и обьемъ ѣ азъ грѣшнын бл(а)женое тѣло. и положихъ ѣ въ новѣмъ гробѣ. ѡкоже мнѣ повѣлѣлъ. и испльних(ь) заповѣдь его. съвъкоупльшнмъ же се мнѡжьствоу чрѣнцѣ. не ѡт[ь]поустнх(ь) нхъ даже до ☩го д(ь)не. на въсакъ д(ь)нь твореще емоу с(вѣ)тою слоужбоу.

Бемоу же бл(а)женномоу ѡ(тъ)цоу нашемоу. къ вѣчномоу покою прѣшѣдшоу. завѣтоми оставнѣи монастырь мнѣ грѣшномоу. въ малѣ нѣкоемъ ѡбразѣ. въ немъ же мнѣ ѡтнде нѣкоего пр[ѣ]п[о]д[о]б[ь]на моужа. именемъ мѣфодїа мнѣша. самого ꙗ҃ко великоу тоугѣи богазнь прїѣхъ. єдино ѡт[ь] поустѡшѣства. а дрѣго ѡт[ь] богазни безбожнѣхъ

разбонникъ. нъ яко любви нзволн се. б(о)гом(а)терн н наставницн
нашен. н г[оспо]д[н]на сїмео́на с(ве)тыи́и м(о)л(н)тваи́и. тѣ храмъ.
от[ъ] неіавленаго н малаго. въ кельѣпно възн(е)се се іавленїе. н
сѣвъкоупнх[ъ] по малѣ врѣмени братства ѿ, н въсоу зпавоу съ-
врѣшнхъ. еже на потрѣбѣ монастырю.

Святой Савва

СЛУЖБА СВЯТОМУ СИМЕОНУ

(Београд, Архив САНУ, № 361)

МѢСѢЦА. Т(О)ГО. ВЪ .ГГ. Д(Ь)НЬ. ПРѢП(О)ДОБНАГО. ѠТ(Ь)ЦА.
Н(А)ШЕГО. С҃УМЕѠНА. НОВАГО. СРѢБЬСКАГО.

БҢ(ерънѣ) Нѣ г(оспод)н вѣвах[ъ] Ѡ(ктонхъ) ѿ. И поѣм[ъ]. ст(н)-
х(н)рѣ. Гл(а)с(ъ) ѿ. По ѿ-ш(н) Под[обьнѣ] Радон[ъ] се:

Прѣп[о]добне ѡт[ъ]че· доброу ѡбрѣте лѣствицю· ююже възиде
на висоту· ююже ѡбрѣте нана колесницю ѡгньноую· нь ѡнь
въсходниша· ннѣмь не ѡстави ты же по оумр[ъ]твию твоѣмь· въ
ѡт[ъ]чѣствѣ си поутъ показа ц(а)р[ъ]ствующимь· небесни чл(овѣ)чѣ·
а земли анг(е)лѣ свѣтылымнче ѡт[ъ]чѣствоу си· си мѡне бл(а)жене·
м(о)ли ѡ сп(а)сени д(о)ушъ н[а]шнхъ·

Прѣп[о]добне ѡт[ъ]че· аще бы ѡт[ъ]чѣствоу ты вѣдати то
не бы млыцаль г[ла]голаты· болѣзньи и тро[у]ды и слъзи твоѣ·
исправляе къ вѣроу нст[ен]ноу стадо си· яко дрѣво напамямо
оучениемъ твоимъ движи се анг[е]лн· туди же се ѡ[б]вѣщ[ан]н· оужа-
соше се демоны· трпѣннѣ твоего свѣдѣнѣ бл[а]жене· м[о]ли ѡ сп[асе]н[іи].

Силою с(к)е)т(а)го д(о)у)ха· вл[а]д[ы]ще своёмю ꙗко добе се·
вл[а]д[ы]тельство си оставы· приємъ кр(ь)сть послѣдова х(р)и)с(т)оу· н
бьсєлн се въ горю с(к)е)тоу)ю· ѡт[ъ]нудоу же помощь приємъ· нстачє
ти рака мнро вл[а]год[ѣ]ты· вєсєлєши твоє с(ы)ны· тебѣ прѣд(ь)·
стоєщихъ свѣсєнє вл(а)жєнє· м(о)лн ѡ сп(а)сєнн д(о)у)шь н(а)ш(нхъ)·

СЛАВА · І НЫНѢ · БОГОРОДЧЬНЬ · НА СТИХОВНѢ · В ОХТОНСѢ · И
СВѢТОМУ · ГЛАГОЛЪ · ѿ · ПОДЪБЬНЬ · О ПРѢСЛАВНО ·

Щ(Ъ)ЧЕ ПРѢП[О]ДОНЕ· МНОГОЧЕ Ц(А)Р(Ъ)СТВО ЗЕМЛЬНОЕ· НЗБРАВЪ
Б(О)ГАТ(Ъ)СТВО· СЛОВЕСА С(ВЕ)ТА· Н ТА НЗВОЛН ХРАНИТИ· СОСТАВИВЪ
СЪВѢСТЫ Н ЧЕДА· Н ВСЕ ЗЕМЛЬНЫЕ КРАСОТЫ· НЗЫШ[Ь]ДЬ ВЪ ГОРОУ С(ВЕ)-

тоую· съ анг(е)лы б(ог)оу слоужнишн· м(о)лн се х(рн)с(т)оу непрѣстанно·
ω творещихъ твою паметь·:

Слав(а) Г(ла)с(ь) ·҃·

Прѣп[о]добне ѡт[ь]че· глас(ь) юв(ань)г(е)лннѣ г(оспод)нѣ
слишавъ· б(ог)ат(ь)ство н славъ ц(а)р(ь)ствннѣ нн въ что же
вѣдѣннѣ· н къ всѣмъ възопни· възлюбите б(о)га н оберѣцете
бл[а]год[ѣ]ть вѣчноюю· н поуте любю его· да юг(ь)да прндеть въ
славѣ· оберѣцете покон съ всѣмъ с(ве)тнмъ· тѣмъже н мн всн
вѣрно· на тръжство его свѣтло сътъцѣмъ се· добраго пастира свѣтло
въспоемъ пѣс(ньн)мы· раду[н] се мннхомъ похвала н оутврѣжденне
м(о)лн б(ог)а ω нас(ь)· смлсоне бл(а)жене· съхраниты се стадоу
твоюмъ неврѣднмоу·:

Н(ы)нѣ· Бо(городнчьн)· Заоут(ренин)· Кан(онь)· Гл(а)с(ь) ·҃·
Пѣс(ньн) ·҃· ѿрмос(ь)· Бодоу прошьдѣ тако по с[оу]хоу н нзъ югвпска
н зла нзбѣже·

Б(о)жъствною любовню· раждьгъ си д(оу)шоу· оугаси пл(ь)-
тъскнѣ похоты ѡт[ь]че· невестиствною жнтые· на землн створнвъ
смлсоне бл(а)жене·:

Б(о)жъствны блнстанн въсыа въ ср[ь]д[ь]ца н(а)ша· творещимъ
тн свѣтлоу ю паметь(ь)· стадо си ѡт[ь] напасты прѣбл(а)жене· м(о)-
л(н)твамъ си смлсоне нзбавы·:

Оутвр(ь)днвъ тѣло си на землн прнѣмъ кр(ь)сть послѣдова
х(рн)с(т)оу· животу сп[о]добы се нестарающю се· на небесн ѡт[ь]че·
прѣбл(а)жене смлсоне·~

Пльтню нс крьве твоихъ с(ве)тнхъ· б(ог)ъ ѡт[ь]че слово выплыты
се пате твары д(ѣ)во мариѣ югоже м(о)лн· пльтн мое стр(а)стн
оугаснн·:

Пѣс(ньн)· ·҃· ѿрмос(ь)·

Небес(ь)номоу кроугу врьхоутворте г(оспод)н цр(ь)кви жнж-
днтелю· <т>н мене оутврѣдн въ любовьн си· н желаннѣ си краи
вѣрнмъ оутврѣжденне· єдине чл(овѣ)колюбче·:

Цр(ь)квы б(о)жнѣ дѣлатель яви се х(рн)с(т)оу· н въ с(ве)тоую
гороу въселн се ѡт[ь]че· прѣп[о]добне· тѣмъ проснѣвъ добродѣяны
блнстаннѣмъ с(ве)т(а)го възнрає б(о)гоносне смлсоне·:

Всь ѡблюбнвъ д(оу)ховно тѣенне· мнроу н пльты вьнѣ бнвъ
б(о)гоносе· тѣмъ прнѣмъ прѣмоудрноюу славоу· н вѣчною ѡт[ь]че

прнч(ь)стнѣ:

Тѣло твоихъ болезнен прѣп[о]добне. добродѣяны зрѣль проц(ь)-
вѣте клась. ѿт[ь] негоже напаѣть се любовню б(о)жъствынаѣ чѣда
ты б(о)жъствыноуѣ памѣть ты стварающе:~

На тебѣ пр(е)ч(н)стаѣ всемоу внины за м(н)л(о)ср(ь)днѣ хоте
всѣланты се въ чл(овѣ)чъскоѣ соушество. прѣслоушаннемъ изгнаноу
прѣжде. тобою б(о)городн[и]це пакы обнѡвяхомъ.

Сѣд[альнѣ]. Гл(а)с(ь) ѿ Под[обьнѣ] Прѣмоу[дрос(ть)].

Ц(а)рство земельноѣ ѡтавлъ кр(ь)сть свон на радио въсприемъ. н
въсь же себе възложи къ б(о)г[у]. н въ с[вѣ]тоу горѡу шыствова. с(вѣ)-
томоу д(оу)хоу бивъ прнчтннкъ. тѣмъ н чюдотворць яви се. миро
нстакаеть. рака моушен ты. б(о)гоносе смѣшоне. м(о)лн х(р)ист)а б(о)г)а
грѣхѡмъ оставленне податы чтвцимъ те:~

Пѣс(ьнѣ) .д̣.

⟨Нрмось⟩

Оуслишах[ь] г(о)спод)н смотреннѣ твоего. танноу развмехомъ
дѣла твоѣа н прославнх[ь] твое б(о)ж(ь)с(т)во.

Строуади ѿт[ь]че смѣшоне слъзь твоихъ. д(оу)шевннѣ стр(а)стн
ѡднѣ ясн. б(о)жъствыно быс(ть) д(оу)ховы поконце прѣбл(а)жене:~

Бѣдѣннѣ крѣпко кланѣннѣ прнснопоконно. н любовь непрѣ-
зримоу. испльни вѣроу ѿт[ь]че прѣбл(а)жене смѣшоне:~

Бл[а]год[ѣ]ть приемъ прѣбл(а)жене. яко б(о)жн оугодннкъ
нстинны. нстаетъ. моушен твоихъ рака миро бл[а]год[ѣ]ты:~

Б(о)городнчънѣ

Б(ы)сть ч(н)ста храмъ слави б(о)жнѣ. нс тебе бо нзъ ѿт[ь]ца
прѣжде родн се б(о)гъ бесѣмене. ненстаенноу те съблюде ч(н)стаѣ:~

Пѣс(ьнѣ) .ѣ. Ѳрмос(ь).

Вскоуѣ мѣ ѿт[ь]рнноу ѿт[ь] лица твоего свѣте незаходен.
покрила мѣ ксть тоужда тыма ѡка(а)ннаго. нь обраты мѣ къ свѣтоу
заповѣден ты. поути мо(е) напра(вн).

Іѣко многоплоднаѣ лоза. гроздь процвѣте ѿт[ь]че смѣшоне.
добродѣяннѣмъ б(о)жъствыннѣмъ. покаяннѣмъ вино изливаетъ. н стр(а)-
стьноуѣ мглоу ѿт[ь] д(оу)шь н(а)шнхъ ѿт[ь]ганѣе н ср[ь]д[ь]ца
вѣрннхъ възв(е)селѣе:~

На(па)стн разлчннѣ. змын непрнѣзныны възвннгъ се на
стадо твое. нь того ѿт[ь]че ѡроужнѣмъ кр(ь)стннѣмъ н м(о)л(н)твоу

си ѡмр(ь)тви и мнрѣ ѡ(тъ) б(о)га ти. ѡт[ь]чѣствоу си испроси. б(о)-
гомладре сѣмѣѡ(нѣ).

Трѣпениемъ и въздръжаниемъ славнѣ. къзни вражнѣ ннзло-
жн. яви се непоколебимъ. въ напастех[ь] и въ скръбехъ. и въ бѣдахъ
различннхъ. съхранѣе недвнжнмо бл[а]д[ы]чѣство си. своѣго си бл(а)-
гоч(ь)стнѣ. млоудростню ѡт[ь]чѣ сѣмѣѡнѣ.

М(а)ти д(ѣ)во б(о)городице. б(о)жнємъ просвѣщае се д(оу)хомъ
пр(ѣ)ч(и)стаѣ. с(вѣ)ты пр(о)роци. с(вѣ)тили гласи проповѣдахоу нс
тебе бо б(о)г(ь) слово пате вниши слова вселн се м(и)л(о)ср(ь)дни
радн многа.

Пѣс(ьнь) ѿ ермос(ь).

М(о)антвоу си пролѣю къ г(оспод)оу. и томѣ възвѣщоу
печаль мою. яко з(ь)ль д(оу)ша моя напльни се. и жнвотъ мон
адѣ приблнжи се. нъ м(о)лю се. яко нсонноу ѡт[ь] тлѣ б(о)ж(ь) мон
въздв[и]гнн].

Свѣтило те нмоуще. несъблазнно наставляюще ѡбрѣтохомъ.
поутемъ жнвоноснмъ. б(о)гоноснѣ и къ истинѣ тобою наставляемъ.
внхомъ. прѣбл(а)женѣ сѣмѣѡнѣ.

Бдрьно нзволн. б(о)жѣствнѡ послаты свѣтъ сп(а)сенню нже
въ ношн злобѣ. нев[ѣ]дѣннємъ ѡдръжнмы бѣхомъ. показа всѣмъ
с(ь)ни свѣтоу и д(ь)неви. внхомъ б(о)гомлоудре сѣмѣѡнѣ.

Б(о)жнѣ тала(н)тъ. енже приетъ не скри въ земли. нъ оумно-
жнвъ е прие ѡт[ь] б(о)га бл(а)г(о)с(ло)вленне тебе радн словесноу
красн. разоумомъ просвѣти. и ѡт[ь] ннхъже лоуче свѣтаннѣ снмають.
ѡт[ь]чѣ прѣбл(а)женѣ.

Отегыаниемъ дрѣланиемъ льстннмъ. въздвнгнн мѣ сконмъ
ходатанствомъ. м(а)ти б(о)жнѣ. не даждь мѣ оусноуты въ грѣховни
смр(ь)ты. прѣдстателя те и наставника. своємъ жнвотоу вси нмало.

Кол[н]д[акъ] Гл(а)с(ь) ѿ Под[обьнъ] Теченнѣ.

Иго х(р)с(то)во приемъ сѣмѣѡнѣ. и того кр(ь)сть въземъ
послѣдова юмоу. насаждь се въ домлоу г(осподн)н. процвѣте яко и
финникъ. яко кедръ н(же въ) ливанъ оумножнлъ еси чѣда твоѣ.
мнжъ желаннѣ д(оу)ховннхъ. чюдотворць бо яви се. х(р)с(т)а б(о)га
м(о)ли непрѣстанно ѡ всѣхъ нас(ь).

Икос(ь).

Ѣт[ь] б(о)ж(ь)ствннѣ вншенѣ прѣмлоудросты. нспльни ми

оумь· лнѣ нншомоу· ѿ како въспою твоѣ жнтыѣ ѿт[ь]чѣ· нли како
възмогоу слово принести ты· нѣ ти подаждь ли крѣпость и разоумь·
слово и смьисль· тако ѿт[ь] твоих[ь] твоѣ приношю ти· ѿт[ь] б(о)-
гат(ь)ства бла(го)бл(а)гость твою· та бо ѿверѣте и вѣнчавъ пр(ѣ)ч(ь)-
стны вр[ь]хъ скон· полоути желаемыа· свѣтылннкъ б(о)жьствьны иа-
ви се· просвѣщаѣ вселеноую· ѿт[ь]чѣства си· тѣмъ и мракъ грѣховны
ѿт[ь]гнавъ· с(вѣ)те свнше испроси ли бл[а]годѣть· д[оу]ховноюю·
нмашн бо дръзновленнѣ къ х(рн)с(т)оу х(рн)с(т)а б(о)га м(о)ли
непрѣстано ѿ всѣхъ нас(ь)·

Пѣс(ьнь) ·Ѵ· ѿмос(ь)·

Б(о)жнѣ съхожденнѣ огньнѣ оустндѣ се вавилонѣ дрекле· сего
радн ѿтроци въ пещи радованною ногою тако въ свѣте ликовахоу пою-
ще ѿт[ь]цѣ н[а]шнх[ь] б(о)ж·

Ико да вишнее ц(а)рс(т)во приимеши· и славъ <не>нзр(е)ченноу·
законоу покрьвъ се бл[а]д[ы]цѣ· заблаждшее възиска и ѿверѣте·
и на радѣ сконмъ въземъ прѣбл(а)жене· тако пастиръ прнв[е]де въ
ѿградоу· покаианне ѿт[ь]чѣ смлсѡн(е)·

Съ вишньици сламы· ѿт[ь]чѣ прѣдстоѣ живомъ б(о)гоу
егоже и славою оукраивъ се· распаливъ се бл(а)жене огнемъ д(оу)-
ховнымъ· сластнни калъ ѿт[ь]мывъ· и быс(ть) кандило въ коню
бла(го)оуханоую· г(осподе)ви бл(а)гопрнѣтно· б(о)гоносе смлсѡн(е)·

Славоу некрадомоу· б(о)гатс(т)во неизмѣнимо моудре· добродѣя-
ннѣ приѣмъ· словеси оукраивъ· разоумомъ просвѣтивъ оумь· нз
негоже чюдеса свѣтлаѣ поснлають се· ѿт[ь]чѣ бл(а)жене· вѣрнымъ
слоухъ въ истинноу ѿзрають свѣтло·

Иднна єдиногѡ ѿт[ь] тронце· породила єси въ двѣ соущствѣ·
въ съставъ в[н]дмъ єдинъ д(ѣ)во· ємоуже поемъ бл(аго)с(лове)нь
б(о)г(ь)·

Пѣс(ьнь) ·ѵ· ѿмос(ь)·

Сѣдмн сѣдмницею пещь халдѣнскн м(оу)ч(н)тель· б(о)гоч(ьс)-
тнвмъ люте· тако раждеже снлоу лоутишею· сп(а)с(е)ннѣ же видѣвъ
творцѣ избавителю въпниаше дѣты бл(аго)с(ловнѣ)·

Б(о)жьствнаго свѣта испльненъ бывъ ѿт[ь]чѣ· б(о)жьствнѣи
славѣ иави се поконще· нз негоже свѣта б(о)жьствнаго млынне лоуче·
подаѣшь· вѣрннх[ь] лице просвѣщающе· православноу вѣрою· тымоу
єретич(ь)скѡю прогонѣ въпниаше· дѣти бл(аго)с(ло)внѣ·

И въ ж(н)ти бл(а)жене прѣбнвъ· іако вѣторн авраамъ· н дѣломъ по коньиннѣ бл[а]годѣ[тн]ю б(о)ж(н)ею· рака мошеи твонх[ъ] излнвѣють чюдеса днвнѣа· вѣроу проснѣвъ· н съ анг(е)лн сл(а)внє съвѣкоупн се· поаше дѣты бл(а)го(с)ло)вн·~

Просвѣтн б(о)гоносе· ѿт[ъ] тронце свѣтомъ разоумннмъ· блнстѣ ср[ъ]дцѣх[ъ] вѣрныхъ· тьмоу невѣрнѣа прогнавъ· цр(ь)кви правосл(а)-вноую· вѣроу сѣдрже· вѣроу іако брѣннє· кр(ь)сть іако ороужнє· лю-бовь іако н цнть· іако мѣтъ слово б(о)жнє· смѣоне поаше· дѣтн бл(а)го(с)ло)вн·~

Бо[городнчънъ]·

Строуѣ намъ жнвѣ· іавн се прѣс(вѣ)таѣ ѿтроковнце· ѿт[ъ] негоже оумрщвлени напнвъше се· жнвотъ прншвѣтаемъ въпнюще· дѣты бл(а)го(с)ло)внѣ·~

Пѣс(ьнъ) ·ѿ·

Оуднвн се оубо небо н земаа· н оужасоше се конци іако б(о)гъ іл(овѣ)комъ іавн се плытью· н ірѣво же твоє простран'нѣншн небес(ь)· тѣмъ те б(о)городн)це· анг(е)лн н іл(овѣ)къ чннноателнѣ вел(н)чаютъ·

Вндѣты сп[о]добы се ѿт[ъ]че б(о)гоносе· нже надеждею ты н лю-бовнѣа· іегоже ѡко не вндѣ нн оухо слнша· нн на ср[ъ]дце іл(овѣ)коу-възндоше· краснѣ іавн се б(о)жѣствнннн красотаи· добродѣяннємъ· смѣоне бл(а)жене· красномоу вл[а]д[ы]цѣ радостно прѣдстоншн· ѡ стадѣ свонмъ не прѣстан м(о)лн се·~

Д(ь)н(ь)сь радост(ь)но цр(ь)кви твоѣа почнтають жнтые твоє· н прнноснтъ ты в(е)село пѣннє· съвѣкоуплающе д(о)уховнѣа твоѣа чѣда радост(ь)но славешииъ те· бл(а)гоуханно бл[а]г[од]атно· твоѣа рака веселеши· твоє с(ы)нн тебѣ прѣдстоюще· помнннающе прѣп[о]добне· анг(е)льскн твон жнвотъ· поданноую тн свѣтлостъ н славу· прѣбл(а)-жене смѣоне·

Въпннеть тн хвал'но· твоѣа всеі(ь)стнаѣ велнкѣа лавра· селнтела те н жнжднтела· н ѿт[ъ]чѣтвоующеа прѣдлагаю(щн моу)дре· н хвалешн се поють непрѣстан(ь)но м(о)лнм(ь) те· б(о)гомлоудре смѣоне· ѡ стадѣ своємъ прнлѣжно пом(о)лн се твонхъ троудовъ полз'нтн прнсно· н съхраннтн се стадоу твоємоу неврѣдмоу·~

〈Богороднчънъ〉

Бракоу ненскоуснаѣ родн· іако всѣхъ большнхъ зема(ь)ннхъ· б(о)-

га во всен тварн· и творца въ своємъ ѿрѣвѣ въмѣщъшн· томъ пом(о)-
ли се м(н)лостивно· едннѣствомъ мнра бл(а)гоустроєнне· и тишинъ
црквамъ послаты· и съхранити се намъ ѡт[ъ] всакоє бѣдн и скръбенъ·

свѣт(нальнъ)

Небо съ звѣздамн оу· Кроуг(ъ)·

Съ небесе съ слаковѣнчаннємн· нз роукн вседръжителѣ· паметыю
празника сн· ѡт[ъ]чьствєнє сн просвѣща· с(вє)тє смлєонє· поющнхъ
тє спасн·

По ·ѡ·щ(н)·

На хвал(нтє) г(оспод)а· стых(нрє)· Гл(а)с(ъ) ·Ѡ· Ѡ прѣсл(ав)но·

Прѣп[о]добнє ѡт[ъ]чє· храмъ с(вє)тнн явы се· постомъ и м(о)-
литвамн южє прнє ты бл[а]д[ы]ка м(н)л(о)стинюю же къ нншнмъ·
правовѣрню наставьннка· тѣмъ ты бл[а]год[ѣ]ть дасть· и с(вє)таѣ
рака мощен твонхъ· мнро бл(а)гоуханнѣ· ѡт[ъ]чє смлєонє· м(о)ли се
х(рн)с(т)оу непрѣстанно· ѡ творещнхъ тн паметь·

Прѣп[о]добнє ѡт[ъ]чє· любєвє б(о)жнє прнємъ· въ гороу с(вє)-
тоую вьннде· яко монси б(о)говнд(ъ)ць· и б(о)жн бл(а)год(ѣ)тн
нашншь се б(о)гомлоудрє· радоує се тєташє къ подвнгоу х(рн)с(т)оу
б(ог)оу н(а)шемлоу· и на небеснаѣ вьзноснмъ· и свѣтнльннкъ (намъ
на) землн яви се· ѡт[ъ]чє смлєонє не прѣстан молн се ѡ стадѣ
своємъ·

Бл(а)ва· Бо(гоу)· На стнхов(нѣ)· В[ъ] ѡх[тонскъ]· И с(вє)томъ·
Гл(а)с(ъ) ·Ѥ·

Прѣп[о]добнє ѡт[ъ]чє· мнмотєчє земльнює ц(а)рство· нзбралъ
єси б(о)гат(ъ)ство словеса с(вє)таѣ· и та нзволн храныты· ѡставль
сѣврѣстн и чєда и все земльнн красоты· и въ гороу с(вє)тоую·
(нзъшьдѣ) и съ (а)нг(є)ли б(ог)оу слоужнши· ѡт[ъ]чє смлєонє не
прѣстан м(о)лє се х(рн)с(т)оу б(ог)оу· ѡ творещнх[ъ] (тн) паметь·

Стефан Первовенчанный

ХИЛАНДАРСКАЯ ГРАМОТА

† Ёльма же нсконн створи б(о)гъ н(е)бо н землю н чл(о)в(ѣ)ка на нѣн. н бл(а)госл(о)ви ю н дасть нмъ власть на всѣи твари свои. н постави овъ ц(ѣ)с(а)ри дроу(гн)ю кнезе. н нны бл(а)д(ы)кы. н комоуждо дасть пастн стадо свое н съблюдати ю. ѿт[ъ] всакога зла находящаго на не. Тѣмъже братнѣ б(о)гъ прѣм(н)лостивын. ствръдн-грѣке ц(ѣ)с(а)рымн. а оугре краль мы. н когождо языка раздѣ-лнвъ. н законъ давъ. н нравы оуставы. н бл(а)д(ы)ки надъ нимн по нравоу н по законоу раставъ своєю прѣмоудростью. Тѣмъже по мнозѣи юго н нензмѣрнѣи м(н)лостн чл(о)в(ѣ)колюбья. дарова н(а)шимъ прадѣдомъ н н(а)шимъ дѣдомъ. ѿбладати синовъ землювъ сръпсковь. н вса ѣко б(о)гъ строю на оуньша чл(о)в(ѣ)комъ. не хоте чл(о)в(ѣ)чн гнѣѣн. н постави г(о)споди на мн ѿ(т)ца велнега жоу-пана. нареченаго въ с(вѣ)тѣмъ крыщенн стѣфана неманоу. н ѿбнови свою дѣднну. н больше оутвръдн. б(о)жнѡвъ помокью н своѡвъ моудростню дановъ юмоу ѡд[ъ] б(о)га. н възъдвнже погнѣбшоюю свою дѣднну. Н приѡбрѣте ѡд[ъ] морьске зем(ь)ле зетѣ н съ гра-довы. а ѡд[ъ] арбанасъ пылотъ. а ѡд[ъ] грѣтъке зем(ь)ле лабъ съ льпланемъ. глѣбѡтнцоу. рѣке. загрьлаатоу. лѣкче. лепеннцоу. бѣлнцоу. н б(о)жнѡвъ помокью троудомъ та вса приѡбрѣтъ. н поспѣшеннємъ б(о)жнємъ. мнрѣ тишнну въсприємъшоу влад(ы)чѣствоу юго ѡд[ъ] всоуду. зачѣтъ ноудити мыслъ свою. н поучавати оумъ скон. н въз-дѣлѣвати съ тыщаннемъ. н пещи се ѡ д(о)уши своен. г(о)сп(о)д(н)н мн с(вѣ)ти б(о)говѣрны чѣстѣны старьць снмѡнъ. подвнзая се въ нѣкоторѡе чнсло причтѣнъ быти съ згождьшимн б(о)гоу въ д(ь)нъ страшнаго соуда. н како би полоутнлъ ранское ѡно н нензрѣченнои жнлнще. которымъ нравомъ. н нанпатѣ желаше како бы моцью юмоу въсприѣти анг(е)лскн н ап(о)с(то)льскн ѡбразъ. н подвнзаше се съ поспѣшеннємъ послѣдовати влад(ы)чнемъ г(а)голомъ. юже р(е)чѣ

вѣзми́те нго́ мое на се и наоу́ните се́ от[ъ] мене́. ꙗ́ко бл(а)гъ и кро-
тъкъ есмь и смѣренъ ср(ь)д(ь)цель. нго́ бо мое бл(а)го и брѣ́ме мое
льгко́ ксть. ꙗ́звѣла же вѣ́щавае́тъ писанне. любы б(о)жны въ вѣр-
ныхъ привезана ксть. се́моу оубо́ нзвѣстѣ́нѣе привеза се́. мноу́вшоу
бо врѣ́мени мно́гоу. и на́мъ дѣ́телю его́ въскръ́слено́мъ соу́щель до
сы́тости. мо́льбы възы́слаше къ прѣ́мностиво́моу бл(а)д(ы)цѣ́. не
ли́штити его́ жела́ннѣ́ его́. нъ при́клонь оу́хо свое́ и оу́слы́ша н. ѿ́н же
мы́слию бѣ́ възводилъ и жела́е. ꙗ́ко се́моу жь сто́е на горѣ́нѣ́ мѣ-
стѣ́. въ пролѣ́тне врѣ́ме въ весело́у дѣ́нниоу́ рекше въ саны́ноу. внде
нздале́та равноу́ пажнѣ́. красноу́ вндѣ́ннѣ́мъ лѣ́поу тва́рню. срѣ́д[ъ]
же ꙗ́ стоѣ́ше дрѣ́во дивно. кроу́говато вѣ́тви́ель чество́ ли́стви́ель.
прѣ́оукрашено цвѣ́ты и пльно́ пло́да. бл(а)гоу́ воноу́ поу́щае. срѣ́-
д[ъ] же дрѣ́ва оу́дворила се́ бѣ́ше пти́ца сладькогласна́а. кро́тъка въ
сѣ́дѣ́нни тѣ́ха въ пѣ́снехъ. весела въ цю́цани́и. ѣ́сна въ шпы́тани́и.
ѣ́днна соу́щн от[ъ] моу́дрыхъ пти́ць лю́бевны́и. и сладькы́и его́
дѣ́тнцъ. бывъ́иногда́ мнѣ́ рождѣ́ствы́нымъ съоу́зо́мъ брат[ъ] г(лаго)-
лемъ са́ва мона́хъ. нже́ сѣ́дѣ́ше въ дрѣ́вѣ́. рекоу́ въ с(ве)тон горѣ́.
не́млы́но́мъ гл(а)со́мъ висо́ко́мъ жьдрѣ́ло́мъ ѣ́сно́мъ зве́ко́мъ нзми́-
ноу́ющн гл(а)сн прѣ́лѣ́пы и прѣ́тоу́днни. и страна́ны пѣ́с(нѣ́) пою́-
щн въспѣ́ваше. ꙗ́же гл(а)сѣ́ вы́ннде въ оу́шн прѣ́тоу́днаго и дивнаго
г(осподн)на́ мн с(ве)таго́ снѣ́сѣ́она чѣ́стнаго ста́рьца. се́н же протѣ́е
пти́це. на до́лннхъ вѣ́твехъ сѣ́де́ше. къ сладько́моу е́е гласоу́ сво́мн
гл(а)сн весело́ по́магахоу́. сего́ же смотре́ дивннн сын моу́жь. лю́бнмаго
сн и сладькаго́ чѣ́да. ошѣ́дѣ́ша и от[ъ] лю́чнвша се́ прѣ́дн въ с(ве)-
тоу́ю тоу́ пажнѣ́ и лѣ́паго дрѣ́ва. и прѣ́тоу́дны́е пти́це. помы́шль
сынъ глас(ь) въ себѣ́ да снндоу́ на красноу́ю тоу́ пажнѣ́. дош[ъ]дѣ́
лѣ́потоу́ дрѣ́ва. и блнзъ́ его́ ставъ́ прѣ́тоу́дннѣ́ сѣ́не пт(н)це́ краснаго
гл(а)са́ ꙗ́вѣ́ насы́щоу́ се́. ѿ́н же помы́шляющоу́ ꙗ́моу. бл(а)д(ы)ка́ его́
прѣ́м(н)лостнвы́. не прѣ́зрѣ́ м(о)леннѣ́ его́ ꙗ́же нз глау́бнны ср(ь)д(ь)-
ца́ възда́вае́мо. нъ ꙗ́ко шѣ́дры троу́допрнѣ́мльцъ и мьздовъзда́тель.
поне́же р(е)чѣ́ несквръ́нны́мн оу́стн сво́мн. не прндо́хъ прнзвѣ́тн
правѣ́дннѣ́. нъ грѣ́шннкн въ пока́ѣ́ныѣ. при́кл(ю)чѣ́шоу́ бо се́ врѣ́мени
ѣ́сноу́. всоу́ мнра́ сего́ славоу́ и чѣ́стъ́и нъ въ́ что́ же въ́мѣ́нн. а красота́
жнз́нн се́е ꙗ́ко и ды́мъ моу́ вндѣ́ла быс(тъ). х(рн)с(то)ва́ же любы́
растѣ́аше въ не́мъ. и разгара́ше се́ ср(ь)д(ь)це́ его́ въ не́мъ. ꙗ́ко бо хра-
мнна́ е́моу оу́гото́вана. и съсоу́дъ прѣ́чнстѣ́н д(оу)хо́вн его́ с(ве)то́моу.

Остави вл(а)д(ы)ѣство своѣ ѡт[ъ] б(ог)а кѡмоу поданоу. и вса множанша его нзреднаѣ и разлѣчнаѣ. х(рн)с(т)оу б(ог)оу нзвольшоу тако и прѣс(ве)тѣн вл(а)д(ы)ч(и)ци г(о)спожди б(огороди)ци. насн-ти кѡ желанна несповѣднѣаго с(ве)таго. и ѡвѣщѣника и створи. не нзрече нѣнаго и ѣстьнаго анг(е)льскаго и ап(о)с(то)льскаго ѡбра-за. малаго и великаго сѣмоу же свѣршаемоу. нѣкоторыи прило-женнеи въ оумѣ его вѣлоужшоу х(рн)с(т)оу и наставляшоу и тако. ѣстьнаго мн и бл(а)ж(е)наго старца с(ве)таго снмѡна. остави мене кѡже ѡ х(рн)с(т)ѣ даровано кѡмоу чѣдо на прѣстолаѣ его. и въ х(рн)-с(т)одар(ов)аньѣмъ кѡ вл(а)д(ы)ѣствѣ. мене любѣвѣна его с(ы)-на. стефана великаго жоупана и севастократора. зѣти ѡд[ъ] б(ог)а вѣнчанаго кнѣзѣа ц(ѣ)с(а)ра грѣѣкаго. си же ѣко подвижники и чѣдолюбни и сладки старѣцѣ г(о)споди нѣ мн с(ве)ти снмѡнѣ. ѣко недостонна мѣ нареши се с(ы)на его. бл(а)гослови мѣ нзреднѣи ѡт[ъ] прочѣи моѣ братне. ѣкоже бл(а)го(с)л(о)ви нсакѣ нѣкова с(ы)на своѣго. всѣкнѣмъ бл(а)гословленнеи. и начѣтъ оуѣнтн мѣ поспѣшѣствовати мн о всѣкои дѣлѣ блазѣ оу вл(а)д(ы)ѣствѣ моѣмъ. и бл(а)госр(ъ)-доу быти мн на мирѣ крѣствѣнски иже мн прѣдасть. и заповѣдаше мн и ѡ цр(ъ)квахъ пещи се. и о слоужещихъ в нихъ трѣнѣцнхъ. и ни въ котормъ же нравѣ быти мн зазорноу ѡд[ъ] всѣхъ вл(а)д(ы)-кы и г(о)сподѣ. по сѣмъ же нзколеннеи вл(а)д(ы)кы н(а)шего і(соу)-с(а) х(рн)ста. ѣкоже вѣщаваѣтъ с(ве)тоѣ писанне. оуклониши се ѡт[ъ] мѣсть своихъ и рожденнѣ. ни котормъ же пр(о)р(о)къ въ ѡт[ъ]ѣствѣ своѣмъ приѣтъ кѣтъ. нѣ сп(а)сенне полюѣнтн съ живоуции х(рн)-с(т)а радн. нзидѣ ѡт[ъ] владѣѣства си и дѣтен своихъ. и подроу-жѣ си. постигнуѣти пажитѣ ѡноу прѣди писаноу. и красное дрѣво и сладкоу птнцоу. и тоу сп(а)сенне полюѣнтн. и не остави его вл(а)д(ы)ка г(о)сподѣ н(а)шѣ н(соу)с(ъ) х(рн)стосѣ. радоуѣтъ бо се о грѣшницѣ пачѣ кающн се. нѣ быстро нды съ горы оное снидѣ на равнѣ. рекѣше въ с(ве)тоу горю. ндѣже слыша мирноу и неметѣ-жноу жизнь. живоуцоу се въ пажити тон. и право(у) вѣроу доб-рѣ оукорѣншоу се и свѣтло снѣающоу. нѣко дрѣво днвно стоѣщоу. кѣи же вѣтвнѣ соуѣтъ освѣ(ѣ)щенн и б(о)гобѡазниенн. и х(рн)с(т)олю-бнѣи трѣнорнзѣцы. и всѣ ѡсвѣ(ѣ)щенн цр(ъ)ковнѣи приѣтъ. срѣд[ъ] же нхъ всѣхъ тако сладкогласноу птнцоу. сабоу рекѣ мннхъ. мнлюю оутѣхоу х(рн)с(т)олюбнѣмоу старцоу. чѣстоѣ же листвнѣи и прѣкрас-

ни цвѣти пр(о)рочьскє проповѣднѣ. рекоу же чьстьныхъ кѣв(а)нг(е)-
линн ѡчєннїа. н ап(о)с(то)льска прѣданиѣ. н ѡт[ъ]чьскє заповѣднѣ.
а кѣже пльнѣо плодовѣ. рекъше оуп(о)ваннѣ вѣры корєнь а бл(а)-
га оупваннѣ плодъ сѣ прѣждєрєченымн смнн тоу н благаа бона.
въждєла бо н по истинѣ почн на дрѣвѣ. в немь же поѣше птица
нзмѣноующн гл(а)сн. то же нзмѣнованнє гласовѣ. ѡ б(о)голюбывы
г(осподн)нє мѡн. пєть чѡувьствнн напншоу твонхъ прѣмѡудрѣхъ вн-
дѣннїє. слышаннїє ѡного дрѣва. ѡбѡнаннїє. г(лаго)ланнє ѡс(є)заннє
птиць. н ншѣстнє н прочїаа. нзнє бо нзъ ѡтычства єго въ с(кє)-
тоую ѡноу пажнтѣ. рекъше въ с(кє)тоую гороу. н ѡбрѣтє мѡнастнрь
нѣколн бывъшн. зѡкомы мнлєє. въведєннє с(кє)тыє н прѣславныє
вл(а)д(ы)ч(н)цє б(огородн)цє. ндѣже не бѣ камєнь на камєнн ѡсталъ
нъ развалєнь ѡт[ъ]ноудѣ. н потроудн старѡстѣ свою. н мєнє лцє н
недостѡнна нарєшн сє с(ы)на єго. подвнзлє мє ѡбновнтн мѣсто с(кє)-
тоє. н мнѣ послѣдствѡующѡу заповѣдємъ вл(а)д(ы)ч(ъ)немъ кѣже
р(є)чє ꙗ҃. вєщн въ с(кє)тыхъ кѣв(а)нг(е)лнхъ. възлюбншн г(оспод)а
б(ог)а своєго всєю д(оу)шєю своєю. н блнжнаго своєго бѣко н самъ сє-
трєтнѣ кѣже чтн ѡца н матєрь. свѣд[ѣ]тельствѡующѡу г(оспо)д(н)ноу
мн с(кє)томоу смлєсоноу. волю єго наплъннхъ. ѡ цр(ъ)квн н ѡ ннхъ
вєщєхъ ѡ ннхъ же мє прнноудн. Н сн поменѡующѡу мнѣ жнзнь чьсть-
ноу слав(ъ)ныню мн роднтєлю. како красѡта како дрѣжаннє мнра. како
сл(а)ва н б(о)гатѣство. ѡ ннщєлюбѣ. въскорѣ б(о)жнє люблєннє къ
сєбѣ прнвлѣчє. помышль въ сєбѣ неклн спѡд[ѡ]бнтѣ мє вл(а)д(ы)ка
мѡн ї(сѡу)с(ъ) х(рнстѡ)съ. тоу нждє же поклонннкоу бытн. оу прѣс(кє)-
тыє вл(а)д(ы)ч(н)цє н(а)шє б(огородн)цє. н свѣтнлоу неѡуташєноу
бытн въ храмѣ єє. н оу грѡба чьстьнаго н б(о)говѣрнаго старца.
г(осподн)на мн с(кє)таго смлєсона мннхъ. спѡд[ѡ]блєнь бнхъ бытн
ємоу с нмѣ ктнтѡрь н слѡужнтєль. н ѡбновнхъ єго м(о)лнтвамн
єго. н дахъ сєла мѡнастнроу. гоургєвнкѣ. пєтровнкѣ. кроушєкѡ. кнннн-
роубѣтъ потѡкѣ. дрѣстѣннкѣ. грєбѣннкѣ. говѣнѣ. залюгѣ. н планнноу
дѡбрє дѡлє. а вннограда ꙗ҃. н трѣгѣ кннннць. а оу зєтѣ половнноу
камєннць н сѣ людѣмн. н по сємъ прндахъ вндѣнѣ. н бѣланчнща
сѣ горѣнмн враннкн до граднща. По сємъ же м(о)лоу вы г(оспо)-
днє мѡн н братнїа. комоу б(ог)ъ дарѡує сн столѣ по мнѣ н снє
вл(а)д(ы)чѣство. да не нмє ѡбнѣдѣтн с(кє)тыє б(огородн)цє. оу снхъ
всѣхъ правдѣхъ пнсаныхъ здѣ. нн да бн потвѡрєна рѣчь моѣ нн

данне· ако ли кто потвори н имє ѿбидѣти с(вє)тоу ю б(огородн)цоу·
 да га б(ог)ь прокльнє н с(вє)та б(огородн)ца· н да моу є соупьрница
 прѣдъ с(ы)ноу сн въ д(ь)нь страшнаго ѿногo соуднища х(рнсто)ва·
 Понєже аще потворишь рѣчь мою· то н самъ акє н створи тыго· с(вє)-
 тини кое н за д(оу)шоу свою· не хoke моу быти тврьдо ѿдъ нныхъ·
 нже б(оу)доу по немъ вл(а)д(ы)кы· дѣѣ не потворишь прѣжде мене
 бывшихъ вл(а)д(ы)кь· дѣлаиши дѣланинѣ· нь патє приложихъ к
 томѹ· н довольныє створишь· испльнены ѿ всакоу потрѣбовани· въ
 вѣкь вѣкоу амынь·

† Исоусъ хрнстосъ· одолѣ· КРС(ТЬ) ВЕЛИКІЯ ЖОУПАНА
 СТЕФАНА МѢСТНОГА ГОСПОД(И)НА ВСѢХ СРПСЦѢ ЗЕМЛИ М(Ъ)-
 С(Е)ЦА·~ СЕПТЕМБРІЯ :κ:ϥ: Д(Ь)НЬ·~ СТВОРИ СЕ СНЕ·

Доментиан

ЖИТИЕ СВЯТОГО САВВЫ (ОТРЫВОК)

Ъа же ѡба съврѣстника б(о)ж(ь)ств(ь)ныѣ бл[а]г[о]д[ѣ]тн. ѡт(ь)ць съ с(ы)номь. с(вє)тымь д(оу)хомь ѡплъченъ. и б(о)жїю бл[а]г[о]д[ѣ]тїю вѣнчана. прѣд[ъ]образюща б(о)голюбїе. и с(вє)-тыню чедом(ь) сконмь:

Ъа нстова ап(о)с(то)ла. истинным(ь) б(о)гомь въздвижена на прос(вє)щенїе. и на наученїе б(о)ж(ь)ств(ь)ное запад'ныѣ страны.

Ъа нсто'тника б(о)ж(ь)ств(ь)ныѣ бл[а]г[о]д[ѣ]ты. напояща с(ы)ны свое б(о)гоугоднаго своего оученїа:

Ъа острѣн стрѣлѣ х(рнсто)ви. б(о)голюбїемь изъощренѣ. и с(вє)-тымь д(оу)хомь ѡплъченѣ. всѣх[ъ] вѣрных[ъ] ср[ъ]д[ъ]ца бл(а)гот(ь)-стникь пронзѣшн:

Ъа зарн восточнѣн б(о)гомьслыно просвѣщающїи западнѣе свое ѡт(ь)чство:~

Ъа дѣн'нни прѣсвѣтлаго сл(ь)н(ь)ца. топлотоу с(вє)т(а)го д(оу)ха назнаменающе чедом[ъ] своего ѡт(ь)чства:

Ъа м(о)л(н)твѣнника топла мироу всемоу. и незаходимѣн свѣтнѣ. мыслѣнаго востока. западное свое ѡт(ь)чство б(о)гомьслыно просвѣщающе.

Ъа славы б(о)гогл(а)с(ь)на. неоусыпающїи нмоушїи отн д(оу)-шев'нѣ и ср[ъ]д[ъ]чїнѣ. немлч'нымн пѣсньмн б(о)ж(ь)ств(ь)нымн. възбоднѣша оусып'шенъ въ грѣсѣхъ. неразоумїемь б(о)ж(ь)ств(ь)ныѣ бл[а]г[о]д[ѣ]тн÷

Ъа рѣцѣ бань б(о)ж(ь)ств(ь)ных(ь). омывша обѣт'шавша ср[ъ]д[ъ]ца. невѣдѣнїемь нстоваго жнвота. х(рнст)а истиннаго б(о)га нашего:

Ъа скровиши мїръѡбогатнѣн. ѡбогатнѣша мнрѣ с(вє)тымь кр(ь)щенїемь. и б(о)ж(ь)ств(ь)нымь оученїемь:

Оба граждани на вышнѣаго ѣрос(а)лѣа. и свѣтнаѣ б(о)гоз-
рачнѣи. б(о)гомысльныаа очнѣа прозрѣвша б[оу]доуща бл(а)гаа. и
некончаемое житїе:

Оба пате злата нскоушена чнстѣншїи. бл[а]д[ы]цѣ своемуу ѣ-
внстѣ се. ч(ь)ст(ь)наго ради житїа нх[ь]. х(рнст)оу въсел'шз се въ
прѣкраснѣи д(оу)ши нх[ь]. по истокомз обѣщанїю его. р(е)чѣ бо ѣ-
ко въселя се въ нн. и б[оу]доу нмъ въ б(ог)ъ. и ты б[оу]доутъ мнѣ
въ людн:

Оба яснѣе снѣга оубѣлнста се. прѣвѣлнкым(ь) смѣренїемъ. и
чнстнм[ь] истовым(ь) покаанїемъ. прѣд[ь]образоующа чедом[ь] сво-
нм(ь). истовы образъ вноу нскати истоваго житїа н(е)б(е)снаго:

Оба земляна аг(ь)г(е)ла н(е)б(е)с(ь)наа чл(овѣ)ка. н(е)бопар'на
ор'ла. сконм(ь) пр[ѣ]п[о]добїем[ь]. и прѣвѣлнкымъ въздрѣжанїемъ.
възлѣтѣвша на высоту н(е)б(е)с(ь)ноу:

Оба свѣтлод(оу)ш(ь)на. и равнообразна свѣтна'ннка. рѣкамн
слзнамн въскрнлнвша с(вѣ)тые м(о)л(н)твы. и възлетѣста къ лю-
бнтелю своемуу х(рнст)оу. егоже възвелнчнста на землн и на н(е)-
б(е)сехъ. прѣбол'шоу бл[а]г[о]д[ѣ]ть ѡт[ь] него прїнѣста. бл(а)гость
съкрывеноу боющїм се его.

Оба всед(оу)ш(ь)но нз[ь]ш[ь]д[ь]ша на възысканїе. бл(а)годѣ-
теля своего х(рнст)а развѣ того всакого бл(а)га оустран'ша се. по нс-
тннѣ обновнвша въ себѣ. зракъ истоваго б(ог)а своего:

Оба бл(а)женна раба недрѣманѣи очн нмоуща. по все часы б(ог)а
своего ждоуща съ чнстою вѣроу. вѣжег'ша свѣтна'ннка своа. не
воцана тъкмю едина. нъ и самн просвѣщшы се раз'оумом[ь] словесѣ
б(о)жїа. и д(оу)шии скон очнствнвша доверымн дѣлеси жнзны сїе. прѣ-
зрѣв'ша житїе се в[н]днмое. възырающе оумннма очнма. на оны
свѣтъ вѣчннын и некончаемы. оукрашнв'ша н'раба своа. повелѣнїем[ь]
б(о)жїа еч(а)г(ь)г(е)лїа. нсправнвша своа обычїа оученїемъ ап(о)с(то)-
льскимъ. вѣнѣмша всъ страхъ грѣдаго соуда б(о)жїа. смр(ь)ть же
свою прѣд[ь] очнма сконма нмоуща въсегда. съ прозренїемъ всего
земельнаго. съ доволломъ прнчѣщающа се въ жнзны сен. пѣтал' же свою
всоу възложнвша на б(ог)а. съ нз'вѣстнм[ь] оупованїемъ:

Монахиня Евфимия

ПОХВАЛА СВЯТОМУ КНЯЗЮ ЛАЗАРЮ

† Въ краснихъ мѣра сего възпитал се еси ѿт[ь] юности твоеѣ ѿ
новѣ м(оу)ч(е)ниче кнеже лазарѣ и крѣпка роука г(о)сподна въ всехъ
господахъ[ь] земельнихъ[ь] крѣпка и славна показа те г(о)спод(ь)ство-
вала еси и землию ѿ(тъ)чѣствіа си и въ всехъ[ь] бл(а)гихъ[ь] възвес(е)-
ла еси въ роученіе ти христ(н)ани и мѣжѣ стѣвни мѣ ср[ь]д[ь]-
це-м[ь] и желаніем[ь] бл(а)гочѣстїа нѣшьла еси на змѣи и съпостат[ь]
б(о)ж(ь)ствнихъ[ь] цр(ь)кѣвъ расхднѣвъ несѣтрпиво бѣти ср[ь]д[ь]-
цѣ твоемѣ зрети христ(н)ани ѿ(тъ)чѣствіа ти ѿ бл[а]даемни мѣ бѣти
нзманил еси аще ли сего не полѣчиши ѿстави ти тѣмѣхъ висотѣхъ зем-
ельнаго г(о)спод(ь)ствіа и ѿбави ти се крѣвию своею и събѣхъ ти се
съ кон н(е)б(е)снаго ц(а)ра тѣмѣже и двѣ желаемѣ полѣчил еси и змѣи
хѣлѣ еси и м(оу)ч(е)ніа вѣнцѣ възпрел еси ѿт[ь] б(о)га и н(ы)ни
не въ забвеніе постави възлюбленнаа ти чѣда нѣже сирхъ[ь] ѿставил
еси прѣшѣствіем[ь] твоим[ь] тебе бо ѡпразднил еси се въ н(е)б(е)-
снаа веселїа вѣчна мнози скръбни и болѣзни ѿбѣше възлюбленнаа
ти чѣда и въ мнозѣхъ[ь] скръбехъ[ь] житиѣ проваждают[ь] ѿ бл[а]да-
емни бо сѣт[ь] нзманил еси ї трѣбоуем[ь] въсі помози твое тѣмѣже
м(о)лим[ь] се м(о)ли се къ ѿбѣемѣ бл(а)д(ы)цѣ ѿ възлюбленнихъ[ь]
ти чѣдѣхъ[ь] и ѿ всехъ[ь] нѣже съ любовію и вѣрою слоужещихъ[ь] намъ
печалемъ бо мнозѣмъ съпрежена соут[ь] възлюбленнаа ти чѣда ѿ-
дѣши бо хлѣбъ нхъ[ь] въздвиги на нхъ[ь] кѡвъ великъ и твоѣ
бл[а]га въ забвѣ поставише ѿ м(оу)ч(е)н(н)че нь аще и прѣшл[ь]
еси ѿт[ь] житїа сего скръбни и болѣзни чѣд[ь] твоихъ[ь] вѣси ї ѿко
м(оу)ч(е)н(н)къ дръзновение имаша къ г(о)сподѣ прѣклонни кѡлѣне
къ вѣнчавшомѣ те бл[а]д[ь]цѣ просї многолѣтное въ бл(а)гнхъ жи-
тиѣ възлюбленни мѣ ти чѣдом[ь] проводи ти б(о)гоугодно просї пра-
вославнѣи вѣрѣ христїансцен неоскъдно стояти въ ѿт[ь]ч[ь]ствїю
ти просї побѣдителю б(о)гоу побѣдѣ подати възлюбленни мѣ ти

чѣдом[ь] кнезѣ стѣфанѣ и вѣкъ на нѣв[н]дѣмне и в[н]дѣмне враги
помощь бо аще приидѣ съ б(о)г(о)мъ тебѣ похвалоу и бл(а)годареніе
въздами съберѣ ликъ своих[ь] събесѣдникъ с(вѣ)тнхъ м(оу)ч(е)никъ
и съ всеми пом(о)ли се прославѣшомъ те б(о)г(о)у възвѣсти георгію
подвигни димитри оубѣди ф(е)одоре помни меркоуриа и прокопіа и
·м· м(оу)ч(е)никъ севастианских[ь] не остави въ нихже мѣстени воюю-
т(ь) чѣда твоа възлюблена кнезь стѣфанъ и вѣкъ проси подати на
се от[ь] б(о)га помощи приди ꙗко на помощь нашѣ идеже аще еси
на мѣста же малаа приношеніа призри и въ многа вѣдѣни сѣа не по
д[о]стоѣнію бо тебѣ похваляхъ принесох[ь]

нѣ по сілѣ малаго ми разума тѣмже и мала възмѣздѣа чѣю нѣ
не тако ти ѡ мнѣ мѡн г(о)сподн)не и с(вѣ)ти м(оу)ч(е)н[н]чѣ мало-
податанъ бнѣ еси въ тѣхнних[ь] и маловѣчннхъ колѣн паче въ не-
прѣходимих[ь] и великих[ь] ꙗже въсприѣхъ еси от[ь] б(о)га телесно
бо страннѣю мене въ странных[ь] окрымаѣа(ь) еси нзобнано н(ы)-
ня же ѡбѡудоу прошѣ да окрымиши мѣ и да ѡтншиши бѣроу лютею
д(оу)ше и тѣла моего ефиміа ѡсрѣдно приносятъ сѣа тебѣ с(вѣ)ты.

Стефан Лазаревич

СЛОВО ЛЮБВИ

Краєгранесе семя· слово любве· прьво:~

Стефанъ деспоть, сладчаншомоу, н любьзнѣншомъ· н ср[ъ]д[ъ]-ца моего неѡт[ъ]лоуѣномъ· н много свѣбо въжделѣншомоу, н въ прѣлоудрости ѡбнломъ, ц(а)р(ъ)ствїа моего нскрьнѣмоу, нме р(е)-къ· ѡ г(оспод)н любьзноє цѣлованїе· въкоупѣ же н м(н)л(о)сти нашеє нескоудное дарованїе·

Ѣ· Лѣто н веснъ г(оспод)ъ създа· такоже н пѣвѣць рече· въ ннхже н красоты многыє· птнцамъ скорое· н веселїа испльнь прѣлѣтанїе· н горами врѣхы· н азговоми пространства· н полскыє шнроты· н въздохъ тѣнкаго· днвныи нѣкыи гл(а)сы ѡглашенїе· земльнаа же дароносїа· еже цвѣтѡвъ· еже бл(а)гоуханїа, н законосное· нь н самого чл(овѣ)чьскаго естѣства ѡбновленїе, н възыгранїе· достѡнно кто исповѣсть·

Г~ Ѣбаче въса сїа ннаа чюдодѣлїа б(о)жїа· такоже н ѡстрозрнтелнын зми съзрьцовати не довлѣеть· любѡвъ прѣвѣсходнть· н не чюдо· б(ог)ъ бо любѡвъ нменѣет се такоже р(е)че иѡаннь громѡвъ·

Д· Всакаа льжа вымѣщенїа въ любвы не нмать· канн бо тоуждын любве рече, авелъ нзыдевъ на поле:~

Ѥ· Ѣстро нѣкако н быстротечн дѣло любве· съсакоу добродѣтель прѣнти мѡвоуше:~

З· Лѣпотнѣ сїю д(авн)дъ оукрашаеть· тако мнро рече на главѣ· съхощеє на брадѣ аароню· н тако роса аермонская съхощеїа на горы сїѡнскыє·

З· Юноше н д(ѣ)вы, къ любвамъ прикладни, любѡвъ възлюбнте· нь правѣ н незазорнѣ· да не нѣкако юнѡтѣство, н д(ѣ)в(ъ)ство поврѣднше, нмже ес(тѣ)ство наше къ б(о)ж(ъ)ст(ъ)вномъ прнсваѣет се б(о)жѣствное негодѣеть· не ѡскрьблѣнте р(е)че ап(о)с(то)ль д(оу)-ха с(вѣ)т(а)го б(о)жїа· нмже знаменасте се тавѣ тако въ крыщенїи~

Ѣ. Бѣхомъ въкоупѣ, н дръгъ дръга блнзъ, нли тѣлесн, нли д(оу)-
хомъ. нъ аще горы. аще рѣкы, расцѣпише нас. д(авн)дъ да речеть.
горы гелвоуѣнскыѣ. да не сындетъ на вас, ни же дъждъ ни же роса.
яко саоула н юанафана не съхраннсте. ѡ беззлюбїе д(авн)д(о)во.
слышнте ц(а)рїе, слышнте. саоула ли плачешн ѡбрѣтенїи. ѡбрѣтох бо
р(е)чє б(ог)ъ д(авн)да. моужа по ср[ъ]д[ъ]цѣ моємъ:~

Ѣ. Бѣтры же да приразет се рѣкамъ н да нзысекнхть, якоже
при мовсен море. якоже прїисоусѣ соудїи кѣвота ради юрдань.~

Ѣ. Ёще да съвъкоупни се. ёще да оузрни се. ёще любѡвнѣ да
сѣдинни се. ѡ томъ самомъ х(рист)ѣ б(о)гѣ нашемъ. емъже сла-
ва съ ѡ(т)цємъ н съ с(вє)тынмъ д(оу)хомъ въ бесконныѣ вѣкы,
аминь:~

Димитрий Кантакузин

МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ

(Москва, РГАДА, Ф. 201, собрание М. А. Оболенского, № 88)

[220а] М(О)Л(Н)ТВЯ СЪ УМЫЛІЕНІЕМ[Ъ] КЪ ПРѢС(ВЄ)ТЪН
БЛ[А]Д[Ы]Ч[Н]ЦН НАШЕН ГОСПОЖДН Б[О]ГОРОДНЦН.
И МАЛОЮ ПОХВАЛОЮ. ТВОРЕНІЕ ДИМИТРІЯ КАН'ТАКОУЗНИА.
ПО СТИХѦМ[Ъ]. СЛАД[Ъ]ЧАИША МЕДЯ И СЪТЯ.

I БѢСѢХ[Ъ] Ц(А)РА И Б(О)ГА М(А)ТИ БЛА(А)ГАА:
БѢСѢХЪ СЪДѢТЕЛІА РОЖДЬШН ЕДИНА:
БѢСѢХ[Ъ] ЖИВОТЬ СВѢТ[Ъ] ЖЕ И БЛА(А)ГОСТЫНЮ:
БѢСѢХЪ ЖЕЛАЕМЫХ[Ъ] И ДОБРЫХ[Ъ] КРАН:

II ѠТ[Ъ]КОУДѦ НАЧНѦ ПЛАКАѦН СЕ Ѡ Д(Ѣ)ВО:
ѠТ[Ъ]КѦДѦ НАЧНѦ М(О)ЛНТН СЕ БЛА(А)ГАА:
ѠТ[Ъ] КЫНХ[Ъ] Г(ЛАГО)ЛѢ НЛИ ВѢЩАНІН Ч(Н)СТАА:
ѠТ[Ъ] КАКОВАА СР[Ъ]Д[Ъ]ЦА ѠТ[Ъ] КОЕГО ІЗЫКА:

III БѢСЪ СКВРЬНЬНЪ И НЕЧНѢСЪ ЕСМЪ ОКААН(Ъ)НЫ:
БѢСЪ СМРАДЬНЪ И ВЪ ГРѢСѢХЪ ЕСМЪ ОУВЫ МНѢ:
БѢСЪ ѠТ[Ъ]РИННОВЕНЪ ПОНЕЖ[Е] И БЕЗАКОНЬНЪ:
БѢСЪ ВСЕГДА ГРѢХЪ РАБОТАВЪ ДО Н(Ы)НІА:

IV СЪ НСПОВѢДАНІЕМЪ ПРИХОЖДѦ Н(Ы)НІА:
СЪ СРАМОМЪ И СМѢРЕННОЮ СЪВѢСТІЮ:
СЪ СЛЪЗАМИ И ВЪЗДЫХАН'МИ И СЛѢЗНАН'МИ:
СЪ ТВОЕЮ И ТЫІЮ НАДЕЖДЕЮ:

V Бѣсѣх[ъ] въ законѣ же и бл[а]г[о]д[ѣ]ти:
 Бѣсѣхъ прѣндох[ъ] съ прѣоудинвоженіемъ:
 Бѣсачьскым[ъ] оухыщреніемъ бѣсов'скимъ:
 Бѣсачьскимъ безакон'мъ оубѣи мнѣ:

VI Паче блонднаго бо с(ы)на съблонднх[ъ] азъ:
 [220б] Паче блондници безаконьнъ явнхъ се:
 Паче мытара же и разбонника:
 Паче ананіе и сам'фнре оубы мнѣ:

VII По каннѣ д(8)шѣ оубых[ъ] тако брата онъ:
 По нсаавѣ нечнствъ и невѣздържннкъ:
 По содомлановх[ъ] огнь чѣе и жоупель:
 По грѣшных[ъ] вѣсѣх[ъ] нже древле рѣвнѣе:

VIII Кое злых[ъ] не сътворнх[ъ] самоволнѣ:
 Кое грѣховъ не прондохъ самовластнѣ:
 Кое мръзскых[ъ] не съдѣлах[ъ] сладостр(а)стнѣ:
 Кое стоуда не съдѣхъ любосластнѣ:

IX Что рещи или что прог(лаго)лати не съвѣмъ:
 Что сътворити блонднѣнщн не вѣде:
 Что же от[ъ]вѣщати соудіе не имамъ:
 Что прѣжде въсплаю монх[ъ] злѣ не довѣм[ъ]:

X Въсплаю ли блондное мое жнтіе:
 Въсплаю ли злаа клетвам[ъ] прѣствленіа:
 Въсплаю хыщеніа же и неправды:
 Въсплаю оунынїа и от[ъ]чаанїа:

XI Възрыдаю невѣздържанн мнвожества:
 Възрыдаю высоковмые еанко:
 Възрыдаю светнаа помышленїа:
 Възрыдаю врѣмене тыщѣтъ:

XII Плати д(оу)ше ѿкаанна моа плачн:

Плачн ср[ь]д[ь]це съ оутробою плачн:

Плачнте ѿн непрѣстанно плачнте:

Плачнте въси оуды мон плачнте:

XIII Единнь азъ ѿт[ь]падох[ь] ѿт[ь] б(ог)а моего:

Единнь ѿт[ь] хр(н)стїань погоубых[ь] бл(а)гаа азъ:

[221а] Единнь прѣдань дїаволъ хотенїемъ:

Единнь ада наслѣдю гор'цѣ:

XIV Оувїн моее погыбѣлы волныке:

Оувы съмрьть каковъ чаю нѣжд[ь]нѣ:

Оувы лютааго д(с)ше разлѣченїа:

Оувы бес конца моукамъ. ндеже б[с]дѣ:

XV Подмысли д(оу)ше каковъ чаешн кон'ць:

Подмысли горестъ разлѣченїа нѣжд[ь]на:

Подмысли страх[ь] н болѣзнь тогдашнюю:

Подмысли н въстрѣщн н оужасн се:

XVI Ягг(е)ла нем(н)л(о)стивнаа чаю прїитн:

Ягг(е)ла по моему злобнѣ жнтїю:

Ягг(е)ла не щедѣща, нъ моуѣща ме:

Ягг(е)ла огньна неощедрающа:

XVII Не вѣм[ь] аще посланъ быс(ть) ети ме н(ы)ниа:

Не вѣмъ аще врѣме приближи се ѣже:

Не вѣм[ь] аще н тыщнѣ се съ орд'мн:

Не вѣмъ сїе аще съмрьтнаа ис(ть) ношь:

XVIII Нѣс(ть) тогда помощн ѿт[ь] друугъ н знаемых[ь]:

Нѣст[ь] нн ѿт[ь] братїе чед' же н съродникъ:

Нѣст[ь] нн ѿт[ь] нмѣнїнкаа пол'са тогда:

Нѣст[ь] помагае нн же нзымаен:

XIX Тогда ѿти оумниен(ь)но обратншн:
 Тогда языкъ вѣнезаапъ не вѣщает[ь]:
 Тогда пламень вѣноутръ сѣлнѣ одръжит[ь]:
 Тогда сллы нзнемогоутъ тѣлесные:

XX Сьмр[ь]ть прочее наѣла лютаа и коньць:
 Сьмреть вькоупѣ и разлвченїе же:
 Смр(ь)ть от[ь] здѣшнїих[ь] прѣводѣшн ннамо:
 [221б] Сьмр[ь]ть въ Тьмнѣн ѡкож[е] татѣ ношн:

XXI Тьмнаа соущн въ тьмъ ме от[ь]слет' ада:
 Тьмных[ь] честн азъ елма бѡ дїавола:
 Тьмнѣ же съ того аггелн вьзлюбнхъ:
 Тьмъ тьмнѣ нз'брах[ь] тьмнъ вьсь быхъ:

XXII Кто о мнѣ не вьсплает[ь] ѡ любнмнцн:
 Кто о мнѣ не вьзрыдает[ь] ѡ дрззы:
 Кто о мнѣ не вьздыхнетъ слыше сїа зла:
 Кто о мнѣ не просльзнтъ се ождающъ:

XXIII Прѣжде сьмрети мреть вьнстнннъ азъ:
 Прѣжде соуда сьвѣстїю оссждаемъ:
 Прѣжде моукъ мыслїю въ скръжете звеном[ь]:
 Прѣжде коньца без' конца моуѣнтн се и вѣмъ:

XXIV Тѣмъ огнѡ страшъ се раждеженїн радн:
 Тѣмъ скръжеть зоубом[ь] жестокосердн сїн чаю:
 Тѣмъ чрьвїа бою се скьктанїн дѣла:
 Тѣмъ кромѣшнаа тьма въ жнлнща мнѣ:

XXV Мене тар'таръ да вьсплаетъ се и бѣзд[ь]на:
 Мене ада да жалнтъ тьмное дьно:
 Мене нже въ ннх[ь] жнтїн хотещаго:
 Мене тьмъ вьзлюбнвшаго не свѣтъ:

XXVI Прѣходно ѿс(ть) се житїе и соуѣтно:

Прѣходящее скоро и роугающее се:

Прѣходно того не вѣдѣшїи мѡужем[ь]:

Прѣходити бо и ѡбразъ мїра сего:

XXVII Вѣскоу ю родити се сподобленъ быхъ азъ:

Вѣскоу ю чрѣва нзѡш[ь]дѡ не погыбохъ:

Вѣскоу ю же мн се срѣтоста колѣны:

Вѣскоу ю непросвѣщенъ и гробѡ прѣданъ:

[222a] XXVIII Іѡко сътѣши мн се рождѣсѣвъ съмр[ь]ть:

Іѡко погвѣтити тѣлїю прѣдати се:

Іѡко не вѣневѣкоу сити житїа злыих[ь]:

Іѡко прѣити мн ѡт[ь] здѣшнїих[ь] кромѣ грѣх[а]:

XXIX Сыхъ мало что замѣствовах[ь] ѡт[ь] іѡва:

Снце вѣщати ѡбычно правды нмѡ:

Снце бо свою ѡкааваю жнзнь:

Снце нже ц(а)р(ь)ствїа наследнице рѣше:

XXX Яще ѡны снце что сътвори грѣшнїи:

Яще сп(а)сенїи вѣсѣх[ь] въ каковыихъ азъ:

Яще ѡнѣмъ страшно съмрѣти Таннѣво:

Яще се снце азъ калю ѡбращѡ се:

XXXI Не жително мнѣ снх[ь] дѣла житїе:

Не живоущѡ мн въ добрѣдѣтелих[ь]:

Не ждѡщѡ съмр[ь]ть ѡт[ь] раднѡ же и крѡтѡв:

Не ждѡщѡ ни по съмрѣти покон:

XXXII Яще сїю болѣзнь не трѣпит[ь] кто:

Яще зѡубъ боудет[ь] яще ѡко болѣщее:

Яще глава яще роука яще чрѣво:

Яще ѡ сых[ь] болѣзноуемѡ малых[ь] оудѡв:

XXXIII Боудящю въсѣх[ь] въкоупѣ болѣзнь:
 Боудящее разлѣченіе д(оу)ши и тѣла:
 Б[оу]доуць брѣх[ь] грозных[ь] и тѣмных[ь] лицъ
 бѣсов[ь]скых[ь]:
 Боудящее въ адѣ вѣчноє мѣченіе:

XXXIV Како прѣтрьплю сокаанны и страннын:
 Како понѣсѣ несказан'ноу болѣзнь:
 Како зрѣх грознаа она бѣсовъ лица:
 Како мытар'ства прѣндѣ въздѣшнаа:

XXXV ꙗже н(ы)ни страстнѣи съмышляе:
 [222б] ꙗже въсако боуд[е]т' ми непогрѣшно:
 ꙗже себѣ сам[ь] злобнѣ провготовахъ:
 ꙗже злѣ съмоушают[ь] и оустрашаютъ:

XXXVI Нѣ от[ь] б(о)га моего от[ь]паднѣти:
 Нѣ и прѣд[ь] агг(е)ли дѣлѣ облѣченіе:
 Нѣ и стоудѣ тогдашнѣи мѡнх[ь] безаконїи:
 Нѣ и от[ь] с(вѣ)т(ы)хъ разлѣченіе слѣзно:

XXXVII Оулишень сладкааго ми вл[а]д[н]кы и б(о)га:
 Оулишень зренїа с(вѣ)тых[ь] агг(е)ль краснаа:
 Оулишень съжител'ства б(о)ж(ь)ств[ь]ных[ь] мѣж[ь]:
 Оулишень вл(а)гѣ рѣнских[ь] и ц(а)р[ь]ствїа кѣпно:

XXXVIII Ѡ каа въ кынх[ь] мѣсто мѣ срѣтоше:
 Ѡ злааго прѣложенїа и пагоуби:
 Ѡ моеє послѣднее нищети:
 Ѡ мною члѣмных[ь] страшнѣих[ь] онѣх[ь] мѣж:

XXXIX Соуднище страшно данїла' мѣ оужаси:
 Соуда бою се и трепещѣхъ осѣжденїа:
 Соудїа бѣо праведнѣ грѣшнымъ страшнѣи:
 Соудѣ без' м(н)л(о)сти не сътвор'шомѣ м(н)л(о)сть:

XL Н(ы)ниа вась м(о)лю честн соуще сп(а)сныхъ:

Н(ы)ниа вась подвижъ мира ѿт[ь]врьгшихъ се:

Н(ы)ниа вась богатихъ[ь] и оубогихъ м(о)лю:

Н(ы)ниа аще кто въ грѣсѣхъ[ь] подвижъ мнѣ:

XLI О мнѣ слъзы любимици источите:

О мнѣ м(о)лбы православны въспослиѣ:

О мнѣ сърод[ь]ства и друзъ о мнѣ м(о)лю:

О мнѣ въсь нже соуд[ь] страшнѣи чаяще:

XLII Къ д(ѣ)вѣи припаднѣте молюще се:

Къ вл[а]д[ы]ч[и]ци пролѣнте м(о)л(н)твы:

[223а] Къ грѣшнѣмъ оупованію и надежде:

Къ моему прибѣжищу и покрову:

XLIII Ничто же бо еи невъзможно естъ:

Ничто же съпротивно тѣмъ хотѣти:

Ни единно погрѣшно ц(а)р(н)ци роду:

Ни единно же пате м(н)л(о)сти любить:

XLIV Къ кому блгод[ь]нын и скрънын прибѣгнъ азъ:

Къ кому въздѣхъ нъ глыбыни ср[ь]д[ь]ца:

Къ кому стенианіе въспоуща гласи:

Къ кому припадноу щедрити мене:

XLV Тебѣ единно и грѣшныхъ[ь] прибѣжищу:

Тебѣ владѣмъ нмѣ пристанищу:

Тебѣ скоромъ скрънымъ зѣшенію:

Тебѣ вначю недоужд[ь]ныхъ[ь] безмъзд[ь]номъ:

XLVI Да не ѿт[ь]рннеша мѣ ѿ вл[а]д[ы]ч[и]це:

Да не възгнѣшаеша мѣ гнѣснааго:

Да не мръскаа ти боудеть м(о)л(н)тва моя:

Да не възвратиши се гнѣвомъ[ь] ѿт[ь] мене:

XLVII Не нмаамь надежде развѣ тебѣ ч(н)стаа:
 Не нмаамь ни много оупованїа:
 Не нмаамь ср[ь]д[ь]чное съкроушенїе:
 Не нмаамь ни же слъзам[ь] теченїе капле:

XLVIII Нмы же оубо не заль быль дїавола:
 Нми же оубѣжати хотех[ь] мѣстных[ь] мѣстѣ:
 Нми же полѣтити хотех[ь] м(н)л(о)сти:
 Нми же насладити се хотех[ь] бл(а)женїѣво:

XLIX Паки тебѣ страхом[ь] и любовїю зовѣ:
 Паки тебѣ гласомъ въпїю велїемъ:
 Паки тебѣ вѣщаю безъ дръзновенїи:
 [223б] Паки безнадежд[ь]нын надежде вѣрным[ь]:

L Яще кто от[ь] блѣдних[ь] оулачн м(н)л(о)сть:
 Яще кто от[ь] скверных[ь] пом(н)ловань быс(ть):
 Яще нечистъ же и от[ь] врьжень быдѣ:
 Яще мръз'къ и ненавидимъ сп(а)се се:

LI Да не соуетно боудет' ми м(о)ленїе:
 Да не от[ь] рнновѣн'но прихожденїе:
 Да не не оулачу надежде сп(а)с(е)нын:
 Да не от[ь] враща се съ стоудом[ь] посрамленъ:

LII Избави ноужд[ь]ныи ме съмръти д(ѣ)во:
 Избави грозных[ь] лицъ скверных[ь] бѣсовъ вида:
 Избави вѣсакого мѣченїа ме:
 Избави огня тар'тара и ада, ме:

LIII Ягг(е)ла мирна тихо разлоу'чающа:
 Ягг(е)ла крот'ка послан тогда ц(а)р(н)це:
 Ягг(е)ла ме въ онь въводиша животъ:
 Ягг(е)лѣ свѣта ме въроу'чн прѣбл(а)гаа:

LIV Жизнь мою пронзѣди къ бл(а)гоу:
Жизнь непороченна свгоубѣ ми даждь:
Жизнь въ радостѣ на те надѣющина се:
Жизнѣю къ вѣчнѣи прѣвѣди жизни:

LV Сп[о]добн причестити ми се тѣла же:
Сп[о]добн кръвѣ въкоупѣ причестіе:
Сп[о]добн и оудѣстѣи несомышенно:
Сп[о]добн неопалнѣ, нъ просвѣтити(те)лнѣ:

LVI Бѣсѣх[ъ] злыих[ъ] и скръбных[ъ] нзбави прѣч(н)стаа:
Бѣсѣх[ъ] ноуждѣ и скръбѣ нзми и не посрами:
Бѣсѣх[ъ] же бл(а)гъ сп[о]добн пате надежде:
Бѣсѣхъ тоуни ненавидѣших[ъ] посрами:

[224a] LVII Очааннаго ми оуми въздвигни:
Очаав'ших[ъ] се скръбѣю възвесели:
Очаав'шїи се не очаанїе едина:
Очаемых[ъ] чрѣсь надежде нзми:

LVIII Нензр(е)ченных[ъ] твоих[ъ] наслади се бл(а)гъ:
Нензр(е)ченных[ъ] сп[о]добихъ се м(н)л(о)сти:
Нензр(е)ченна ѿ нас[ъ] миѣ бл(а)годѣнствѣ:
Нензреченных[ъ] єе м(н)л(о)сти и щедротѣ:

LIX Кое слово сїа истини възможе:
Кое ѿт[ъ] кых[ъ] прѣвѣ да скажет(ъ) се:
Кое прѣжде по дългоу да исповѣсть се:
Кое ли похваленїе достоно:

LX Кое величїе б(о)ж(ь)ствнѣи славѣ:
Къ высотѣ вѣса прѣходецион:
[88a] Къ безмѣрнѣи похваль те и пачинѣ:
Къ вѣсѣх[ъ] радованїю соугубоу:

LXI Та лѣствница юже іакѡвъ видѣ:
 Та по нѣн ж[є] б(о)гъ на земли сънне:
 Та коупина неопалнаа въ синан:
 Та бѡ пріеть огнь б(о)ж(ь)ства въ ѣрѣвѣ:

LXII Ѓѣа роуно ѡ гѣдѣѡнѣ бысть:
 Ѓѣа без' цюѡка пріеть о(тѣ)чѣе слово:
 Ѓѣа свѣтъкъ запечатѣнїн ѡвн се:
 Ѓѣа мнѡгонар(є)ченнаа прѣхвалнаа:

LXIII О сѣн пр(о)роци прорекоше прѣжде:
 О сѣн ап(о)с(то)ли наоуѣнше се:
 О сѣн іерар'си исповѣдаше ясно:
 О сен н м(оу)ч(є)н(н)ци вѣнчаше се:

LXIV Тою пр[ѣ]п[о]добнїи радоуют се пр(н)сѡ:
 [224б] Тою д(ѣ)вѣства исправленна быс(тѣ) ч(н)стѡта:
 Тою силно быс(тѣ) жень немошное ис(тѣ)ство:
 Тою д(ѣ)вама н м(а)терем(ь) прѣбысѣ славнаа:

LXV Она ѡд(оу)шевлєнїи б(о)жїи прѣстола:
 Она бѡ невѣмѣстнааго вѣмѣсти:
 Она адама нзбави прѣслоушанїа:
 Она єв'ѡу свободи древнїе клетвы:

LXVI Тѡе ради ратнын приидирихѡм[ь] се:
 Тѡе ради съ агг(є)лы лнкѣствоуєма:
 Тѡе ради ран ц(а)р(ь)ствоом(ь) замѣннхѡмъ:
 Тѡе ради н сп(а)сенїю надѣем се:

LXVII Тоу бл(а)жнѣи по достоинствѣ немошно:
 Тоу похвалнѣи по силѣ длѣжны есмы:
 Тоу немлыныи вѣсхвалати гласи:
 Тоу вѣсѣх[ь] чл(овѣ)къ н люю коупно радость:

LXVIII Ты моа ѿ вл[а]д[ы]ч[н]це надежда:

Ты же оупованіе и прнбѣжице:

Ты покровъ и застѣпленіе и помощь:

Ты прѣд[ъ]стателница и сп(а)сеніе:

LXIX Тобою даже до д(ь)н(ь)сь въ бл(а)гынх(ь) азъ:

Тобою въ православных[ь] чести:

Тобою въ прѣд[ъ]нѣа да пронзѣа:

Тобою раѣ пици да наслажда се:

LXX Сію свѣт[ь] ѿмрачен'ных[ь] ми вѣмь ѿтію:

Сію радованіе моеѣа ср[ъ]д[ъ]цоу:

Сію на бл(а)гаѣ наставляющю ме:

Сію злых[ь] и ноужд[ь]ных[ь] свобождающю ме:

LXXI Дрьзо ми пристоупаніе и г(лаго)лы:

Дрьзо без' дрьзновенных прнхожда к Тебѣ:

Дрьзновенна ме м(н)л(о)сти твоѣ твореть:

[225а] Дрьзае же радостнѣ и страхом[ь] зовѣ:

LXXII Тебѣ моа вѣса ц(а)р(н)це възложихъ:

Тебѣ себе вѣсего прнвѣргохъ д(ѣ)во:

Тебѣ еже о мнѣ еже промышляти вѣди:

Тебѣ и еже не посрамити ми се:

LXXIII Сама о мнѣ промышляѣи бл(а)гаѣ:

Сама ме чести сп[о]добѣи сп(а)сѣмыхъ:

Сама своѣѣа с(ы)нѣа за ме пом(о)ли се:

Сама ме вѣчных[ь] нзбави моукѣ гор'кых[ь]:

LXXIV Сіе ти прнношѣ исповѣданіе:

Сіе ти прнношѣ м(о)л(ь)бныѣ гласы:

Сіе же и мало похваленіе:

Сіе елико по силѣ радости моа:

LXXV Прїиѣи ѿ вѣсѣх[ь] ц(а)р(н)це прїиѣи:
 Прїиѣи и не ѿт[ь]рнни ни възгноушан се:
 Прїиѣи иже в(ог)а прїеѣиѣи въ чрѣвѣ:
 Прїиѣи іако вѣдѣіе двѣ цѣте:

LXXVI Дарѣи дарь іаже хоцешн и волншн:
 Дарѣи дарь дос(то)ннѣ твоеѣ бл(а)гостн.
 Дарѣи ѣи в(ог)а ѣоего ѣиѣостн.
 Дарѣи злых[ь] свобода и бл(а)гынх[ь] сладость:

LXXVII Радоуи се да радостно зовѣ ти пр(н)сно:
 Радоуи се вышнынѣ[ь] и нижнынѣ[ь] радости.
 Радоуи се прѣрадован'наа ч(н)стаа.
 Радаи се іако с тобою естъ г(оспод)ъ:~

Патриарх Паисий

ПОСЛАНИЕ ПАПЕ УРБАНУ ВОСЬМОМУ

[347а] Иже въ бл[а]г[о]д[ѣ]ти прѣс(вѣ)таго д(оу)ха жн-
в[оу]щом[оу], и великомъ, и прѣвнсоком[оу], и ап(о)с(то)ль съпрѣ-
стоном[ь], и оуѣнтелю въселенскомоу великаго, и славнаго, и бл(а)-
гъ небескѣхъ храннмаго, славоу с[вѣ]таго, и начелнѣншаго западннмъ,
и вѣсточннм[ь] странами[ь] съсїателю и оуѣнтѣлю римскаго езника,
великомъ и прѣднвном[ь], и б(о)гомъ нзбранномоу с(вѣ)томоу
госп[о]д[н]ноу ѡ(тъ)цоу папе 8рбане ѿ-го азъ много въ смѣренн сїю
прѣкланяю, и с(вѣ)тѣхъ стопъ твоихъ лобзаю, и м(о)лнмо г[оспод]а
б(о)га, и прѣч(н)стою его м(а)т(е)рь ѡ многолѣтном[ь] животѣ,
дльгод(ь)нствїи, и въ смнрѣнїи и мнрном[ь] встроени нже на врагы
повѣдъ, и долоение бѣдъхн прѣшаю къ намъ многопоштованн госпо-
дннь франо левонардаша архидяконъ трогнрскн моужь вънстннхъ
възор(ы)тъ, и на(оу)чене по повеленю како р[е]че с(вѣ)тею твою, и с(вѣ)-
т(е)ю сквпстнне ѡт[ь] разплоюна вѣре, и бѣдъхн съборншаю съ намъ
здръженїа радн, и съедннїюна пр(ѣ)стоном[ь] его; разъмно боуд[н]
с(вѣ)тїе твою б[о]гомъ разъмнаго и властно нас(ь) смѣреннн и аще
нѣкоа разнїствїа соут[ь] помѣждъ насъ, како и ѡт[ь] съборенїа
вншереченнаго архидякона съ намъ, и съ нашнма юфмонахн прѣашмо-
мн дръжнм[ь] се прѣданна намъ ѡт[ь] с(вѣ)тѣх(ь) ап(о)с(то)лї, и
с[вѣ]тѣх[ь] седамъ съборь, и кїи знаете ѡ томъ доверѣ, и мн вѣрвемо,
и исповѣдвемо прѣданна намъ· адам[ь] єдннь ѡт[ь] насъ, пл[ь]тъ, и
стр[а]данїа, и моука х[р]нсто[ва] ѡ(тъ) и чьстнмо, и вѣрвю въ єднна-
го б(о)га ѡ(тъ)ца въсѣдрьжнтѣлїа до конца, и на концъ, и въ д(оу)-
ха с(вѣ)таго нже ѡт[ь] ѡ(тъ)ца нсходѣщаго, и на снне почнвajúщаго,
г[оспод]а животворещаго, нж[е] съ ѡ(тъ)цемъ и с(ы)номъ и съпокла-
наема, и славнма, и прочаа· х[р]нсто(с)ъ б(о)г(ь) с(ы)нь, и слово
въплъщ се, образъ єсть невнднмаго б(о)га зато рече къ фнанппоу ап(о)-
с(то)лѣ вндевн менѣ, внд[е] и ѡ(тъ)ца· зри змѣ непрѣстано словѡ-

м[ь] нзлазѣн ѡт[ь] д(оу)ше, тако се раждаеть слово ѡт[ь] д(оу)ше, и пов[ь]с[оу]доу ходѣ, а ѡт[ь] д(оу)ше никакѡ не ѡтстѣпаю· пр[о]рокъ д[а]в[н]дѣ р[ече]те словомъ г(оспод)ниимъ н(е)б(е)са вѣрѣднше се, и д(оу)хомъ, виднши ли яко ѡ(тъ)ц(ь) начело с(ы)ноу и д(оу)хоу, и пакн ѱалом[ь] ѿ-ти яко въ тебѣ источникъ животѣ, и въ свѣте твоѣм оузрѣмъ свѣтъ· разсмѣн яко ѡ(тъ)цѣ источникъ животѡу, и въ свѣте, твоѣм оузрѣмъ свѣтъ, въ с(ы)ноу с(вѣ)тъ д(оу)хъ, и пакн како ндоу ѡт[ь] д(оу)ха твоего, и ѡт[ь] лица твоего како бѣжѣ· и въ ѱалмѣ р[ѣ]ч[и]моу лице ѡ(тъ) ц(ь) и(соу)с(ь) х(ристо)с(ь)· разсмѣн ѡ(тъ)-ц(ь) ѡ(тъ) начело с(ы)ноу, и д(оу)хоу, и въ ѿ-том[ь] ѱалмѣ не ѡт-вѣрѣн менѣ ѡт[ь] лица твоего, и д(оу)ха с(вѣ)таго твоего не ѡтнмѣн ѡт[ь] мене· лице ѡ(тъ) с(ы)нѣ, не рече нигдѣ д(оу)х(ь) ѡт[ь] слова, аще ѣдино соут[ь] б(о)ж(ь)ствоимъ нѣ имат[ь] того с(ы)нѣ али ѡт[ь] ѡ(тъ)ца, въ истинѣ ѣдино ѡ(тъ) начело ѡ(тъ)цѣ, и ѡт[ь] кого слово ѡт[ь] того и д(оу)хъ, словом бо и ѡт[ь] ч(л)овѣ)ка д(оу)хъ про[н]з[о]д[и]тъ, пакн иса[и]а г(лаго)лѣ въ ѿ-н главѣ д[оу]хъ, г(оспод)-ни на мнѣ егоже ради помажа мѣ и проч[а]· разсмѣн здѣ яко д(оу)-хъ ѡт[ь] ѡ(тъ)ца нсходѣ, на с(ы)ноу почиваетъ, и пакн иса[и]а г(лаго)лѣ ѿ-н рече ѡтрок мѡн егоже нзволнх[ь], и възлюблѣнн мѡн на нже бл(а)говоли д(оу)ша мѡа положи[ь] д(оу)хъ мѡн на нѣмъ, и проч[а]· вѣждѣ д(оу)хъ ѡт[ь] ѡ(тъ)ца, тажде иса[и]а г(лаго)лѣ ѿ-н нишн въ бнбл(н)иѣ не бѡи се рабѣ мѡн [3476] наковѣ, и правн, егоже нзбрахъ нзлею р[ече]те д(оу)хъ мѡн на семѣ твоѣ, и бл(а)г(о)с(ло)веннѣ мѡѣ въ наслѣдѣ твоѣ, кто ѡ(тъ) семѣ иаковѣ, иавѣ, яко х(ристо)с(ь) с(ы)-нѣ б(о)ж[и]и пл(ь)тъ пр[и]ѣмъ ѡт[ь] семѣне его помажа се д(оу)хомъ с[вѣ]тнм[ь], и пакн петарѣ ап(о)с(то)лъ въ деаннхъ зач[е]ло ѿ-н г(лаго)лѣ сего и(соу)с(а), нже ѡт[ь] назарета яко помажа его б(о)гъ д(оу)хомъ с(вѣ)тнмъ и снлѣю нонѣ глава ѿ-н и б[оу]доутъ рече въ послѣднѣ днѣ нзлею д(оу)ха мѡѣго на в(ь)сакѡу плѣтъ, разсмѣн здѣ не рече нзлею ѡд[ь] д(оу)ха нашего азъ ѡ(тъ)цѣ и с(ы)нѣ мѡн, нѣ ѡт[ь] д(оу)ха мѡѣго, и повс[оу]доу ѡбрѣтаемъ ѡт[ь] єдинаго лица, и начела слова, и д(оу)ха, а не ѡт[ь] с(ы)на д(оу)хъ· с(ы)на ради ѡт[ь] ѡ(тъ)ца нсходитъ, и на нсрданн с(ы)ноу кр(ь)щаемоу д(оу)хъ с(вѣ)-ти ѡт[ь] ѡ(тъ)ца нзидѣ, и р[ѣ]ч[и]тъ, въ вѣтхѡм[ь] заветѣхъ и въ новѣ-мъ повс[оу]доу ѡбрѣщешн єднако писаннѣ ѡт[ь] кого с(ы)нѣ слово, ѡт[ь] того и д(оу)хъ с(вѣ)ти, ѡба ѡт[ь] ѡ(тъ)ца а ѡ(тъ)цѣ нн ѡт[ь]

кого, ѡакоже ѡт[ъ] огна свѣтъ, срѣт[ъ] зара, и топлоть, ѡг[ъ]н[ъ] є ѡ(тъ)ць, зара с(ы)нь, топлота д(оу)хъ, не прѣжде ѡг[ъ]н[ъ], потом[ъ] зара, и топлоть, не боуди тако нь поколѣ огне, потом[ъ] зара, и топлота, и пакн ѡакож[е] самъ х(рнсто)с(ъ) ѡ д(оу)ше г(лаго)лѣ он мѣ прославнѣть ѡако ѡт[ъ] моего пр[и]нѣнѣ, и с(ы)нь сего нсходатанствѣтъ ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца, и нде, пакн р[е]чѣ х(рнсто)с(ъ) азъ ѡмолю ѡ(тъ)ца и ннаго вѣшнѣла дас(тъ) вамъ да б[оу]доу(тъ) съ вами въ вѣки д(оу)хъ нстинн, нши ѡ[анъ] зач[е]ло дѣ, и пакн ѡ зачѣла аще р[е]чѣ азъ не ндоу оутѣшнтѣль не прѣидетъ къ вам[ъ], а нмаше того ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца нсхонн въ себѣ, и сего ради р[е]чѣ азъ оумолю ѡ(тъ)ца да развѣмѣмъ ѡ(тъ)ца начело с(ы)ноу, и д(оу)хоу· самъ х(рнсто)с(ъ) р[е]чѣ, и нсповѣдати наоучн, ѡако ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца д(оу)хъ с(вѣ)тѣн с(ы)номъ посылает се, и от[ъ] т[оу]доу начело нмат[ъ] и нсхондѣ· мн вѣрѣмъ, и нсповѣдаемъ, и да не мннѣ ви братї латини ѡако не нсповѣдаемъ д(оу)хъ с(вѣ)тѣн ѡ(тъ)цѣвѣ, и с(ы)нов(ъ)нь да не да б(о)гъ, д(оу)хъ бо с(вѣ)тѣн кс(тъ) и ѡ(тъ)цѣвъ, и с[ы]нованъ; али ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца с(ы)номъ нсхондѣ, и вън вкараете нас, ѡако нзхожденіе с(вѣ)таго д(оу)ха ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца тачю г(лаго)лѣмъ, а не ѡт[ъ] с(ы)на· мїн гла(гол)ѣмъ оу вѣрою въ єдинаго б(о)га, срѣтъ ѡако с(вѣ)тѣн и въселенскн прѣвїн и въторїн съборъ вѣрѣдї знаете ѡ семъ добрѣ, ѡакоже и внише рѣхом[ъ] вѣр(оу)ю въ єдинаго б(о)га, и въ д(оу)ха с(вѣ)таго, нже ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца нсходѣщаго, тако ѡ(тъ), и проклет[ъ], и оутварнше тко ѣе разорнѣн, али прѣложнѣн тто· мїн сего дрѣжнм се павль ап(о)-с(то)ль г(лаго)лѣмъ аще тко д(оу)ха х(рнсто)ва нѣ нмат[ъ] сън нѣсть єговъ, и пакн посла б(о)гъ д(оу)хъ с(ы)на своего въ срѣца ваша, вниши ли ѡт[ъ] кого с(ы)нь, ѡт[ъ] того и д(оу)хъ, в(ъ)са єнка нмат[ъ] с(ы)нь, и д(оу)хъ, ѡт[ъ] ѡ(тъ)ца нмоу(тъ) ѡ(тъ)ць, и с(ы)нь, и д(оу)хъ равнїн соут[ъ] б(о)ж(ъ)ствомъ, начело с(ы)ноу, и д(оу)хоу кс(тъ) ѡ(тъ)ць· сїа предложнх[ъ] вашон любви да не р[е]чѣте ѡако ѡт[ъ] с(вѣ)тѣнх(ъ) писанїн наоучнхом се, и пакн єдинъ с(вѣ)тъ д(оу)хъ єдинъ г(оспод)ъ і(соу)съ х(рнсто)с(ъ) с(ы)нь въ славоу б(о)гоу ѡ(тъ)цоу аминъ· а ннѣхъ с(вѣ)тѣнхъ прѣмнож[ъ]ства несть нам[ъ] доколѣно писатї, како съглашѣють с(вѣ)тѣю тронцѣ, ѡако начело ѡ(тъ)ць с(ы)ноу, и д(оу)хоу кс(тъ), и пакн ѡт[ъ] прѣснакъ многаа намъ прѣдлежахоу г(лаго)латн, нь нѣсть намъ моцно ѡт[ъ] наслаїа нно-вѣрннх[ъ], и пакн ѡакоже г(оспод)ъ прѣдасть ѡако въ в(ѣ)рѣ б(о)жїю

с(веш)тєнно дѣнствовати наѣнѣ, и прѣдасть нмѣ с(вє)тїи хлѣбъ
 рѣкъ: прїимѣте и їадѣтѣ, се їѣтъ тѣло мое, такожде и чашоу наїїавъ
 ѡт[ъ] вина, и ѡт[ъ] води топанє рѣкъ пїиѣте ѡт[ъ] нїѣ, се ї(тѣ)
 крѣвь моя новаго завѣта, се творѣте въ мое въ споминанїѣ [348a] и
 прочїаа, и не р[е]чє безъквасноу дѣати, и такожде и на таннє вєчєрн
 кваснѣ хлѣбъ прєложнїшє, и самїи знаетє: того ради поснл(а)їаѣ къ
 вашон с(вє)тїи съ вншєр[е]чєннмѣ архїднакономѣ чєстїтаго ѡ(тѣ)ца
 внкїѣїа архїмандрїтоу, и ѡ(тѣ)ца їѣтнїаа клншарю сєго монастн-
 ра вѣспєнїа б(о)город(н)цє, нїѣ на нашє нмє сѣмнєнн и ннстєсн по
 с[вє]тѣнх[ъ] стопѣ твонх[ъ] лобзая прошїю и молю да оуразѣмѣте
 насъ, ежє можете, ваи сѣ възможна в(ъ)са, мнї жє къ скрѣбї, и
 тѣснотї, коїа мѣа въздамо да вншєрєчєнн нашн апокрѣшарн помощь
 кою и мнлошю ѡт[ъ] ѡ(тѣ)цнна мнлосардіа с(вє)тїє твоего
 прѣ[н]моуѣть, и мнї жє подлагамо, како рекомомо нстоумоу архїднако-
 ноу да їаю поставнїи въ помєннїкъ нмє с(вє)тнє твоїѣ и въ напрѣ-
 дакъ папє римскаго, како знамо да ї(тѣ) было въ старїє врѣмєна, и
 намѣ пншанїє пошалаєтє, ако <с>оу <ш>о сѣбрѣншааи с(вє)тн ѡ(тѣ)цн
 нстоїнн, и западнн того ради, да вѣѣмн аще єсть добро ежє дрьжнмо
 прѣданна намѣ ѡт[ъ] с(вє)т(н)хъ ап(о)с(то)лѣ, и с(вє)т(н)хъ сѣборѣ,
 и г(оспод)ѣ званїю с(вє)т(н)хъ да прнчѣтнѣть їако да боуд[е]мн єдннѡ
 стадо, и єдннѣ пастнрь ѡ самомѣ г(о)сп(о)дє нашєм[ъ] і(со)у(со)мѣ
 х(рїсто)мѣ ємѣжє слава, и даржава съ ѡ(тѣ)цємѣ, и прѣс(вє)т(н)мѣ
 д(оу)хомѣ и н(ы)нїа и пр(н)сно, и ва вѣкн вѣкѡм[ъ] аминь.

ОБ АВТОРЕ

Томислав Йованович родился 28 октября 1949 года в Белграде. Основную школу закончил в Малой Иванче, а среднюю педагогическую в Пожаревце. Выпускник Филологического факультета Белградского университета по специальности «сербско-хорватский язык и югославские литературы». Там же защитил две диссертации – магистерскую (*Текстологический и стилистический анализ литературных произведений о святом кнезе Стефане Штилияновиче*) и докторскую (*Литературные произведения патриарха Паисия*). На том же Филологическом факультете преподает литературу средних веков. Занимается исследованием творчества сербских авторов (Святой Савва, Стефан Первовенчаный, Феодосий, Марк Печский, Димитрий Кантакузин, Даниил Второй, патриарх Паисий, путевые записи о Святой Земле) и переводной литературы в сербской рукописной традиции (апокрифы, „Варлаам и Иоасаф“, „Грешных спасение“ Агапия Ландоса). Читал лекции в университетах Вены, Урбина, Будапешта, Крагуевца, Баня Луки и Ниша.

Библиотека
Язык и литература

Главный редактор
проф. д.ф.н. Александра Вранеш
Ответственный редактор
проф. д.ф.н. Лиляна Маркович
Ответственный секретарь
к.ф.н. Вукосава Джапа-Иветич

Серия
Сербская литература

Книга 3
Сербская литература средних веков. Хрестоматия
Составитель
проф. д.ф.н. Томислав Йованович

Перевод
проф. д.ф.н. Иван Чарота
Редакторы библиографии и примечаний
д.ф.н. Гордана Джокович
д.ф.н. Драгана Груйич

Издательство
Филологический факультет Белградского университета

За издателя
проф. д.ф.н. Александра Вранеш

Подготовка к печати
Ненад Павлович

Печать
Белпак, Белград

Тираж
300 экз.

ISBN 978-86-6153-330-3

Никакая часть данной книги, как и книга в целом, не могут быть размножены, копированы, перепечатаны или в какой-либо иной форме и на каком-либо носителе переданы или распространены без согласия издателя.

CIP - Каталогизација у публикацији - Народна библиотека Србије,
Београд

821.163.1-82

СЕРБСКАЯ литература средних веков : хрестоматия / составитель
Томислав Йованович ; [перевод Иван Чарота]. - Белград :
Филологический факультет Белградского университета, 2015 (Белград :
Белпак). - 286 стр. ; 24 см. - (Библиотека Язык и литература / главный
редактор Александра Вранеш. Серия Сербская литература ; кн. 3)

Антологијски избор. - Тираж 300. - Об авторе: стр. [287]. - Библиографија
уз сваки рад.

ISBN 978-86-6153-330-3

COBISS.SR-ID 217152524

